

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3

МАЙ-ИЮНЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В. Падучева (Москва). Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего...	3
М.Вас. Пименова (Владимир). Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии	19
Е.А. Пшихотская (Москва). Грамматика русского аппликатива	49
С. Бирцер (Регенсбург). Развитие предлога <i>отступя от</i>	69
А.И. Фалилеев (Санкт-Петербург/Аберистуит). Вопросы лигурского языкознания. <i>Ligurica sub specie Celto-Liguricae et Indo-Germanicae</i>	85
Б.Б. Ходорковская (Москва). Депоментные глаголы в латинском языке (по текстам Тацита)	114

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

С.Г. Шулешкова (Магнитогорск). <i>В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина</i> . Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2 000 единиц	121
В.Д. Соловьев (Казань). <i>S. Wichmann, E. Holman</i> . Temporal stability of linguistic typological features	124
М.М. Макарецев (Москва). <i>M. Dedaić, M. Mišković-Luković</i> (eds.). South Slavic discourse particles	129
К.В. Бабаев (Москва). <i>R.-J. Anyanwu</i> . Tense, aspect, and mood in Benue-Congo languages	132
М.В. Шкапа (Москва). <i>M. Bloch-Trojnar</i> (ed.). Perspectives on Celtic languages	135
Н.Р. Сумбатова (Москва). <i>G. Authier</i> . Grammaire kryz (Langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik)	139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

М.М. Макарецев, С.А. Сиднева, А.Е. Тунин (Москва). Круглый стол «Цветница. <i>Duminica floriilor</i> . Вауокуртакј. <i>Diela e lulevet</i> ... Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале»	145
Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина (Москва). Международный симпозиум «Диалектное состояние праславянского языка в свете этимологических исследований»	148
Э. Райт (Лозанна). Международная конференция «Перевод и межкультурная коммуникация в свете истории лингвистических идей»	150
М.Л. Котин, Е.Г. Которова (Зелёна-Гура). Международная конференция «История и типология языковых систем»	151
Б.В. Орехов (Уфа/Осло). Международная конференция « <i>Slavicogp</i> »	153

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, И.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.А. Плунгян* (отв. секретарь), *Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *Н.В. Вострикова, А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2011 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ВАЛЕНТНОСТИ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГОВОРЯЩЕГО*

Статья посвящена субъективности в языке, а именно, словам с подразумеваемым говорящим. Эти слова имеют эгоцентрическую валентность, т. е. валентность, которая в канонической коммуникативной ситуации заполняется, по смыслу – говорящим, а по форме – нулем. Прослеживаются основные семантические роли, которые может выполнять говорящий в толкованиях слов: наблюдатель, субъект сознания, субъект речи, субъект дейксиса. Формулируются общие правила, которые позволяют находить исполнителя роли подразумеваемого говорящего в неканонических контекстах (гипотаксическом, нарративном) и в контексте вопроса.

Я человек эпохи Москвошвея, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак!

О. Мандельштам

1. СУБЪЕКТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

Как пишет Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 295], «язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком». В чем же состоит это особое устройство языка, имеющее следствием столь широко развитую субъективность, иначе – эгоцентричность? Бенвенист отвечает: «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда он обозначает себя как говорящий, как бы присваивать себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 296].

Согласно общепринятым представлениям, говорящий – это то лицо, которое делает в данный момент в данном месте данное высказывание, адресованное другому лицу, предположительно находящемуся в том же месте и в зоне видимости. В такой функции говорящий проявляет себя, например, в семантике дейксиса, который позволяет идентифицировать лица, объекты, места, отрезки времени и т. д. через их отношение к речевому действию говорящего – индивидуальному, одновременному событию. Так, *здесь* – это ‘в том месте, где говорящий произнес высказывание с этим вхождением слова *здесь*’; *сейчас* – это ‘в тот момент, когда говорящий произнес, а адресат услышал высказывание с этим вхождением слова *сейчас*’. Семантика вопроса и побуждения тоже требует наличия не только говорящего, но и адресата. Адресата речи предполагают также обращения и некоторые вводные слова (*конечно, пожалуй*). Бенвенист особо упоминает средства оstenсивного указания (типа *это*) – слова, которые предполагают одновременно с их произнесением указание на предмет жестом. Всю совокупность своих возможных функций говорящий может выполнять только в канонической коммуникативной ситуации (см. [Lyons 1977: 637; Падучева 1996: 259–261]), когда говорящему обеспечен синхронный адресат, находящийся в том же месте и в зоне видимости.

Термин «говорящий» может использоваться и по-другому – говорящий может входить в толкование слов или грамматических категорий, см., например, Новый объясни-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-04-00256а.

тельный словарь синонимов русского языка [НОСС]. Тогда имеется в виду не конкретное, а обобщенное лицо, которое, во-первых, охарактеризовано своим участием в акте речи (как говорящий), а во-вторых, играет определенную роль в ситуации, описываемой данным словом, – что-то думает, видит, говорит и т. д.

Речь будет идти о подразумеваемом (имплицитном) говорящем – как он представлен, например, в семантике вводного слова (*Иван едва ли придет* = ‘говорящий сомневается в возможности прихода Ивана’) или сослагательного наклонения (*Была бы сейчас весна!* = ‘говорящий хочет, чтобы сейчас была весна’). Для этого аспекта языка бенвенистовский образ апроприации языка говорящим можно понимать так. В языке имеется большое количество слов с эгоцентрической валентностью – это валентность, которую в канонической ситуации заполняет, в семантическом смысле, говорящий, а на синтаксическом уровне ей соответствует эгоцентрический нулевой знак. Такова валентность на субъекта мнения у *едва ли* в примере, приведенном выше. Слова с эгоцентрической валентностью сами могут быть названы эгоцентрическими.

Скажем иначе. Есть слова, семантика которых предполагает некоторого участника, причем такого, что если этот участник синтаксически не выражен, то в канонической коммуникативной ситуации это будет, скорее всего, говорящий. **Предстоит очертить круг слов, подразумевающих говорящего, и выяснить, как может быть выражен говорящий в неканонических коммуникативных ситуациях.**

Главный пример неканонической коммуникативной ситуации, с которой приходится иметь дело лингвисту, – это нарратив. Будем считать, что в речевом (диалогическом) дискурсе у каждого отдельного высказывания есть говорящий. Это константа, которая подставляется в толкования всех эгоцентрических слов и категорий этого предложения, и контекст, который требуется для их интерпретации. Т. е. в принципе, речевой дискурс – это каноническая ситуация. Между тем нарратив не предполагает канонической коммуникативной ситуации. Условия интерпретации нарративного текста не включают говорящего, который выполнял бы все те функции, которые есть у говорящего в речевом дискурсе: нет места, в котором можно было бы локализовать говорящего, нет синхронного слушающего, который мог бы идентифицировать время речи или увидеть указательный жест и т. д. Часть функций говорящего выполняет в нарративе персонаж, часть – повествователь, а часть остается в традиционном нарративе невыразимой, см. [Падучева 1996: 259–284]. В [Fillmore 1975: 50], в связи с описанием семантики английского глагола *to come* говорится, что в нарративе 3-го лица говорящего заменяет главный персонаж соответствующего эпизода повествования. Но заменяет лишь в каких-то отношениях. Как мы увидим, говорящий в повествовании от 1-го лица тоже неполноценный.

Другой вид неканонической коммуникативной ситуации возникает в гипотаксисе: клауза в синтаксически подчиненной позиции, будь то даже речевой дискурс, в отличие от целого высказывания, обычно (хотя и не всегда) не имеет своего говорящего, см. примеры ниже.

Эти два типа неканонических ситуаций надо иметь в виду, когда речь идет о применении толкования эгоцентрического слова в словаре к его реальному употреблению в тексте.

Стоит оговорить соотношение между терминами «эгоцентрический» и «дейктический». В классической работе Р. Якобсона [Jakobson 1957/1972] были объединены (под именем шифтеров) две сферы субъективного в грамматике – дейксис и модальность. Третья сфера субъективного, оценка, в слабой степени грамматикализована (впрочем, оценку часто относят к сфере модальности, см. [Плунгян 2000]). Я использую термин «эгоцентриция» для обобщающего обозначения всех видов субъективности в языке.

Итак, переходим к словам с имплицитным говорящим и к эгоцентрическим валентностям. Различаются четыре основные роли, которые может играть говорящий в семантике слов, категорий и конструкций: это роль субъекта восприятия, субъекта сознания, субъекта речи и субъекта (или ориентира) дейксиса.

2. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ ВОСПРИЯТИЯ

Рассмотрим пример из [Апресян 1986/1995] в несколько иной интерпретации. Фраза (2.1) с глаголом *показаться* описывает ситуацию, в которой кроме дороги и всадника присутствует некое синтаксически не выраженное лицо – наблюдатель события:

(2.1) На дороге *показался* всадник.

Естественно предположить, что это лицо – подразумеваемый говорящий, так что (2.1) значит ‘всадник *показался* в моем поле зрения’. И это предположение подтверждается аномальностью фразы (2.2):

(2.2) *На дороге *показался* я.

В самом деле, человек не может оказаться вдруг в поле зрения самого себя, притом на расстоянии от самого себя; отсюда аномалия.

Аномалия возникает, однако, только в речевом контексте и в независимом предложении, т. е. в канонической коммуникативной ситуации. А если взять нарратив или гипотаксис, то подлежащее 1 лица при *показаться* (обозначающее объект восприятия) будет абсолютно нормальным, поскольку субъектом восприятия будет не говорящий, а другое лицо:

(2.3) а. Иван шел к морю. В какой-то момент на дороге *показался* я.

б. Иван видел, что в какой-то момент на дороге *показался* я.

На этом основании принято считать, что в значение слова *показаться* входит не говорящий, а другой участник – наблюдатель, см. [Апресян 1986 /1995]. В канонической коммуникативной ситуации, которую мы предположили для (2.1), роль наблюдателя выполняет говорящий. А в нарративе или при гипотаксисе наблюдателем может быть другое лицо. Пример, который, как и многие другие в этой работе, взят из [НКРЯ]:

(2.4) Фон Корен уже помирился с мыслью, что ему сегодня не уехать, и сел играть с Самойленком в шахматы; но когда стемнело, денщик доложил, что на море *показались* огни и что видели ракету (А. Чехов. Дуэль (1891)).

Ясно, что огни *показались* именно в поле зрения денщика, потому что про ракеты, которые он сам не видел, он говорит иначе. Так что в (2.4) валентность на наблюдателя у *показаться* заполняет не дейктический нулевой знак, а субъект матричного предложения. Это общее правило; исключения всегда имеют частные объяснения. Например, в (2.5) роль наблюдателя не может выполнять матричный субъект, поскольку из контекста следует, что он не видел корабля:

(2.5) Иван понял, что справа *показался* корабль, потому что все бросились к правому борту.

В нарративе роль наблюдателя переходит к персонажу, так или иначе выделенному в эпизоде; в (2.6) такой персонаж – Нинка:

(2.6) Тут Нинка отскочила к забору, потому что на дороге *показалась* Красавка, которая галопом неслась по деревне, а за ней, не отставая, бежала маленькая собачонка и отчаянно тявкала (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)).

Можно было бы подумать, что наблюдатель – это просто говорящий в роли наблюдателя, т. е. что наблюдателем является НЕ говорящий только тогда, когда контекст не подразумевает говорящего, так что в любом случае наблюдатель и говорящий – одно и то же лицо. В самом деле, рассмотрим пример:

(2.7) Фон Корен уже помирился с мыслью, что ему сегодня не уехать, и сел играть с Самойленком в шахматы. На море *показались* огни.

Фрагмент *На море показались огни* неоднозначен. Если это повествование от 1 лица, то в контексте есть говорящий, и он является подразумеваемым субъектом восприятия для *показались*. Если же это нарратив 3 лица, то говорящего замещает главный персонаж эпизода – очевидно, фон Корен. Он выполняет и роль наблюдателя.

Однако эту гипотезу следует отвергнуть. См. пример (2.8); в нем есть говорящий, т. е. повествование идет от 1 лица, но наблюдатель для *показаться* не он, а главные персонажи эпизода¹:

(2.8) Меня дома не было. Ваня и Таня сидели на кухне. Вдруг в окне *показался* человек.

Итак, в неканонической ситуации неверно, что говорящий и наблюдатель – всегда одно и то же лицо, это показывает пример (2.8). Однако для канонической ситуации наблюдатель при *показаться* – это говорящий в роли субъекта восприятия, так что *показаться* – глагол с эгоцентрической валентностью.

Большая группа глаголов с эгоцентрической валентностью на субъекта восприятия – это глаголы типа *белеть, чернеть* [Апресян 1986/1995]. Другие примеры: *возникнуть, оказаться, появиться, исчезнуть, пропасть; проступить, выступить, выглядывать, высовываться, проглядывать, проскользнуть, промелькнуть, мелькать; пахнуть, вонять, звучать, раздаваться, доноситься* (Звучит колокол, и *доносится* пение из собора. [НКРЯ]); *светиться, блестеть, мерцать; разверзнуться, раскинуться, расстилаться* [Падучева 2004: 210–214]. Ср. также *маячить* (перевод англ. *to lurk*, описанного Филлмором), *торчать, выситься; послушаться* [Успенский 1970/2000: 103]; *реять, развеиваться* [Булыгина 1982: 29].

Есть также глаголы (открытые Ю.Д. Апресяном, см. [Апресян 1980; 1986]), которые в определенном контексте предполагают перемещающегося наблюдателя: *кончаться* (*Тропинка кончалась у реки*), *начинаться, подниматься, спускаться, поворачивать* (*После моста дорога поворачивала направо*) и многие другие. Вначале наблюдатель усматривался у таких глаголов только в сов. виде. Примеры, где наблюдатель заведомо присутствует у глагола в несов. виде, приводятся в [Мещерякова 2005]:

(2.9) Мы поднялись на гору и вышли наконец на дорогу; круто обогнув крестьянские овсы, она мимо березовой рощи *спускалась* вниз к большому лугу (В. Вересаев).

В таких употреблениях глагол, несмотря на то, что его подлежащее обозначает неподвижный предмет, сохраняет идею направления (*подниматься* – вверх, *спускаться* – вниз и т. д.). Направление для неподвижных и не ориентированных предметов определяется движением, а двигаться в этой ситуации может только наблюдатель.

У многих глаголов валентность на наблюдателя возникает в производных диатезах: *выделиться, выискаться, выразиться, выявиться, задеваться, запропасться, запечатлеться, заслониться, затеряться, изобразиться, найтись, обнажиться, обнаружиться, обозначиться, отобразиться, потеряться, проясниться, разыскаться, скрыться, утаиться; проглядываться, просматриваться, различаться, смотреться, улавливаться, усматриваться; ощущаться* (Во рту, от недоспанного сна, *ощутился* привкус свинцовой горечи (Б. Пильняк. Третья столица (1922)), *почувствоваться, чувствоваться*.

Характерный глагол с валентностью на наблюдателя – *оказаться* <где-то>. В (2.10а) событие состоит в том, что некоторая «вещь» переместилась. Между тем в (2.10б) событие чисто перцептивное – «вещь» стала в некоторый момент находиться в поле зрения наблюдателя, ничего больше не произошло:

¹ Примеры этого типа были предложены Барбарой Парти в ходе дискуссии о проблемах первичного и вторичного дейксиса, за которую я пользуюсь случаем ее поблагодарить.

- (2.10) а. Пока мы с ним возились, волна сдернула шнур, и вся снасть *оказалась* в море (Ф. Искандер. Мальчик-рыболов (1980–1990)).
б. Архитектурный институт *оказался* в Ташкенте совсем рядом с нашим домом (И. Архипова. Музыка жизни (1996)).

Как отмечено в [Булыгина, Шмелев 1997], слово с имплицитным говорящим может быть не равно по значению тому же слову с явно выраженным участником 1 лица. Так, подразумеваемым субъектом неуверенного знания, которое выражается словом *кажется*, по умолчанию является говорящий. Однако эксплицитный субъект 1 лица меняет семантику вводного слова. Фраза *Кажется, фильм хороший* может быть произнесена в ситуации передачи информации, полученной от других лиц, или когда фильм недосмотрен до конца; а фраза *Мне кажется, фильм хороший* свидетельствует о неуверенности субъекта в собственной оценке.

То же касается слова *послышалось*. При подразумеваемом субъекте глагол понимается как восприятие говорящего: *послышался стук колес* = ‘мне послышался’. Выраженный субъект 1-го лица меняет значение глагола; *мне послышалось, что* обозначает неуверенное восприятие:

- (2.11) Мне *послышалось*, что вы сказали что-то по-итальянски (Тэффи. Забытый путь (1910)).

Важные семантические противопоставления, которые порождаются различием между эксплицитным и имплицитным говорящим, отмечены в [Stephenson 2007].

Из рассмотренных примеров видно, почему слово с эгоцентрической валентностью может употребляться, не меняя значения, в нарративе и в гипотаксисе, где, по нашему предположению, нет говорящего. Дело в том, что не все эгоцентрические слова требуют говорящего во всей полноте его функций. Глагол *показаться*, например, предполагает всего лишь лицо в роли субъекта восприятия и не требует обязательно канонической коммуникативной ситуации. Поэтому *показаться* употребляется и в нарративе, где роль наблюдателя может выполнять персонаж. Значение *показаться* в речевом дискурсе и в нарративе одно и то же.

Как правило, если слово может употребляться, не меняя значения, в гипотаксическом контексте, то оно может употребляться и в нарративном и интерпретироваться через персонажа. В дальнейшем мы будем для простоты ограничиваться проверкой на гипотаксическое употребление, чтобы убедиться в возможности нарративного. (В разделах 5 и 7 отмечаются, однако, возможные расхождения.)

Обратное неверно: есть слова, которые употребляются только в нарративе (такие как *назавтра, впоследствии, спустя*), а в гипотаксическом контексте неуместны.

Итак, первый пример эгоцентрической валентности – валентность на наблюдателя.

3. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ СОЗНАНИЯ

Помимо роли субъекта восприятия, говорящий может исполнять в концепте ситуации роль не выраженного эксплицитно субъекта сознания. Например, мы можем, вслед за Г. Фреге [Фреге 1977], приблизительно истолковать глагол *вообразать*, в одном из значений, так:

Х вообразает, что Р = ‘Х считает, что имеет место некое желательное для него Р, а говорящий не считает, что Р имеет место’.

Это толкование приписывает ситуации участника в роли субъекта противоположного мнения, который синтаксически невыразим, а семантически эту роль исполняет, в канонической коммуникативной ситуации, говорящий:

- (3.1) Ее муж *вообразает* себя гением [= ‘ее муж считает себя гением; говорящий не считает, что это так’].

Однако так же, как в случае с *показаться*, в гипотаксическом контексте исполнителем роли субъекта сознания будет другое лицо:

(3.2) Мария знает, что ее муж *воображает* себя гением.

Здесь уже не говорящий сомневается в гениальности мужа Марии, а сама Мария. Полная аналогия с *показаться*, только эгоцентрический участник имеет роль субъекта сознания, а не восприятия.

Хотя восприятие – это, скорее всего, один из актов сознания, наблюдатель (субъект восприятия) и субъект сознания – это существенно разные роли.

Во-первых, только наблюдатель даст аномалию при подлежащем Я, как в примере (2.2) (т. е. при совпадении субъекта и объекта наблюдения). В самом деле, наблюдатель – это внешний наблюдатель, и именно в этом источник аномалии в (2.2), см. [Падучева 1985/2009: 141, 142]. А субъект сознания вполне может иметь объектом самого себя, как в примере (3.1).

Во-вторых, у наблюдателя как субъекта восприятия предполагается какое-то место в пространстве ситуации (см. о связи восприятия с местом в [Wierzbicka 1980: 107]), тогда как субъект сознания может быть никак не локализован. Именно нахождение в определенном месте делает то или иное лицо потенциальным наблюдателем происходящего там события, см. примеры (2.8) и (2.10б).

В-третьих, субъект сознания может быть обобщенным, тогда как наблюдатель, в принципе, должен актуально присутствовать в том месте, откуда можно наблюдать происходящее. Ср., впрочем, глагол *выглядеть* с возможным обобщенным наблюдателем.

Наблюдателя иногда включают в толкование таких слов, которые на самом деле предполагают субъект сознания. См., например, синонимический ряд <*неожиданно, вдруг* и др.> [Левонтина 2004]. Ему дается толкование:

‘имеет место Р; говорящий или наблюдатель не ожидал, что будет Р или что Р произойдет именно в данный момент’.

В другом месте говорится, что *неожиданно* ‘указывает на несоответствие положения дел чьим-то ожиданиям или тому, что естественно было бы ожидать’. Ясно, что имеется в виду пропозициональная установка типа мнение, а не акт восприятия, так что говорящий выступает здесь скорее как субъект сознания, чем восприятия. Собственно говоря, *неожиданно* и ведет себя как слово с участником субъект сознания, а не наблюдатель; например, ничуть не аномально сочетание *неожиданно для самого себя*.

Впрочем, наблюдение и осмысление его результатов часто неотделимы одно от другого. Тот, кого мы называем наблюдателем, часто является одновременно субъектом сознания, поскольку эти два предиката могут присутствовать в значении слова одновременно, хотя в разных контекстах в разной пропорции. Пример (из [Падучева 2004: 250]) – глагол *обнаружить*, который в контекстах типа *не обнаруживал признаков жизни* предполагает субъекта восприятия, а в контекстах типа *обнаружил необыкновенную эрудицию* – субъекта сознания. Фраза *Я плохо выгляжу* должна была бы быть неприемлемой, поскольку *выглядеть* предполагает взгляд со стороны; ее спасает, однако, то, что говорящий при *выглядеть* может быть не только субъектом восприятия, но и субъектом знания / мнения.

Теперь понятно, почему глагол *вообразить*, толкование которого включает упоминание говорящего, возможен в гипотаксисе и в нарративе. Как и наблюдатель, субъект сознания требует только наличия (в контексте высказывания или в тексте) мыслящего лица и не предполагает других условий каноничности коммуникативной ситуации, например, наличия слушающего. Поэтому его роль могут исполнять в нарративе и гипотаксисе обычные персонажи.

Эгоцентрики с подразумеваемым субъектом сознания обычно эгоцентричны только по умолчанию. Т. е. по умолчанию предполагается эгоцентрическое заполнение валентности субъекта сознания, см. (3.3а); а в принципе, валентность субъекта сознания может иметь и ненулевое заполнение, см. (3.3б):

- (3.3) а. Отец *неожиданно* рассердился [в речевом режиме – ‘неожиданно для меня’];
б. рассердился *неожиданно* для всех; рассердился *неожиданно* для самого себя.

В гипотаксисе субъект неожиданности находится, как обычно, в матричном предложении:

(3.4) Мать пишет, что когда отцу прочли наше письмо, он *неожиданно* рассердился [= 'неожиданно для матери'].

По умолчанию предполагают субъект 1 лица слова так называемой категории состояния, типа *больно, весело, видно, возможно, видимо, заметно, интересно, жутко, горестно, досадно, приятно, хорошо, важно, безразлично, любопытно, легко, тошно, неловко, забавно, жарко, душно, обидно, радостно, скучно, грустно, страшно, трудно, ясно, похоже; плевать, лень, жаль, жалко, охота, неохота*; возвратные глаголы типа *хочется, придется, остается* и многие другие слова. Так,

(3.5) *Приятно*, что ты мне написал 'it is nice to hear from you' = 'мне приятно'.

Интересно слово *вкусно*, которое предполагает субъекта ощущения, но не имеет в русском языке соответствующей синтаксической валентности (в отличие, скажем, от английского *taste good*: можно сказать *it tastes good to me*).

Класс слов с подразумеваемым субъектом сознания составляют глаголы *объяснить, подтвердить, убедить, показать, оправдать, опровергнуть* в контексте субъекта не-лица [Падучева 1996: 153]. Например, оправдать что-то можно только в чьих-то глазах; поэтому в (3.6) мы ощущаем несобственную прямую речь – высказывание «Мощь государства *оправдывает* все жертвы» делается явно не от лица автора:

(3.6) Чем криминальнее режим, чем нестерпимее гнет, тем он любезнее народу. Мощь государства *оправдывает* все жертвы. Подумасшь, – индивидуальная судьба! (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002)).

В НОСС в толковании слова *похожий* фигурирует слово *человек*: он воспринимает объект Y, думает о нем и имеет его образ в сознании. Ясно, что *похожий* имеет эгоцентрическую валентность на субъекта сознания, т. е. предполагает говорящего. Очевидную эгоцентрическую валентность имеет и вводное слово *похоже* (*Он, похоже, расстроился*). Эгоцентрическую по умолчанию валентность на субъекта сознания имеют многие прилагательные – такие как *приемлемый; непостижимый, неразрешимый; важный, главный; непонятный, странный* (примеры даются по материалам Г.И. Кустовой [Кустова 2003]). Глаголы *внушать <жалость>*, *вызывать <раздражение>* могут иметь подразумеваемый родовой (а не индивидуализированный) субъект сознания, например: *Его вид внушает жалость*.

Субъект сознания – не менее важная фигура вторичного дейксиса, чем наблюдатель. Как и наблюдатель, субъект сознания может в нарративе 1 лица не совпадать с говорящим:

(3.7) Меня дома не было. Ваня и Таня сидели на кухне. Было *скучно и одиноко*.

То же самое мы видим в примере (2.8): *вдруг* предполагает субъекта неожиданности (т. е. субъекта сознания); и им являются Ваня и Таня, а не говорящий. Так что субъект сознания вполне аналогичен наблюдателю.

Следует подчеркнуть, что фигуры наблюдателя и субъекта сознания, отличные от говорящего, как в примерах типа (2.8) и (3.7), возможны только в нарративе 1 лица. В остальных контекстах, как канонических, так и неканонических, наблюдатель и субъект сознания реализуются в говорящем или в соответствующих данному контексту его заместителях.

Итак, говорящий является в каноническом контексте подразумеваемым субъектом сознания, т. е. знания и мнения, неопределенности, оценки [Падучева 1985/2009: 141], ощущения сходства и подобия, ожидания и неожиданности [Падучева 1996: 281], интерпретации [Апресян 2004], номинации [Успенский 1970/2000] и прочее. О субъекте сознания в гипотаксическом контексте см. подробнее в разделе 7.

4. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ РЕЧИ

Есть слова и другие языковые единицы, в значение которых говорящий входит именно в роли субъекта речи.

Говорящий в роли субъекта речи входит в семантику речевого акта вопроса (или, можно сказать иначе, в семантику иллокутивной модальности вопроса). А именно, в вопросе говорящий является субъектом следующих пропозициональных установок²:

‘говорящий не знает ответа’; ‘говорящий предполагает, что адресат знает ответ’; ‘говорящий хочет знать ответ’.

Отсюда следует, что вопрос предъявляет определенные условия к каноничности коммуникативной ситуации: требуется наличие не только говорящего, но и адресата. Так что полномочия субъекта речи в вопросе не могут быть переданы другому лицу с такой же легкостью, как полномочия субъекта восприятия или сознания. Так, в контексте косвенного вопроса вопросительное местоимение становится относительным, т. е. имеет другое значение. В самом деле, в косвенном вопросе пропадает участник адресат.

(4.1) а. *Кто* в Швейцарии президент?

б. Большинство населения Швейцарии не знает, *кто* в стране президент.

Вопрос – известный отдельный раздел теории нарратива [Падучева 1996: 344–346]. Вернемся, однако, к словам.

Говорящий выступает в роли субъекта речи в семантике вводных слов и выражений, имеющих метатекстовое значение (некоторые из них предполагают и слушающего); например, *честно говоря, кстати, признаться сказать, между нами говоря, почему знать*. Они уместны в речевом дискурсе (а также в нарративе 1 лица или в речи повествователя), а в гипотаксическом контексте невозможны:

(4.2) а. *Честно говоря*, этот нож не годится;

б. *Иван считает, что, *честно говоря*, этот нож не годится.

Интересно, что близкий вводный оборот *откровенно говоря* встречается в нарративе 3 лица, и подразумеваемый субъект – это персонаж, который как бы выразил свое мнение во внутренней речи:

(4.3) Сергей Сергеевич нахмурился. *Откровенно говоря*, высказанное женой опасение его самого беспокоило (В. Войнович. *Иванькиада*, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Возможны в гипотаксическом контексте выражения *мягко говоря, грубо говоря, попросту говоря*:

(4.4) Вот он и решил, что, *грубо говоря*, за выбитый зуб обидчик отвечает только одним выбитым зубом (С. Каледин. *Записки гробокопателя* (1987–1999)).

Он понял, что, *мягко говоря*, недомогает.

Она увидела, что ты, *попросту говоря*, счастлив.

В контексте глагола речи возможно и *честно говоря*:

(4.5) Поздоровавшись, я спросил, понравился ли ему фильм. Он ответил, что, *честно говоря*, не очень (О. Трояновский. *Через годы и расстояния* (1997)).

Однако *честное слово* в гипотаксической позиции в (4.6) – это, согласно Анне Вежбицкой, цитата (см. подробнее о цитировании в [Падучева 1996: 354]):

(4.6) Когда он надолго расстается с ними, уезжая куда-нибудь в Шанхай, говорит, что, *честное слово*, скучает (Е. Голованова. *Звон хрустальный* (2002) // «Домовой», 2002.09.04).

² См. [Searle 1969] и последующую обширную литературу по теории речевых актов, в частности [Падучева 1985/2010].

5. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ ДЕЙКСИСА

Наконец, имеются эгоцентрики, которые предполагают говорящего в момент речи, в месте речи и с синхронным адресатом, т. е. каноническую коммуникативную ситуацию. Это слова, относящиеся к сфере дейксиса, такие как *здесь* и *сейчас*, *сегодня* и *завтра*, *тут* и *там*, *вот* и *вон*, *вот такой* и *вот так*. Многие из них в норме сопровождаются указательным или пояснительным жестом. Что с ними происходит в неканонической ситуации?

В [Апресян 1986/1995] рассматривается пример – предложение (5.1) со словом *сейчас* трактуется как неоднозначное:

(5.1) Он только *сейчас* понял, какой радостью был для него приезд жены.

Понимание 1. Высказывание интерпретируется в речевом режиме (в терминах Апресяна – первичный дейксис), и *сейчас* обозначает время высказывания; у высказывания есть говорящий, отличный от подлежащего 3 лица *он*; описание состояния этого субъекта 3 лица принадлежит говорящему.

Понимание 2. Предложение интерпретируется в нарративном режиме (в терминах Апресяна – вторичный дейксис) как часть повествования, *сейчас* обозначает текущий момент текста; субъект один – он вербализует свое собственное состояние.

Заметим, что такая неоднозначность возможна только для *сейчас* в значении *сейчас-1*. Употребление *сейчас* в значениях *сейчас-2* ‘только что’ и *сейчас-3* ‘вот-вот’ невозможно ни в нарративе, ни в гипотаксисе, см. [Падучева 1996: 273]. Аналогичная разница между словами *сегодня* и *завтра*: слово *сегодня* может употребляться в нарративе в значении, близком к ‘сейчас’, а для *завтра* есть нарративный вариант *назавтра*.

Анафорическое употребление, наряду с дейктическим, допускает и *здесь* (ср. [Апресян 1986/1995]):

(5.2) Только *здесь* он почувствовал себя человеком.

Понимание 1: *здесь* – значит в месте, где находится говорящий, причем *он* ≠ говорящий; в интерпретации участвуют два субъекта.

Понимание 2: *здесь* – в месте, где находится *он*; место должно быть задано анафорически; в интерпретации участвует один субъект.

Ясно, что, употребляясь Говорящий в нарративе, *сейчас* и *здесь* меняют значение – они не идентифицируют времени и места. Говорящий в нарративе 1 лица, как и персонаж в третьем лице, не позволяет осуществить идентификацию, поскольку ситуация не каноническая: нет того единовременного речевого действия, в котором читатель был бы с и н х р о н н ы м адресатом говорящего. Это первичные, т. е. собственно эгоцентрики.

В этом смысле *сейчас* и *здесь* отличаются от *показаться* и *неожиданно*, которым употребление в нарративе не наносит семантического ущерба, поскольку это вторичные (несобственные) эгоцентрики.

Ср. фразу из I главы «Капитанской дочки»:

(5.3) В то время воспитывались мы не *по-нонешнему*.

Описываемые в повести события пугачевского бунта точно датированы; между тем *нонешнее* время датировать нельзя. Даже если бы мы знали, в какие годы Петр Андреевич Гринев писал свои записки, это не спасло бы дело. Слово *нонешний* требует адресата, синхронного говорящему, и употреблено не нормативно. Это вкрапление в нарратив неинтерпретируемого первичного дейксиса – примечательный тонкий прием.

В гипотаксическом контексте дейктические слова ведут себя иначе, чем слова с говорящим в роли субъекта восприятия и сознания. Рассмотрим слово *сегодня*:

(5.4) Иван сказал, что он *сегодня* занят.

Несмотря на гипотаксический контекст, *сегодня* интерпретируется, скорее всего, относительно говорящего, а не матричного субъекта: возможно, в реальной ситуации

было так, что Иван вчера сказал, что он завтра будет занят, а говорящий перевел это на свой язык – интерпретация *de se*. Ничего похожего на поведение слов, у которых говорящий выступает в роли субъекта восприятия или сознания и которые поддаются гипотаксической проекции. Понять (5.5) так, чтобы *сегодня* значило ‘вчера’, практически невозможно – *сегодня* может быть ориентировано только на говорящего:

(5.5) Иван вчера сказал, что он *сегодня* занят.

6. РОЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ. ПРАВИЛА ПРОЕКЦИИ

Дж. Лайонз [Lyons 1977: 579] предлагает некоторый общий принцип построения правил выявления исполнителя роли говорящего в неканонических коммуникативных ситуациях. Они называются правилами проекции.

Вторичные эгоцентрики могут употребляться в канонической коммуникативной ситуации, и тогда исполнителем их эгоцентрической роли является говорящее лицо, как в примере (2.1). Но они могут употребляться, не меняя значения, и в неканоническом контексте; их интерпретация определяется в этом случае правилами проекции.

Проекция (дейктическая, гипотаксическая, нарративная, вопросительная) – это изменение интерпретации (по сравнению с исходным правилом для канонической ситуации), в результате которого у эгоцентрической роли, предполагаемой семантикой слова, исполнителем оказывается не говорящий, а какое-то другое лицо. (См. в [Goddard 1998: 206–211] использование правил проекции при описании англ. глагола *to come*.)

Одно из правил Лайонза называется правилом дейктической проекции. Это случай, когда эгоцентрик, нормально ориентированный на говорящего, ориентируется на слушающего. Такая проекция происходит в вопросе – исполнителем роли наблюдателя при *показаться* оказывается не говорящий, а слушающий:

- (6.1) а. – На дороге *показался* всадник <в моем поле зрения>
б. – Ну что, он так и не *показался*? <в твоём поле зрения>

Смена ориентации семантически предсказуема: ясно, что вопрос про свое поле зрения был бы бессмысленным.

Обратное соотношение между подразумеваемым лицом субъекта в вопросе и в ответе возникает в контексте деонтической модальности, в вопросе – говорящий, в ответе – слушающий:

- (6.2) – *Можно* <мне>? – *Можно* <тебе>.

В разделах 2 и 3 было продемонстрировано правило гипотаксической проекции – оно иллюстрировалось примерами (2.4), (3.2), (3.4). Правило состоит в том, что если глагол с валентностью на говорящего входит в подчиненную клаузу, то исполнителем роли говорящего становится субъект матричного предложения. Исключения обычно семантически объяснимы. Так, в (2.5) *Иван* не может быть субъектом наблюдения, поскольку является субъектом принципиально иной пропозициональной установки.

Изменение исполнителя роли говорящего в нарративе можно представить как нарративную проекцию. В нарративном контексте понять, кем именно заполняется валентность наблюдателя или субъекта сознания (т. е. кто исполнитель этой роли), можно обычно только из широкого контекста. В примере (6.3) слово *неожиданно* требует субъекта сознания; а слова *кончился* <лес> и *начались* <болота> предполагают идущего – очевидно, он и является субъектом сознания для *неожиданно*:

- (6.3) За озером местность *неожиданно* изменилась – хвойный лес кончился, начались болота (В. Быков. Болото (2001)).

Предположительно, гипотаксическая и нарративная проекция возможны для всех вторичных эгоцентриков.

7. ТОЛКОВАНИЕ СЛОВ С ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТЬЮ

Итак, выделяется некоторый круг слов с эгоцентрической валентностью – такой, которую в канонической ситуации заполняет говорящий. Что можно сказать про интерпретацию эгоцентрических слов в неканонических ситуациях? О говорящем как субъекте восприятия шла речь в разделе 2, о субъекте речи и дейксиса – в разделах 4, 5. Вернемся к говорящему как субъекту сознания. Примеры толкований, в основном, взяты из [НОСС].

Пример 1. Глаголы интерпретации. Глаголу *ошибаться* дается в [Апресян 2004] следующее толкование:

- (7.1) *Х ошибается, думая Р* = 1) *Х* думает, что *Р*; 2) говорящий считает или знает, что не *Р*; 3) говорящий считает, что *Х* думает так потому, что не знает фактов или не понимает их.

Глагол *ошибаться* подразумевает говорящего как субъекта сознания. Когда глагол употребляется в гипотаксическом контексте, имеет место гипотаксическая проекция. Так, в (7.2а), в канонической коммуникативной ситуации, подразумеваемый говорящий считает или знает, что не *Р*, а в (7.2б) субъектом оценки является не говорящий, а Мария:

- (7.2) а. Иван *ошибается* $\supset$ 'говорящий считает, что не *Р*';
б. Мария уверена, что Иван *ошибается* $\supset$ 'Мария считает, что не *Р*'.

Интерес представляет пример (7.3), где подлежащее глагола *ошибаться* – 1 лицо:

- (7.3) Впрочем, я очень мало знаю Вену и, быть может, *ошибаюсь*, воображая ее зиму холодной (П. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк (1882)).

В этом случае применение толкования состоит в том, что на место субъекта *Х* подставляется тот же говорящий:

- 1) говорящий думает, что *Р*, но 2) допускает, что, быть может, не *Р*; 3) говорящий допускает, что он думает так потому, что не знает фактов или не понимает их.

В самом деле, (7.3) $\approx$ 'я представляю себе зиму в Вене холодной; но, быть может, это не так'. В этой модификации два противоречащих друг другу мнения (*Р* и не-*Р*) принадлежат одному лицу – говорящему. Но противоречие не приводит к аномалии, поскольку эти мнения разделены «загородкой» (*hedge*) *быть может*. А без загородки глагол *ошибаться* и не может иметь субъект 1 лица.

Пример 2. Глагол *придираться*. Ему можно дать, учитывая [МАС] и [НОСС], следующее толкование:

Х придирается к *У-у* = 'Х использовал некоторый факт как повод для выражения недовольства *У-м*; говорящий считает, что факт незначительный и что недовольство *Х-а* необоснованное или избыточное'.

Опять-таки, здесь говорящий – субъект сознания, и исполнитель его роли в гипотаксическом контексте определяется правилом гипотаксической проекции:

- (7.4) а. Начальство к Васе *придирается* [речевой режим; субъект сознания – говорящий];
б. Вася считает, что начальство к нему *придирается* [гипотаксический режим; субъект сознания – подлежащее матричного предложения].

В (7.5) роль субъекта сознания при *придираться* тоже исполняет, прежде всего, говорящий, но анафора создает гипотаксический контекст, который вовлекает в интерпретацию *слепой* и *мы*; они становятся субъектами сознания по тому же правилу гипотаксической проекции:

- (7.5) Арношка *придирается* к тебе, это и слепой увидит, мы подтвердим это, даю тебе слово (Л. Чарская. Вторая Нина (1909)).

Пример 3. Глагол *мочь* в значении эпистемической возможности. Об эпистемической возможности говорят тогда, когда рассматриваются разные возможные состояния мира, и говорящему неизвестно, какая из возможностей имеет место. Так что субъектом эпистемической возможности в канонической коммуникативной ситуации является говорящий:

(7.6) Наш лом *мог* ударить и в камень (А. Солженицын. В круге первом, т. I (1968)).

(7.7) Правда, и соображения здравого смысла также были не на их стороне, но ведь и здравый смысл *мог* оказаться с изъясном (В. Быков. Камень (2002)).

(7.8) Газету *могло* скомкать, ветром в кучу собрать, дождями вымочить, либо собаки, либо скотина рылом ее смяла... (В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)).

Очевидно, субъектом эпистемической возможности является говорящий в роли субъекта сознания. Поэтому возможна гипотаксическая проекция – в (7.9) субъектом эпистемической возможности является не говорящий, а подлежащее матричного предложения:

(7.9) Ирина вдруг поняла, что Сашу *могли* сжечь вместе с палаткой или отстрелить в подъезде (В. Токарева. Своя правда (2002)).

Подразумеваемым субъектом деонтической возможности (разрешения) может быть говорящий, как в (7.10), но не только говорящий, см. (7.11):

(7.10) *Можете* идти.

(7.11) Просто человеку предлагается свобода выбора, и каждый *может* выбрать то, что ему ближе (Конфликт цивилизаций (миф или реальность) (2006)).

Пример 4 (из [Апресян В. 2004]). Синонимическому ряду, включающему *хотя бы* и *хоть*, дается в [НОСС] толкование с участием говорящего:

хотя бы P = 'говорящий понимает, что иметь желаемое невозможно, и готов иметь меньшее P, обладание которым более вероятно'.

Однако в примерах из (7.12) смысл *хотя бы*, *хоть* не требует обращения к говорящему:

(7.12) а. Маша хотела взглянуть на героя *хотя бы* издали.

б. Кэт решила поспать *хотя бы* полчаса.

в. Маша просит, чтобы ты ей *хотя бы* позвонил.

г. Шофер вел машину медленно, чтобы солдаты *хоть* немного отдохнули.

Заменяя в толковании из [НОСС] «говорящий» на «человек X», мы получим:

хотя бы P = 'человек X понимает, что иметь желаемое P' невозможно, и готов иметь меньшее P, обладание которым более вероятно'.

В этом толковании два компонента: желание человека X что-то иметь (в частности, это может быть желание, чтобы человек Y имел нечто или сделал что-то, нужное X-у) и готовность того же человека X иметь меньшее. В обоих компонентах X может быть произвольным лицом. Легко проверить, что это толкование дает правильную интерпретацию примерам (7.12а)–(7.12б).

В частности, разумеется, лицо X может быть и говорящим. Например:

(7.13) Хорошо, что Маша *хоть* раз в год приезжает в Москву = 'говорящий понимает, что не может иметь желаемое P' (чтобы Маша приезжала часто), и готов иметь меньшее P, обладание которым более вероятно (чтобы Маша приезжала раз в год)'.

Подчеркнем, что в (7.13) субъектом «уступительности» является только говорящий: это он готов довольствоваться тем, что есть, понимая, что не может рассчитывать на большее. Про Машу мы ничего не знаем. Возможно, Маша вовсе не довольна тем, что приезжает так редко. А может быть и так, что она не считает более частые приезды в Москву желательными.

В чем же дело с примерами (7.12а)–(7.12г)? Неужели говорящий включен в толкование *хотя бы* напрасно? Конечно, нет. Дело в том, что *хотя бы* употребляется в этих примерах в гипотаксическом контексте, где говорящего обычно заменяет субъект матричного предложения. Так что описание в [НОСС], которое приписывает *хотя бы* эгоцентрическую валентность, выдерживает проверку на адекватность, а гипотаксическая проекция получает подтверждение на новом материале: *хотя бы* относится к тем словам, которые должны находиться в сфере действия того или иного предиката пропозициональной установки, см. о таких словах [Падучева 1985/2009: 141, 142].

Отдельного внимания требует пример (7.14). Здесь два субъекта сознания – Маша и говорящий:

(7.14) Хорошо, что Маше удастся *хоть* раз в год приезжать в Москву.

Чтобы предложение было нормальным, два сознания должны быть согласованы – говорящий должен эмпатизировать эксплицитному субъекту (что отмечено в [НОСС]), иначе возникает аномалия:

(7.15) *Жаль, что Маше *хоть* раз в год удастся приезжать в Москву.

Так что в предложениях с *хотя бы* и *хоть* могут фигурировать и два сознания, но, в отличие от случая с *ошибаться*, они не должны противоречить одно другому – иначе мы получим знаменитую ситуацию, когда гостям говорят: «Как жаль, что вы, наконец, уходите».

Пример 5. Словам *вряд ли* и *едва ли* дается в [Григорьева 2004] толкование, состоящее из двух компонентов – в обоих говорящий является субъектом сознания:

вряд ли / едва ли Р = ‘говорящий допускает, что Р возможно’ и ‘говорящий считает более вероятным не-Р’.

В канонической ситуации валентность говорящего заполняет эгоцентрический нуль:

Едва ли он вернется.

А в гипотаксисе, в соответствии с ожиданиями, в обоих компонентах говорящего замещает субъект матричного предложения (подчеркнут предикат матричного предложения):

Дверь она не закрывала, рассудив, что *едва ли* Колька носит с собой два комплекта ключей (О. Некрасова. Платит последний (2000));

Ветеран заявил, что он был польщен мнением министерства о его физическом состоянии, однако считает, что *едва ли* сможет быть полезен во время войны в Ираке (Послужишь, дедушка? (2003) // «Военный вестник Юга России»);

Почти все говорили или намекали мне, что *вряд ли* он оставит семью (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004));

Остается предположить, что *вряд ли* это будет последний вариант... (Г. Ильичев и др. Партком «Белый дом» (2003) // «Известия»).

Из легкости такого сдвига должно было бы следовать, что *вряд ли* и *едва ли* – вторичные (несобственные) эгоцентрики, и в нарративе их подразумеваемым субъектом будет персонаж. Между тем это предположение не оправдывается. Чаще всего *вряд ли* и *едва ли* встречаются в нарративе 1 лица, а в нарративе 3 лица имеют подразумеваемым субъектом повествователя:

Библиотекарь привычно заботился о своем богатстве – оберегал от пыли и сырости, от крыс и пожаров. Из-за этих забот он ряд лет не видел божьего света и *вряд ли* смог бы сразу ответить, какая пора на дворе (В. Быков. Главный кривсман (2002)).

Возможно, дело в том, что для слов *вряд ли* и *едва ли* естественно такое употребление, когда два компонента толкования (слегка противоречащие один другому) принадлежат не одному говорящему, а распределяются между говорящим и слушающим или функционируют как диалог говорящего с самим собой:

Может быть, когда-нибудь, в глубокой старости, снизойдет на меня мудрость. Но *вряд ли*. Сегодняшние старики редко бывают мудрыми (И. Грекова. Перелом (1987)).

Это дает возможное объяснение отмечаемой в [НОСС] склонности *вряд ли* и *едва ли* к диалогическому контексту. Показательно, что краткая ответная реплика, содержащая *вряд ли*, *едва ли*, обычно начинается с *нет*:

Она, конечно, непредсказуемая... со странностями, прямо скажем... Но шантаж... Нет, это, пожалуй, *вряд ли* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000));

Может, ты в себе будущего Репина загубишь. – Да нет, *едва ли* (В. Каверин. Два капитана (1938–1944)).

Пример 6. Проекция пресуппозиций. Можно думать, что слова с пресуппозициями – это эгоцентрики, исходя из того, что пресуппозиция – это семантический компонент вида ‘говорящий знает, что...’ [Падучева 2004: 257]. К возможности проекции разные пресуппозиции относятся по-разному. Например, пресуппозиция слова *даже* поддается гипотаксической проекции:

Даже Иван с трудом решил эту задачу [говорящий ставит Ивана в высокую точку на шкале решателей];

Иван удивился, что *даже* он с трудом решил эту задачу [Иван ставит в высокую точку на шкале решателей сам себя].

Гипотаксическая проекция фактивной пресуппозиции (скажем, глагола *сожалеть*) требует особого рассмотрения.

8. ИМПЛИЦИТНЫЕ СУБЪЕКТЫ ВВОДНОГО *КАЖЕТСЯ*

Говоря об имплицитных субъектах вводных слов, следует обратить внимание на употребление *кажется* в сослагательном наклонении – *казалось бы*:

(8.1) Володя приехал возмущенный: он просил представителей фирмы «Ямаха» подарить Жене рояль. *Казалось бы*, что им стоило! Но они ограничились какой-то электронной клавиатурой (С. Спивакова. Не все (2002)).

Если у обычного *кажется* подразумеваемый субъект – говорящий, то сослагательное наклонение подключает к делу второго участника речевой ситуации: говорящий приглашает слушающего разделить с ним его точку зрения. Так что *казалось бы* выражает мнение, которое говорящий предполагает общим у него и у слушателя (дейктическая проекция).

В значении ‘казалось бы’ может употребляться простое *кажется*. Так, можно думать, *кажется* в значении ‘казалось бы’ употребляет пушкинская Татьяна:

(8.2) Онегин, я тогда моложе, я лучше, *кажется*, была.

Пример (8.3) показывает, что на базе сослагательного понимания *кажется* возникает косвенный речевой акт (подобными примерами я обязана Е.Э. Разлоговой):

(8.3) Я, *кажется*, русским языком говорю!

Тут у говорящего нет неуверенности относительно языка, на котором он говорит. Его иллокутивная цель – выяснить, почему слушатель ведет себя так, **как если бы** ему это было неясно; точнее, высказать адресату свое раздражение по этому поводу.

9. ИМПЛИЦИТНЫЕ СУБЪЕКТЫ ВВОДНОГО *ОКАЗЫВАЕТСЯ*

Значение вводного *оказывается* в канонической ситуации:

оказывается Р = а) X узнал, что Р; б) X удивляется, что Р.

Допустимо употребление *оказывается*, когда оно вводит несобственную прямую речь. Тогда Р – это то, что сказал говорящему некий Y, причем говорящий не рассмат-

ривает информацию Р как свое знание; в его сознании Р – всего лишь мнение лица Y, которое вызывает у него недоумение или отстраненность.

- (9.1) Мама все время пытается воспитывать его на моем положительном примере. Всякий раз, когда мы собираемся за столом всей семьей, она начинает курить мне фимиам. *Оказывается*, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, которые проявлялись у меня в раннем детстве (В. Аксенов. Звездный билет (1961)).

Особенность этого употребления *оказывается* в том, что его ассоциированная пропозиция является мнением не говорящего, а другого лица; говорящий является лишь субъектом недоумения по этому поводу.

Другой пример:

- (9.2) Но меня и без политики схарчить раз десять хотели. Хорошо еще, что я беспартийный, – то пьяницу мне пришьют, то, *оказывается*, я бабник (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. I (1960)).

В (9.3) дело не в том, что говорящий не принимает полученную информацию как знание, а в том, что она для него не столь существенна, как для другого лица:

- (9.3) Визит преподобного взволновал всю больницу. *Оказывается*, в наших краях есть священники! И они исповедуют желающих! В самой большой палате больничной <...> говорили только об исповеди тети Поли (В. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)).

Итак, заключение. Рассмотрены некоторые классы слов с эгоцентрической валентностью, т. е. с валентностью, которая заполняется в канонической коммуникативной ситуации по смыслу – говорящим, а по форме – нулем. Найдено общее правило, которое позволяет находить исполнителя роли подразумеваемого говорящего в гипотаксическом контексте – гипотаксическая проекция.

Существенно, что проекция возможна только для вторичных эгоцентриков. На однозначно дейктических словах, первичных эгоцентриках, таких как *сегодня*, гипотаксическая проекция не работает: во фразе *Он вчера сказал, что сегодня занят* слово *сегодня* никак не может значить ‘вчера’: *сегодня* ориентировано на настоящее время говорящего, но не субъекта пропозициональной установки.

Наше исследование показало, что различаются два понятия: имплицитный говорящий (в той или иной из своих ролей) как фигурант толкования и говорящий как участник конкретного речевого акта, который в канонической коммуникативной ситуации персонифицирует имплицитного говорящего.

Имплицитные актаны, которые требуются смыслом слова, но не имеют поверхностного выражения, рассматриваются и обосновываются в работах, написанных в рамках формальной (теоретико-модельной) семантики, см. [Partee 1989; Condoravdi, Gawron 1996; Lasersohn 2005] и др. Так что трактовка субъективности, в основе которой лежит понятие имплицитного эгоцентрического актанта, позволяет включить исследуемую проблематику в более широкий теоретический контекст*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1980 – Ю.Д. Апресян. Принципы семантического описания единиц языка // Семантика и представление знаний. Тарту, 1980.
Апресян 1986 – Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. (Перепечатано в: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995).
Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русск. яз. в науч. освещ. 2004. Т. 1 (7).

* Автор благодарен Барбаре Парти, Б.А. Успенскому, В.Б. Борщеву, Анне А. Зализняк, Д.О. Добровольскому, М.В. Филипенко, с которыми он имел возможность обсуждать начальные версии этой работы.

- Апресян В. 2004 – по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Булыгина 1982 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Селливерстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Григорьева 2004 – С.А. Григорьева. Вряд ли, едва ли и др. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Кустова 2003 – Г.И. Кустова. Семантические модели иерархизации и интерпретации в непредметной сфере (на примере прилагательных *важный* и *серьезный*) // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Левонтина 2004 – И.Б. Левонтина. неожиданно, вдруг и др. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / А.П. Евгеньева (ред.). М., 1981.
- Мещерякова 2005 – Е.М. Мещерякова. Фигура наблюдателя в семантике грамматики (на материале видо-временных форм русского глагола) // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru>.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Падучева 1985/2009 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985; 6-е изд. М., 2009.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.
- Успенский 1970/2000 – Б.А. Успенский. Поэтика композиции. 3-е изд. СПб., 2000.
- Фреге 1977 – Г. Фреге. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Condoravdi, Gawron 1996 – С. Condoravdi, J.M. Gawron. The context-dependency of implicit arguments // M. Kanazawa, Ch. Piñon, H. de Swart (eds.). Quantifiers, deduction, and context. 1–32. Stanford, 1996.
- Fillmore 1975 – Ch.J. Fillmore. Santa Cruz lectures on deixis. Reproduced by the Indiana university linguistic club. Bloomington (Indiana), 1975.
- Goddard 1998 – С. Goddard. Semantic analysis: A practical introduction. Oxford, 1998.
- Jakobson 1957/1972 – R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.), 1957. (Русский перевод: Р. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // О.Г. Ревзина (отв. ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.)
- Lasersohn 2005 – P. Lasersohn. Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste // LaPh. 2005. 28.
- Lyons 1977 – J. Lyons. Semantics. V. 1–2. Cambridge, 1977.
- Partee 1989 – B. Partee. Binding implicit variables in quantified contexts // С. Wiltshire, В. Music, R. Graczyk (eds.). Papers from the Twenty Fifth meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1989.
- Scarle 1969 – J.R. Searle. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.
- Stephenson 2007 – T. Stephenson. Judge dependence, epistemic modals and predicates of personal taste // LaPh. 2007. 30.
- Wierzbicka 1980 – A. Wierzbicka. Lingua mentalis. Sydney, 1980.

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Падучева
 ВИНТИ РАН
elena.paducheva@yandex.ru

© 2011 г. М.Вас. ПИМЕНОВА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ

В статье на материале русской лексики анализируются факты семантического синкретизма, представляющие собой проявление формально-содержательной языковой асимметрии. Узуальные случаи «неразрешимого» синкретизма, составляющие, по мнению автора, особую лексико-семантическую категорию – *синкретсемию*, отграничиваются, с одной стороны, от совмещения двух значений многозначного слова, с другой стороны, от «неоднозначности» одного значения.

*«...если мы хотим изучать жизнь, – а язык есть кусочек жизни людей,
– то это не может быть просто и схематично»*
Л.В. Щерба [Щерба 1957: 83]

1. ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена одному из ингерентных свойств языка – синкретизму, имеющему predeterminedную нерасчлененностью мировосприятия объективную природу, объясняющуюся «...физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий, в которой, при нашей привычке к аналитическому мышлению, мы обыкновенно не даем себе отчета» [Веселовский 1913: 63–64]. Нашей целью является экспликация и систематизация фактов семантического синкретизма (они представляют собой результат отступлений от взаимоднозначных отношений между формой и содержанием) на материале русской лексики, что может послужить основой для дальнейшего изучения особенностей, причин и механизмов данного конституирующего языкового явления.

Прежде всего следует отметить, что термин «синкретизм» (от греч. συνκρητισμός «соединение, объединение, связывание») традиционно используется в различных гуманитарных науках, имея в каждой из них свою дефиницию. Так, например, в философии под синкретизмом понимают, во-первых, разновидность эклектики [БСЭ 1976: 421], во-вторых, дофилософские формы сознания, отличающиеся «слиянием» философии, мифа, религии и художественного творчества [Кессиди 1972]. В психологии данным термином указывают на особенность детского мышления и восприятия (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Э. Клапаред, Ж. Пиаже), predeterminedную тенденцией «связывать между собой разнородные явления без достаточного внутреннего основания» [БПС 2004: 509]. В исторической науке синкретизм трактуют как «смешение» в средневековом сознании метафизического (мыслимого) и реального (чувственно воспринимаемого) мира [Карсавин 1915]. В культурологии его связывают с искусством «на первоначальных стадиях человеческой культуры, когда музыка, пение, поэзия, танец не были отделены друг от друга» [Кравченко 2000: 529–530]. В религиоведении синкретизм рассматривают как «механическое слияние различных культов» [Мень 1993: 611]. В социологии этим термином обозначают «соединение различных элементов из различных социальных систем в новую структуру» [Ребер 2000: 249]. В литературоведении на понятии «первобытного синкретизма» строят «раз-

личные теории происхождения поэзии, ее разных родов и видов» (А.Н. Веселовский, Г. Спенсер, В. Шерер и др.) [ЛЭТиП 2001: 988] и т.д.

Обобщая имеющиеся дефиниции, следует отметить, что все они могут быть сведены к двум основным значениям термина «синкретизм»: 1) смешение/слияние первоначально независимых друг от друга явлений/разнородных элементов; 2) искомая нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления.

В лингвистических терминологических и энциклопедических словарях данный термин толкуется в рамках первого из указанных значений, причем преимущественно по отношению к синхронному грамматическому уровню языка [Ахманова 1966: 406; Бабайцева 1990: 446]. Второе значение («исконная нерасчлененность...») у обсуждаемого термина в лингвистических словарях не фиксируется, хотя терминологическое словосочетание «семантический синкретизм» довольно часто используется в работах историков языка^{1,2} и связывается с «...отражающей некий пережиточный этап мышления» языковой архаикой [Макаров 1978: 106].

То, что в лингвистических словарях синкретизм характеризуется как феномен, проявляющийся преимущественно на синхронном грамматическом уровне языка, свидетельствует об относительно хорошей изученности данных случаев в языкознании. Так, начиная с работ Н.Н. Дурново (1922 г.), Р.О. Якобсона (1936 г.), Н.С. Трубецкого (1937 г.) детально представлены виды падежного синкретизма в славянских языках (например, совпадение в русском склонении существительных формы винительного падежа с родительным или именительным в зависимости от одушевленности (например, *нет лошадей, купил лошадей; нет книги, не вижу книги*) [Jakobson 1936/1985: 150, 169]; неразличение творительного падежа единственного числа с винительным падежом единственного числа у всех прилагательных и существительных с основой на *-ija-* в чешском языке - *dobrou, prvni, pani* [Trubetzkoy 1937/1987: 216–217] и под.).

Известный датский ученый Л. Ельмслев в работах «Пролегомены к теории языка» и «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?» обращает внимание на синкретизм номинатива и аккузатива среднего рода в латинском и немецком языках [Hjelmslev 1943/1960: 344; 1958/1962: 126]. Один из виднейших представителей французского структурализма А. Мартине указывает на «синкретизм форм латинского дати́ва и аблатива в соединении с показателями мн. числа, на синкретизм форм латинского им. и род. падежей для всех существительных среднего рода; во французском языке имеется синкретизм форм сослагательного + изъявительного наклонений в ед. числе и 3-м лице мн. числа глаголов первой группы (за единичным исключением)» [Martinet 1968/1969: 102]. Подобный языковой факт фиксирует и французский лингвист М. Мамудян – «латинское слово *animalia* ‘животные’ является результатом синкретизма монемы “винительный падеж, множественное число” и монемы “именительный падеж, множественное число”» [Mahmoudian 1982/1985: 99].

П.М. Аркадьев отмечает, что современными зарубежными исследователями (Г. Стамп [Stump 2001]; Г. Мюллер, Д. Вундерлих [Müller et al. 2004]; М. Баерман, Д. Браун, Г.Г. Корбет [Baerman et al. 2005]; рец. см. в [Аркадьев 2004; 2006а; 2006б]) проанализированы «все отмеченные в языках мира типы синкретизма граммем различных грамматических категорий (падежа, числа, лица, видо-временных и модальных категорий)», то есть весь обширный корпус проявлений морфологического синкретизма [Аркадьев 2006а: 125], ср. [Гемплер 2009].

¹ Наиболее последовательно – в трудах лингвистов Ленинградской/Петербургской школы (Б.А. Ларин, В.В. Колесов, О.А. Черепанова, С.А. Аверина, Д.Г. Демидов, Е.И. Зиновьева, Б.В. Кунавин, В.Д. Петрова, О.А. Радутная и др.).

² Подробнее о предопределенной особенностями мировосприятия человека объективной природе семантического синкретизма, его наиболее ранних проявлениях и трансформации в связи со сменой концептуальных форм русской ментальности см. в [М.Вас. Пименова 2007: 34–44].

В отечественном языкознании наиболее изученными, пожалуй, являются случаи синкретизма на синтаксическом языковом уровне, что находит, например, отражение в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, в котором особо выделен единственный вид синкретизма – синтаксический синкретизм³ (подробнее о синтаксическом синкретизме см. в [Овсянко-Куликовский 1912; Пешковский 1935; Виноградов 1947; 1955/1975; Бабайцева 1967; 1990; 2000; Фурашов 1974; 1984; 2004; Чеснокова 1996; Чесноков 2001]); только этот вид синкретизма включен как в вузовскую, так и в школьную практику преподавания русского языка.

В диахронии грамматический синкретизм пока еще не разработан в достаточной мере (см. об этом [Баранов 2003; 2006]), хотя ученые неоднократно обращали внимание на древнюю семантическую недифференцированность формальных средств языка – синкретизм имен [Жирмунский 1946]; нерасчлененность видо-временных форм глагола; аналитизм древних союзов [Якубинский 1953: 210–211, 229–240, 254–265]; недифференцированность «...синтаксических отношений древнейшего периода» [Коротаяева 1964: 239]; «полифункциональность» частиц [Ларин 1975: 44–45] и под. (см. также [Потебня 1899/1968: 15, 59–67, 251; Кубрякова 1978; Радутная 1988; Тарланов 2005: 236]).

Напротив, лексико-семантический синкретизм древнего слова «достаточно хорошо изучен» [Баранов 2006: 429]⁴ и определяется исследователями следующим образом: «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений [Потебня 1899/1968: 65–66]; единство «полярных значений» [Ларин 1977: 20]; «нерасчлененность древнего значения» [Ковтун 1971: 85]; сосуществование двух значений в корне [Трубачев 1976: 167]; единство значений архаичного многозначного слова, косвенно засвидетельствованное «материалами детского мышления» [Кацнельсон 2001: 368]; слово-синкрета, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» [Колесов 1991: 43] и под. (см. также [Афанасьев 1865/1944: 15; Смирнова 1976: 8; Феокистова 1984: 182; Маркова 1993: 60–61; Лопутько 2001: 173])⁵.

Обобщая наблюдения лингвистов, можно предположить, что некоторые (или даже многие?)⁶ первоначальные значения и формы слов (э т и м о н ы) отличает изначальная семантическая нерасчлененность, косвенно подтверждаемая существованием теории и практики так называемой «множественной этимологии», допускающей «одновременное существование нескольких (иногда – многих) семасиологических связей в истории того или иного значения» [Маковский 1996: 6; 2009]. Например, этимон и.-с. отглагольного имени **krasa* восходит, по мнению О.Н. Трубачева, одновременно к двум праславянским глаголам: **krēsiti* ‘оживлять, освежать; воскрешать’ и **kresati* ‘высекать искру, создавать огонь’ [ЭССЯ 12: 95–97]. В соответствии с предложенной этимологией *krasa* ассоциируется с положительными признаками, связанными с природной таксономией дискретных объектов (жизнь, ее возобновление и поддержание), символизируя в славянской народной поэзии огонь, красоту, молодость, цветение, весну, всеселье,

³ «Синтаксический синкретизм, *англ.* syntactic syncretism. Синтаксическая двусмысленность, возникающая вследствие формального неразличения разных синтаксических категорий» [Ахманова 1966: 410].

⁴ Однако, на наш взгляд, пока еще преждевременно говорить о том, что «в науке выработан достаточно точный, адекватный материалу метод интерпретации смысла древнего текста и его составляющих» [Там же].

⁵ С определенной долей условности к исследованиям лексико-семантического синкретизма можно отнести и работы, выполненные в русле неоднозначно понимаемой яфетической теории (или «нового учения о языке») Н.Я. Марра (20–30-е гг. XX в.), в соответствии с которой словарный состав всех языков мира возник из четырех диффузных звуковых комплексов *САЛ*, *БЕР*, *ЙОН*, *РОШ* [Марр 1924/2002], см. также о первичной диффузности слова и законе непрерывной синкретичности значения в [Кезина 2005].

⁶ Несмотря на утверждение Б.А. Ларина, что подобных единиц «...конечно, не может быть много» [Ларин 1977: 20].

свежесть и подобные проявления жизни [Потебня 1914: 35–36] (примеры «множественной этимологии» см. также в [Маковский 1996; 2009; Левицкий 2006: 350–372; Пименова М.Вас. 2007: 213–214, 229, 256–257]).

Итальянский ученый Р. Пиккио говорит о «двуслойности», «двуплановости» древнерусского текста, вводя понятие «с и н с е м и я» (соотношение между историческим и духовным уровнем древнего произведения) и «с и н с е м и ч е с к а я к о м б и н а ц и я с л о в», при которой «слова, заимствованные из Библии и других священных текстов, вписывались в новый контекст, не теряя своих исходных черт. Они могли читаться как отсылки к Писанию и в то же время как составляющие независимого сообщения» (например, в «Сказании о Борисе и Глебе»: «Глеб есть побег (ветвь) виноградной лозы»; в Евангелии от Иоанна говорится, что Иисус отождествлял себя с виноградной лозой) [Пиккио 2003: 484].

Что касается существования лексико-семантического синкретизма в с и н х р о н и и, то для современного языка данная проблема остается недостаточно разработанной и даже в полной мере не поставленной, несмотря на абсолютно справедливое замечание В.В. Бабайцевой о том, что синкретизм «свойствен всем уровням языка и речи» [Бабайцева 1990: 446], а также на понимание слова как синкретичного феномена в русской философии языка (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский)⁷ и многочисленные высказывания лингвистов по поводу существования «несимметричных» и не укладывающихся в традиционные «дискретные» рамки «промежуточных» явлений (Ю.Д. Апресян, У. Вейнрейх, М.В. Никитин, А. Рудскогер, Г. Стерн, С. Ульманн, Д.Н. Шмелев, К.О. Эрдман и др.)⁸.

Недостаточная изученность лексико-семантического синкретизма в синхронии предопределена имплицитно присутствующим в семасиологических исследованиях и лексикографических изданиях априорным представлением о дискретной и симметричной организации лексических значений. Аксиоматичность этого представления зиждется, как мы полагаем, на одной из идей Ф. де Соссюра о параллельности (симметричности) между рядами единиц двустороннего языкового знака – понятием (о з н а ч а е м ы м) и акустическим образом (о з н а ч а ю щ и м). Как известно, ученый сравнивал язык с листом бумаги: «Мысль – его [языка. – М. П.] лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли...» [Saussure 1931/1977: 145]⁹.

---

⁷ «В этой синкретичности все как бы ввинчено одно в другое и предстает в единстве логики (объект), психологии (субъект) мышления и собственно языковых категорий как ее формы» [Колесов 2007: 247].

⁸ Ср.: «В обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга и замкнуты в каком-то “автономном” семантическом круге» [Шмелев 1964: 86–87]; «...семантические компоненты ... могут и не быть полностью дискретными, хотя каноническая формула предполагает их дискретность» [Вейнрейх 1970: 217–219]; «...лексикограф при выделении разных значений одного слова часто принимает произвольные решения. Во многих случаях нельзя обнаружить четкой границы между этими значениями; многие наши понятия имеют, как выразился Витгенштейн, “размытые края” (blurred edges)» [Ульманн 1970: 268]; «...меру дискретности значений при их описании в толковом словаре обычно сильно преувеличивают и видят четкие границы там, где фактически, при ориентации на реальное разнообразие текстов, обнаруживается неясная, размытая промежуточная область» [Апресян 1974: 179] и под.

⁹ «Сдвиг» параллельных отношений между означающим и означаемым наблюдается, с точки зрения Соссюра, только в д и а х р о н и и (например, между латинским словом *pecāre* ‘убивать’ и французским *noyer* ‘топить (в воде)’; древневерхненемецким *dritteil* ‘треть’ и современным немецким *Drittel* (утратившим связь со словом *Teil* ‘часть’); англосаксонскими формами *fōt* ‘нога’, *fōti* ‘ноги’ и современными английскими *foot*, *feet* в том же значении [Saussure 1931/1977: 108], см. также об этом [Мельников 1971: 55].

2. ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ

Как известно, уже ближайшие коллеги Ф. де Соссюра по Женевскому университету сомневались в непререкаемой истинности его тезиса о существовании в синхронии параллелизма между рядами означающих и означаемых, а их сомнения аккумуляровались в ставшей классической статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» С.О. Карцевского – ученого, близкого к Женевской языковедческой школе [Karcevskij 1929/1965]. С.О. Карцевский, говоря о свойстве непараллельности двух сторон знака, о расхождении между означающими и означаемыми, указывает на то, что «знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками...» [Там же: 85]. Соглашаются с С.О. Карцевским его коллеги по Пражскому лингвистическому кружку: В. Скаличка, полагающий, что «форма и значение или, скорее, формальная и смысловая основа знака не всегда симметричны» [Skalička 1935/1967: 121], и Р. Якобсон, оценивающий асимметрию «как фундаментальный фактор системы языка» [Jakobson 1936/1985: 169].

Наиболее известный ученый Женевской школы Ш. Балли, указывая на случаи нелинейности, или дистаксии, которые «мы наблюдаем там, где знаки не просто следуют друг за другом, а, например, когда одно означающее содержит в себе несколько означаемых... или когда одно означаемое представлено несколькими означающими», подчеркивает, что «несоответствие между означаемыми и означающими является правилом» [Bally 1932/1955: 159–160]. Ш. Балли отмечает следующие типы нелинейности: ф р а к ц и о н и р о в а н н ы й з н а к (агглютинация) – «распределение одного означаемого между несколькими псевдоозначающими, которые имеют смысл только в их совокупности» [Там же: 161]; противоположное явление – совмещение означаемых, когда одно неразложимое означающее охватывает несколько значений; г р а м м а т и ч е с к и й п л е о н а з м, при котором одно и то же понятие выражается в одной и той же синтагме несколько раз; п о д р а з у м е в а е м ы й з н а к – восстанавливаемый без помощи речи по ассоциации с другим лингвистическим типом, где этот знак имеет эксплицитную форму и такое же значение; н у л е в о й з н а к¹⁰ – отсутствие положительного означающего, который должен был бы иметь место на основании аналогии с другими синтагмами [Там же: 162–187]. Кроме нелинейности, Ш. Балли отмечает еще один тип отступлений от взаимоднозначных отношений между формой и содержанием – п о л и с е м и ю, которая может быть представлена двумя видами: а) одно означающее имеет несколько значений (многозначность); б) одно означаемое выражается несколькими означающими (многовыразимость), а также указывает на о м о н и м и ю и з а м е щ е н и е как предельные типы многозначности и многовыразимости [Там же: 189].

Чешский лингвист В. Скаличка в качестве примеров асимметрии означающего и означаемого называет следующие категории: о м о н и м и ю (нем. *Bauer* ‘крестьянин’ – *Bauer* ‘клетка’), о м о с е м и ю («когда один и тот же элемент имеет различное выражение, что наблюдается, например, с флексиями в чешских словах *nes-u* «я несу», *kuřij-i* «я покупаю», *dělá-m* «я делаю») и синонимию (*bida* – ‘нищета’, *pouze* – ‘нужда’, *nedostatek* – ‘нехватка’) [Skalička 1935/1967: 120–121].

Современные исследователи, «широко и сочувственно», по выражению Г.П. Мельникова, цитируя считающийся в настоящее время аксиомой тезис об асимметрии означающего и означаемого [Мельников 1971: 55; Кобозева 2009: 35–36], (см. также [Ахманова 1955: 91; Mahmoudian 1982/1985: 97; Трубочев 2003: 65; Будагов 2004: 265]), дополняют его новыми положениями.

Так, Н.Д. Арутюнова выделяет следующие типы отношений между означаемым и означающим знака в их синтагматическом и парадигматическом аспектах: 1) отношение 1 : 1, при котором одной единице содержания соответствует одна единица вы-

¹⁰ О важности для общей семиотики проблемы «нулевого противопоставления» и «нулевой сущности» см. также [Фортунов 1891–92/1956: 138; Saussure 1931/1977: 119; Bally 1932/1955: 164–181; Jakobson 1939/1985; Hjelmslev 1943/1960: 348–349; Чинчлей 1975: 64–68; Mahmoudian 1982/1985: 99; Чесноков 2007].

ражения / одному означаемому соответствует одно означающее; 2) отношение 1 : 2 (или более) – одной единице содержания соответствует несколько выражений / одному означаемому соответствует два или более означающих; 3) отношение 2 (или более) : 1 – нескольким элементам содержания соответствует одна неделимая единица выражения / два или более означаемых соотносятся с одним означающим; 4) отношения 0 : 1 – элемент выражения не соотнесен с элементом содержания; 5) смешанные и комбинированные отношения [Арутюнова 1968: 75, 93–94].

Г.П. Мельников наглядно (в виде графа и в виде «булева куба») представляет трехмерную модель типов синсемических, как он их называет, отношений между формой, значением и смыслом языковых знаков (ось X: тождество / различие формы – «изоморфия / гетоморфия»; ось Y: подобие / различие значений – «омосемия / гетеросемия»; ось Z: отождествление / противопоставление смыслов – «синтезия / антитезия»), среди которых не только общезвестные явления – антонимия, омонимия, синонимия, полисемия, абсолютная синонимия¹¹, но и выделяемые автором тропонимия (соотношение прямого и переносного значений лексической единицы), метасемия (переосмысление значений, каламбур) и изонимия («то же самое наименование») [Мельников 1971: 59–63; 1978: 288–290].

В.Г. Гак, подробно рассматривая использование идеи симметрии / асимметрии в лингвистике, выделяет три типа симметрии (статическая симметрия отдельного объекта A ; гомологическая симметрия переноса – отношение двух объектов $A \leftrightarrow B$; динамическая симметрия при развитии объектов $A \leftrightarrow A_1$) и три типа асимметрии: 1) асимметрия системы (неравномерное развитие аналогичных звеньев системы, неполнота системы, неоднородность звеньев системы – наличие ядра и периферии); 2) асимметрия структуры («отступления от взаимооднозначных отношений между формой и содержанием»); 3) асимметрия функционирования (нерегулярное использование языковой формы для выражения одного и того же значения и ее использование для выражения разных значений) [Гак 1998: 113–121]. Ученый также отмечает, что наиболее подробная типология асимметрии структуры разработана Ш. Балли (см. выше), однако его классификация не лишена недостатков, связанных с неразграничением явлений языка и речи [Там же: 114–115]. В.Г. Гак предлагает собственную типологию случаев расхождения формы (Φ) и содержания (C), в соответствии с которой вычленяет следующие фундаментальные типы асимметрии структуры: 1) парадигматический план – ономаσιологическая синонимия (ряд означающих при одном означаемом – Φ_1 или $\Phi_2 : C$) и семасиологическая полисемия (ряд означаемых при одном означающем – $\Phi : C_1$ или C_2)¹²; 2) синтагматический план – слитная форма (амальгама – $\Phi_1 : C_1 + C_2$) и аналитическая форма ($\Phi_1 + \Phi_2 : C_3$); 3) семиотический план – нулевая форма ($\emptyset - C$) и пустая форма ($\Phi - \emptyset$) [Гак 1998: 118–120].

3. ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Представим лексические единицы синкретичной «асимметричной» структуры в парадигматическом и синтагматическом планах (оставляя в стороне не являющиеся целью нашей статьи проявления асимметрии на других уровнях языка).

3.1. Парадигматический план

«Асимметричность» парадигматических лексико-семантических категорий (полисемии, омонимии, синонимии) представляет собой хрестоматийный пример формально-содержательной языковой асимметрии (С.О. Карцевский, Ш. Балли, В. Скаличка, Н.Д. Арутюнова, Г.П. Мельников, В.Г. Гак и др.).

¹¹ Г.П. Мельников предлагает называть данное явление а л л о н и м и с й.

¹² В.Г. Гак отмечает, что «именно об этом типе асимметрии и говорил прежде всего Карцевский» [Гак 1998: 118].

Систематизируя и расширяя наблюдения исследователей, приведем примеры «асимметричных» лексических единиц, различая семасиологический и ономасиологический аспекты.

3.1.1. Семасиологический аспект (Ф : С₁ или С₂)

С точки зрения семасиологического аспекта «асимметричными» (когда одному означаемому соответствует несколько означаемых, связанных с двумя/более денотатами и сигнификатами) являются, как известно, полисемичные единицы (*красивый*_{1,2,3}¹³ – ‘доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом’, ‘полный внутреннего содержания, высоко нравственный’, ‘привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный’), среди которых «крайние» случаи полисемии: а) дисемия, или «двузначность»¹⁴ (*иллюстрировать*_{1,2} – ‘снабдить (-бжать) каким-н. поясняющим рисунком’, ‘пояснить (-нять) чем-н. наглядным, конкретным’), б) эврисемия, или «широкозначность», или «сильнозначность»¹⁵ (*дело*_{1,2...11} – ‘работа, занятие, деятельность’, ‘круг ведения, то, что непосредственно относится к кому-чему-н.’, ‘надобность, нужда’, ‘нечто важное, нужное’, ‘специальность, круг знаний’, ‘предприятие’, ‘событие, обстоятельство, факт, положение вещей’, ‘поступок’, ‘судебное разбирательство, процесс’ и т. д.), а также энантиосемичные многозначные слова¹⁶, выражающие два/несколько значений, противоположных по семантике (*прослушать*_{1,2} – ‘выслушать от начала до конца’, ‘слушая, не воспринять, не услышать’; *славить*_{1,2} – ‘воздавать хвалу, создавать славу кому-чему-н.’, ‘распространять дурные слухи о ком-чем-н.’).

Во-вторых, к семасиологическим «асимметричным» единицам относят лексические омонимы, причем они могут иметь несколько значений, что усугубляет асимметрию (например: *кисть*_{1,2,3}¹ – ‘пучок щетины, волос на рукоятке для нанесения краски, клея на что-н.’, ‘пучок ниток, шнурков, употребляемых как украшение’, ‘разветвленное соцветие’, *кисть*² – ‘часть руки от запястья до конца пальцев’). В отдельных случаях «асимметричными» являются единицы периферийных разновидностей омонимии: а) в отдельных грамматических формах – о м о ф о р м ы, или грамматические омонимы (*печь* – сущ., *печь* – глаг.; *стих* – сущ., *стих* – глаг.; *три* – числит., *три* – глаг.); б) только в устной форме – о м о ф о н ы, или фонетические омонимы (*грипп* – *гриб*, *отвести* – *отвезти*, *сутками* – *с утками*); в) только в письменной форме – различающиеся ударением о м о г р а ф ы различных видов (*áтлас* – *атлáс*, *селó* – *сéло*, *дóма* – *домá*, *кóмпас* – *компáс*).

Кроме того, в качестве омонимов к общеупотребительным лексико-семантическим единицам могут выступать слова, употребление которых ограничено экстралингвистическими факторами: а) ограниченные т е р р и т о р и а л ь н о – д и а л е к т и з м ы (например: *беляк* (общеупотр.) ‘вид зайца’, (обл. влад.) ‘белый гриб’; *былина* (общеупотр.) ‘русская народная эпическая песня о богатырях’, (обл. влад.) ‘полынь’; *голубка* (общеупотр.) ‘самка голубя’, (обл. влад.) ‘василек’; *матрешка* (общеупотр.) ‘деревянная кукла’, (обл. влад.) ‘гриб свинушка’) [Канунова 2004: 18–19]; б) ограниченные с ф с -

¹³ Здесь и далее значения лексических единиц приводятся по [Ожегов 2007].

¹⁴ Термин см. в [Ахманова 1966: 135].

¹⁵ О «широкозначности» (термин Н.Н. Амосовой [Амосова 1963: 98]), или эврисемии [Плоткин, Гросул 1982: 82], или сильно многозначности [Зализняк 2006: 18, 36], исследователи говорят, обращая внимание на единицы «...с ненормативно большим числом значений» – высокочастотные предлоги [Плунгян, Рахилина 2000: 115–133; Филипенко 2000: 12–54], глаголы (англ. *take, take, get, use*) и некоторые существительные (такие, как англ. *thing*, русск. *вещь, предмет, дело, проблема, вопрос* и под.), которые вычлняются из «обычной» полисемии «как лексико-семантическое варьирование особого рода», выходящее «за пределы всякого деривационного моделирования в область семантической идиоматики» [Никитин 2005: 112].

¹⁶ Энантиосемию характеризуют также как разновидность омонимии [Шанский 1972: 64; Комлев 1992: 63], «внутрисловную антонимию» [Новиков 1982: 251] и «своеобразные омоантонимы» [Виноградов 1953: 9].

рой употребления – профессионализмы (например: *елочки* (общеупотр.) ‘хвойные вечнозеленые деревья’ (умн.ш.-ласк.), (в речи полиграфистов) ‘вид кавычек’; *кастрюля* (общеупотр.) ‘металлическая посуда для варки пищи’, (в речи физиков) ‘синхрофазотрон’; *ябедник* (общеупотр.) ‘человек, который ябедничает, наушничает’, (в речи техников-энергетиков) ‘самозаписывающее устройство’); в) ограниченные социальной общепринятостью – жаргонизмы (например: *гроб* (общеупотр.) ‘специальный ящик, в котором хоронят умершего’, (жарг.) ‘система учреждений и мероприятий гражданской обороны’; *крутой* (общеупотр.) ‘отвесный, обрывистый’, (жарг.) ‘выдающийся, неординарный, особенный в своих проявлениях’; *хвост* (общеупотр.) ‘у животных: придаток (обычно подвижный) на задней части тела или вообще задняя суженная часть тела’, (жарг. студ.) ‘академическая задолженность, не сданный в срок зачет или экзамен’) [Химик 2004: 124, 258, 281, 667].

3.1.2. Ономаσιологический аспект (Φ_1 или Φ_2 : С)

С точки зрения ономаσιологического аспекта «асимметричными» (когда несколько означаемых соответствуют одному означающему) являются синонимичные единицы: *дом, жилище, жилье, жилплощадь, резиденция* – ‘помещение, где человек живет более или менее постоянно’; *еда, снедь, яства, пища* – ‘то, что едят в данный момент, или то, чем питаются’; *надеяться, уповать, рассчитывать, полагаться* – ‘ожидать, что произойдет нечто хорошее или нужное для субъекта, и считать, что для такого ожидания есть основания’; *пустой, пустующий, опустевший, опустелый, порожний* – ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’; *сначала, вначале, сперва, поначалу, первоначально* – ‘в первой части рассматриваемого временного отрезка и раньше каких-либо других событий’; *неправда, ложь, вранье, обман* – ‘неверная передача фактов в условиях, когда человек знает правду’ [НОСС 1999: 84, 96, 180, 298, 382; НОСС 2000: 223–229].

Польский исследователь Е.Р. Курилович случаи частичного совпадения, или «приближения», значения частичных идеографических и стилистических синонимов (типа *осёл* (‘упрямый человек’) : *упрямец, отец : батюшка, супруга : жена, священник : поп, самолет : аэроплан* и др.) обозначает термином «с и н к р е т и з м» [Курилович 1955: 80].

Н.И. Толстой по отношению к случаям частичной синонимии, «когда одна и та же семемная клетка покрывается двумя разными лексемами (*березиско* и *березище*)», использует термин «нейтрализация»¹⁷ [Толстой 1966: 25]. Д.Н. Шмелев приводит следующие примеры нейтрализации частичных синонимов: *Кругом царила тишина / молчание, тоска грызет / гложет, рыться / копать* в бумагах и др. [Шмелев 1973: 128]. Кроме того, Д.Н. Шмелев рассматривает и относительно редкие случаи нейтрализации антонимов: – Ты бы, Евграф Иванович, дал ему рублей шесть на сапоги... – Пусть мои *старые* возьмет. Они еще совсем *новые* (Чехов. Тяжелые люди) [Там же: 127].

Свособразными синонимами могут также выступать пары общеупотребительных/ограниченных в своем употреблении лексических единиц, например: а) общеупотребительные слова – диалектизмы (обл. влад.) (*старица* – *букля*, *овраг* – *буярэк*, *волнушка* – *губатка*, *гречиха* – *дикуша*, *противень* – *жаровник*, *засуха* – *испёка*, *поляна* – *кулижка / лахтина / ялань*, *подберезовик* – *обабок*, *будни, сутки* – *обыдёнки*) [Канунова 2004: 17–18]; б) общеупотребительные слова – профессионализмы (*опечатка* – *ляп* (в речи полиграфистов, журналистов); *лисий след* – *нарыск* (в речи охотников); 15-ти

¹⁷ Л.М. Васильев различает нейтрализацию и нейтральность, приводя следующие примеры нейтральности (безразличия) лексических единиц к тому или иному семантическому признаку: *шагать / идти, шагать / ходить* (глагол *шагать* нейтрален к оппозиции по семам определенной/неопределенной направленности движения), *изумляться / быть в изумлении, изумляться / приходить в изумление* (глагол *изумляться* – к оппозиции по семам бытийности/становления) и под. [Васильев 1981: 34].

километровая дистанция – *пятнашка* (в речи спортсменов)); в) общеупотребительные слова – жаргонизмы (*забавно, смешно – прикольно* (молод.); *самовольная отлучка – самоволка* (арм.); *родители – шнурки / черепа / пэрэнсы* (молод.)) и арготизмы (*беззаконие – беспредел; жертва преступника – лох; выяснение отношений – разборки; воровской жаргон – феня*); г) общеупотребительные слова и ограниченные пассивностью употребления – архаизмы (*чтобы – дабы; шея – выя; правая рука – десница; палец (руки) – перст; вор – тать; дружба – дружество; поэт – пиит*) и т. д.

Кроме того, к «асимметричным» ономаσιологическим явлениям могут быть отнесены случаи вариантности лексических единиц на различных языковых уровнях: а) фонетическом (орфоэпические варианты: [т'е]рапия / [т'э]рапия, до[ж'ж']ик / до[жд']ик; акцентные варианты: *иначе / ина́че, твóрог / творóг*; фонематические варианты: *калоши / галоши, тоннель / туннель*); б) грамматическом (словоизменятельные варианты: *перифраз* (м. р.) / *перифраза* (ж. р.), *ставень* (м. р.) / *ставня* (ж. р.), *в óтпуске / в отпуску́* (п. пад.); словообразовательные варианты: *туристский / туристический, локализовать / локализовать*); в) лексическом (*между / меж, бивак / бивуак, мадемуазель / мадмуазель* и др.)¹⁸. Эти (и подобные) варианты, отражая формально-содержательную языковую асимметрию, связаны с проблемой литературной нормы (подробнее см. в [Граудина 1997; Немченко 1998]). Особый случай – вариантность фразеологических единиц, также проявляющаяся на различных языковых уровнях: *заморить [замаривать] червячка [червяка], калиф [халиф] на час, камень на душе [на сердце], заколдованный [порочный] круг, во весь дух [мах, опор], ни бе ни ме <ни кукареку>, пройти <сквозь> огонь и воду <и медные трубы>* и т. п.

3.2. Синтагматический план

Как уже указывалось, лингвисты, говоря о формально-содержательной языковой асимметрии в синтагматическом плане, выделяют, во-первых, слитную форму, или амальгаму (А. Мартине), предполагающую «совмещение означаемых» (le simul, Ш. Балли), во-вторых, аналитическую форму, в которой совмещаются означающие [Гак 1998: 118].

3.2.1. Слитная форма, или амальгама

По отношению к «совмещению означаемых» исследователи используют самые разнообразные термины («амальгамность», двоезначность, двойственность, двуплановость, диффузность, многозначность¹⁹, многоплановость, неоднозначность, неразличение, нерасчлененность, размытость, синкретизм, туманность и т. д.), имея в виду, как показывает анализ дефиниций, три основных типа синкретизма: 1) объединение / совмещение первоначально различных значений – синкретизм двух значений многозначного слова (в отдельных случаях – омонимичного); 2) первоначальную неоднозначность / нерасчлененность отдельного ЛСВ – синкретизм одного значения; 3) «двойственность» / «размытость» как характерный признак качественно «сложного» (синкретичного) значения.

3.2.1.1. Синкретизм двух значений многозначного слова ($\Phi : C_1$ и C_2)

Синкретизм возникает при одновременной реализации двух значений многозначного слова, причем это совмещение значений может быть намеренным (каламбурным, входящим в «языковую игру», художественным / поэтическим) и ненамеренным (нека-

¹⁸ Л.К. Граудина подчеркивает, что лексические варианты отличаются от грамматических различием неформальной части слова [Граудина 1997: 62].

¹⁹ Следует обратить внимание на «многозначность» термина *многозначность*, который относится как к парадигматике (указывая на наличие у слова более одного значения – «полисемию»), так и к синтагматике (обозначая совмещение двух значений – «неоднозначность») [Зализняк 2006: 20–21].

ламбурным, «обыденным»). Анна А. Зализняк отмечает, что «если каламбур сталкивает и противопоставляет – безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи (омофоны, омографы, случайно совпавшие формы, само слово и словосочетание, возникшее в результате его паразитического переразложения, ср. шутки типа “Когда цветочник бывает предателем? – Когда он продает *нас Турции*”, игру “Почему не говорят...?” и т. п.) – то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их объединяет» [Зализняк 2006: 27].

3.2.1.1.1. «Намеренная многозначность»

Ю.Д. Апресян подчеркивает, что «намеренная многозначность» используется «как основа для каламбура, поэтической метафоры или иного стилистического приема, построенного на одновременном обыгрывании сразу нескольких значений слова или иной лексической единицы, например, *Les poètes ne vous regardent pas* (экспромт Верлена, обращенный к полицейским чинам, которые присутствовали на его публичной лекции)...» [Апресян 1974: 180–181].

Б.А. Ларин, используя термин «д в о с з н а ч и м о с т ь» (одновременное представление двух значений [Ларин 1974: 66]), указывает на особый («наиважнейший для исследования поэтической речи») разряд лексических единиц, в употреблении которых демонстрируются «...случаи разного эстетического значения слов при одинаковом или безразличном реальном и концептуальном значении» (например: По лицу его больше и больше распространялась какая-то *тупая* ('неяркая') смертельная бледность (Левитов); Спокойствие и самоуверенность неловких и *тупых* ('коротких, задержанных') движений (Л. Толстой); Продажа книг идет, как видно, *тупо* ('с затруднением') (Гоголь)) [Там же: 32–33].

Кроме того, исследователи говорят о *двуплановости* [Виноградов 1976: 411], *многоплановости* [Новиков 1987: 116; 1982: 132], *двойственности*, поэтической *неоднозначности* художественного текста как сосуществованию «множества различных осмыслений», «оживлении внутренней формы», «стереоскопическом эффекте» [Зализняк 2006: 18, 22, 23].

3.2.1.1.2. Некаламбурное совмещение значений многозначного слова

Выделяется пять типов ненамеренного (некаламбурного, обыденного) совмещения значений многозначных лексических единиц.

1. «С к л е и в а н и е» – «объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: «неоднозначность» в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения» [Зализняк 2006: 27–28], ср. [Кронгауз 2005: 124]. В качестве иллюстрации приводятся следующие примеры: Пустое *сердце* бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет (Лермонтов) (в слове *сердце* «склеиваются» значения 'центральный орган кровообращения' (*сердце бьется*) и 'этот орган как символ средоточия чувств' (*пустое сердце*); Через край полная *аудитория* была неспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. Герцен) (слово *аудитория* одновременно обозначает помещение и множество находящихся в нем людей) [Зализняк 2006: 28] (обсуждение данных и подобных/близких примеров см. также [Перцов 1994: 278–297; 1996: 28–30; Урысон 1997: 113]).

Н.Н. Перцова выделяет три типа регулярной полисемии, допускающей обыденное, непозитическое совмещение («склеивание») разных значений, к которым Н.В. Перцов добавляет еще два (отмечая их близость к случаю 2): (1) 'часть тела' – 'ее типовая функция' (Ее маленькую *головку* мучил вопрос местничества – А. Чехов); (2) 'место' – 'его обитатели' (Вскользну по цементу в молящуюся *церковь* – А. Крученых); (3) 'информация' – 'физический носитель информации' (Гори, *письмо* любви – А. Пушкин); (4) 'по-

мещенис' – 'люди в помещении' (приведенный выше пример из А. Герцена); (5) 'вместилище' – 'масса или жидкость во вместилище' (Хрустальные бокалы шипят – пример Е.В. Падучевой) [Перцова 1988: 72–73; Перцов 1996: 53–54; 2001: 63].

2. «С п л а в». По мнению Анны А. Зализняк, «этот тип совмещения значений особенно характерен для поэзии», а его суть в том, что два «отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна ... Все стало тяжелее и громаднее, поэтому и человек должен быть *тверже* всего на земле и *относиться* к ней, как алмаз к стеклу (О. Мандельштам. О природе слова)» [Зализняк 2006: 29–30].

3. «М е р ц а н и е» («о с ц и л л я ц и я»). Этот вариант «поэтического» совмещения значений выделяется со ссылкой на Ю.Д. Апресяна (и книгу Г. Стерна)²⁰, при этом имеются в виду употребления, «когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект “мерцания” (т. е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение) ... Вот мы и встали в крестах и нашивках, / В снежном дыму, / Смотрим и *видим*, что вышла ошибка, – / И мы ни к чему! (А. Галич. Ошибка)» (пример Ю.Д. Апресяна) [Зализняк 2006: 30–31].

4. Т.М. Николаева говорит о «принципе тернарной семантики» как об особом случае поэтического некаламбурного совмещения значений, состоящем в том, что «одна и та же лексическая единица (иногда – просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае – как бы и X, и Y одновременно» [Николаева 1997: 41]. Приводится пример из «Слова о полку Игореве», где в одном случае под *галицами* имеются в виду птицы, в другом – половцы, а в третьем – «то ли птицы, то ли половцы» [Там же].

5. Неразличение (синкретизм) значений возникает при соединении «двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т. е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов – то, что по-английски называется *vagueness*²¹)» [Зализняк 2006: 31]. На подобное нерасчлененное выражение значений многозначного слова указывает, например, еще датский ученый О. Есперсен, говоря о «дополнении результата» ('объект действия' + 'результат действия': *он построил дом, она рисует цветы, он написал письмо*) [Jespersen 1924/1958: 181–182].

А.М. Пешковский называет подобные случаи «винительным результата», при которых «...к значению перехода [действия. – М. П.] присоединяется значение создания того предмета, на который переходит действие; самый переход может здесь осуществляться только по мере создания предмета» [Пешковский 1935: 262]. Ср.: *А дуги гнут с терпеньем и не вдруг... Беда, коль пироги начнет печи сапожник, А сапоги тачать пирожник...* (Крылов). Ср. еще: *строить дом, шить платье, рыть канаву* и т. д.

Э. Бенвенист приводит контекст из языка соколиной охоты, в котором происходит совмещение значений двух омонимичных глаголов *voler* 'летать' и *voler* 'красть': *le faucon vole la perdrix* – 'сокол преследует и ловит на лету куропатку' (букв. 'сокол летит куропатку') [Benveniste 1966/2010: 332–333].

Ю.Д. Апресян, говоря о синкретичном выражении разных значений многозначного слова, рассматривает контекст *бороться с еретиками* и отмечает, что здесь «с + S_{ТВ} синкретично реализует сразу два значения – субъекта и цели», а также представляет следующие случаи «двусмысленности» при исключительно-дизъюнктивной организации значений: *обивка кресла* ('действие' и 'покрытие'), *остановка трамвая* ('действие' и 'место'), *катать шарики* ('делать' и 'перемещать'), *пилить / резать фигурку* ('разрушать' и 'создавать'), *старое название* ('бывшее прежде' и 'существующее с давних пор') и т. п., многозначность которых «может явиться результатом недостаточности синтак-

²⁰ Ю.Д. Апресян отмечает, что «Г. Стерн создал учение об «о с ц и л л и р у ю щ и х» случаях употребления слов, т. е. употреблениях, допускающих в данном контексте два понимания...» [Апресян 1974: 179–180].

²¹ 'Неопределенность'.

сического, лексического или семантического контекста» [Апресян 1974: 180–181, 186]. Кроме того, Ю.Д. Апресян изучает явления синкретизма при выражении валентностей: *ехать / плыть / лететь на чем-л.* (значения инструмента и места), *убираться в комнате* (значения места и объекта) и др. [Там же: 140].

Т.С. Коготкова и И.Е. Кузнецова пишут о диффузии [Коготкова 1979: 20], или синкретичности, диалектной лексики (например, *болезновать, гребовать, залащивать, обаивать* и т. п.), у которой «...отдельные значения или смыслы слова взаимно проникают друг в друга, совмещаются, не поддаются расчленению» [Кузнецова 1999: 174].

3.2.1.2. Синкретизм (неоднозначность/нерасчлененность) одного значения ($\Phi : C = 'A' \text{ и } 'B'$)

3.2.1.2.1. Речевая многозначность/неопределенность

Ю.Д. Апресян обращает внимание на неоднозначность в пределах одного ЛСВ слова, возникающую под влиянием «энциклопедических факторов», которую он называет речевой многозначностью [Апресян 1974: 177]. В качестве примеров (со ссылкой на Д. Лайонса и У. Вейнрейха) приводятся фразы типа *Больной моргнул, Иван упал, Ребенок часто дышал, Гусар загрел шпорами, Он разбил окно локтем, Джон прострелил себе руку*, допускающие два осмысления: «намеренное» (некто это сделал) и «ненамеренное» (с кем-то это случилось) [Там же: 176]. Кроме того, к разновидностям речевой многозначности Ю.Д. Апресян относит неоднозначность многих вопросительных предложений (*Кто построил Кремль?, Кому посвящены сонеты Шекспира?, Что в этой шкатулке?*), которые могут быть заданы как с целью получения неизвестной говорящему информации, так и с целью проверки знаний адресата (вопросы экзаменатора), а также фразы «типа *Этот текст улучшить <усовершенствовать> нельзя* (либо потому, что он является верхом совершенства, либо потому, что он безнадежно плох)» и под. [Там же: 177].

Анна А. Зализняк, уточняя наблюдения Ю.Д. Апресяна, указывает, что неоднозначность «экзаменационных вопросов» (как и вопросов типа *Не знаете ли вы, который час?* и под.) объясняется возможностью их использования в разной иллокутивной функции и обеспечивается «устройством языка», причем «варианты прочтения взаимно исключают друг друга» (такая неоднозначность названа дизъюнктивной [Перцова 1988]), а при дальнейшей коммуникации неоднозначность либо разрешается, либо происходит «коммуникативная неудача» [Зализняк 2006: 21–22]. В выражениях же типа *Гусар зазвенел шпорами* представлена «не собственно неоднозначность, а скорее неопределенность (недоопределенность) некоторого параметра и вследствие этого неполнота представления о ситуации» [Там же: 22].

3.2.1.2.2. «Несостоявшаяся полисемия»

Ю.Д. Апресян рассматривает тип значений, который создается включительно-дизъюнктивной (моносемичной – $A = 'B \text{ или } C'$) организацией семантических компонентов (при одновременной реализации 'B' и 'C'), например: *обжечь* = 'каузировать травму горячим или едким', *гаснуть* = 'переставать гореть или светить', *заря* = 'яркое освещение горизонта перед восходом или заходом солнца', *корреспонденция* = 'письма или телсграммы' (в отличие от *почта* – 'любые почтовые отправления, включая бандероли, посылки и т. п.') [Апресян 1974: 186]. Автор подчеркивает, что подобные значения ощущаются как единые (а не отдельные), поскольку допустимы некаламбурные контексты, реализующие обе их части, например: *Дрова в камине и неоновые лампы на улице погасли почти одновременно* [Там же].

Вслед за Ю.Д. Апресяном Е.В. Урысон, описывая семантику лексемы *небо*, имен действия типа *шелестенье* (*щебетанье, пищанье, скрипенье, визжанье, грохотание, хрустенье, тараканье, кудаханье, карканье, мычание* и т. п.), существительных

предчувствие, голод, аппетит, глаголов с приставкой *пере-* (типа *перезнакомиться*) и др., говорит о «лабильности», «нежесткости», неполной детерминированности значений данных лексических единиц, представляющих не одну типизированную ситуацию (не один типизированный объект), а две ($A = 'B$ или C'), компоненты которых могут находиться в различных соотношениях ($A = 'B$ и C' / или $'B$, или C' / $'B$ в C' / C' в $'B$ и др.). Автор полагает, что в данных случаях имеет место «*н е с о с т о я в ш а я с я* *п о л и с е м и я*», скрытая многозначность одного лексического значения, отраженная в толкованиях подобных значений с использованием связки 'или'. Например: *небо* (упрощенно) – 'пространство или купол', существительные типа *шелестенье* – $S_0(P)^{22}$ или соответствующий звук', 'ситуация, в которой имеет место определенный звук, или звук, имеющий место в определенной ситуации' и под. [Урысон 1997: 113–119; 2003: 171–211; НОСС 1999: 214–216].

3.2.1.3. Синкретичное (качественно «сложное») значение

М.В. Никитин отмечает, что «в одном и том же значении языковой единицы могут быть скомпонованы в одно структурно сложное понятие несколько более простых понятий», что проистекает «из связи значения со знаком» [Никитин 1988: 48, 60]. Вслед за ним В.М. Савицкий делит значения на сложные, состоящие из значений, и простые, состоящие из сем, указывая, что «значение обладает собственным десигнатором, сема же – нет» [Савицкий 2006: 60]. От «обычных», состоящих из сем, значений (включающих одну семему), синкретичное значение (нерасчлененно включающее в себя две / более семемы) отличается связью одновременно с двумя / несколькими сигнификатами и/или денотатами. Следует отметить, что существование синкретичных лексических значений имплицитно отражено в лексикографической практике – в традиции словарных помет (не всегда, правда, системных), целью которых является качественная дифференциация значений.

Представим основные виды синкретичных («сложных») значений.

3.2.1.3.1. Синкретичность метафорического значения ($\Phi : C_c = A(D_1 + S_1)$ подобно / сходно с $B(D_2 + S_2)$)²³

В.В. Виноградов говорит о том, что неотъемлемой принадлежностью метафоры является «двуплановость», Н.Д. Арутюнова – «семантическая диффузность», «туманность», «неоднозначность», Г.Н. Складарская – «удвоение денотата» [Виноградов 1976: 411; Арутюнова 1990: 9; Складарская 2004: 21, 47]. По мнению М.В. Никитина, при метафорической связи значений общей частью являются семы импликационала и (реже) интенционала (содержания понятия), которые в производном значении играют роль дифференциальных сем (гипосем); например: *медведь*₁ – 'определенный вид животного' (интенционал), 'неуклюжий, увалень', 'большой, громоздкий' и под. (импликационал) [Никитин 1988: 70]. П.В. Чесноков рассматривает метафорические значения как «синкретичные построения», «...в которых прямое значение выступает в качестве фона для переносного значения» (*медведь* – 'неуклюжий человек', *березка* – 'изящная, стройная девушка') [Чесноков 2001: 18]. Е.В. Падучева указывает, что для того, «чтобы понять живую метафору, слушающий должен мыслить объект... сразу в двух категориях. Одна – это его собственная... Другая – та, которая предсказывается категориальной предпосылкой главного предиката в его исходном, неметафорическом употреблении...» [Падучева 2004: 171].

Синкретичное значение мотивированной (живой) языковой метафоры связано с двумя денотатами (номинальным / названным и уподобляемым ему реальным / имеющимся

²² $S_0(P)$ – отглагольное существительное, совпадающее по смыслу с исходным глаголом P (символ одной из лексических функций А.К. Жолковского – И.А. Мельчука) [Мельчук 1974: 85].

²³ C_c – синкретичное означаемое / значение (синкретичное содержание знака); A – номинальный денотат и соответствующий ему сигнификат ($D_1 + S_1$); B – реальный денотат и соответствующий ему сигнификат ($D_2 + S_2$).

в виду [Савицкий 2006: 67]) и двумя указывающими на конкретные / абстрактные объекты и/или их свойства с и г н и ф и к а т а м и. Метафорические значения воспринимаются говорящим / слушающим как «двуплановые» на фоне прямых («симметричных») значений (связанных с одним конкретным денотатом и одним сигнификатом), а в толковых словарях фиксируются при помощи пометы «перен.» (переносное). Например: *осел* – ‘родственное лошади животное невысокого роста’, ‘(перен.) о тупом упрямец’ (Ведь есть же такие *ослы*, что женятся! – И. Гончаров. Обломов); *ишак* – ‘то же, что осел’, ‘(перен.) человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу’ (Вы думали, я вам *ишак* бессловесный? Сколько я в дом получек перетаскал, а хоть один костюмишко маломальский купили мне? – В. Шукшин. Мой зять украл машину дров!)²⁴; *орел* – ‘хищная сильная птица из семейства ястребиных, с изогнутым клювом, живущая в гористых или степных местностях’, ‘(перен.) о гордом, смелом, сильном человеке’ (Остановив машину и просветлев, как всегда при виде разведчиков, генерал спросил: – Ну что, *орлы*? Варшава на горизонте. – Э. Казакевич. Звезда); *кремень* ‘очень твердый камень’, ‘(перен.) о человеке с твердым характером’ (Это он узнал от людей. Молодец мать! *Кремень*! Сталь! И как хорошо, что он выдался весь в нес, а не в отца. – Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей), *пилить* – ‘резать пилой, а также снимать слой металла напильником’, ‘(перен.) непрерывно попрекать, придирааться’ (Вначале он, правда, был несколько растерян, дымил своей сигарой, бабушка, наверно, *пилила* его с утра до ночи: завез Якоба в этот проклятый городишко, недосмотрел, проморгал, – и вот результат – потеряли любимого сына. – А. Рыбаков. Тяжелый песок); *горький* – ‘имеющий своеобразный едкий вкус’, ‘(перен.) горестный, тяжелый’ (Ты мне верь! Я человек большого, *горького* опыта. Знаю жизнь! – М. Булгаков. Театральный роман) и т. п.

Значения «живой» языковой метафоры противопоставлены значениям номинативной [Арутюнова 1997], или стершейся [Падучева 2004], или генетической [Скляревская 2004], метафоры с «потухшей» языковой образностью, образующей имена обычно непоименованных предметов / объектов, в которой номинальный денотат совпадает с реальным, а значение уже не воспринимается (и не фиксируется в словарях) как «двуплановое» (переносное). Например: *ручка* – ‘см. рука’, ‘часть предмета, за которую его держат или берут рукой; рукоятка’ (дверная *ручка*, *ручка* чайника, *ручка* чемодана и др.); *носик* – ‘см. нос’, ‘выступающая в виде трубки часть чайника, молочника, кофейника и т. п., через которую выливают жидкость’ (чайник с отбитым *носиком*); *журавль* – ‘большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей’, ‘длинный шест у колодца, употребляемый как рычаг при подъеме воды’ (*журавль* колодца) и т. д.

3.2.1.3.2. Синкретичность метонимического значения

($\Phi : C_c = A(D_1 + S_1)$ смежно с $B(D_2 + S_2)$)

М.В. Никитин указывает, что при метонимической связи содержание понятия (интенционал) исходного значения становится дифференциальной семой (гипосемой) производного; например: *вечер* – ‘определенная часть суток’, *вечер* – ‘вечернее увеселительное мероприятие’ [Никитин 1988: 69]. Е.В. Падучева отмечает, что понимание предложения с «живым» метонимическим переносом «требует восстановления другого участника ситуации, связанного с данным отношением смежности. Классический пример такой метонимии – когда вместилище заменяет собой содержимое: ...*стаканы* пенились и шипели беспрестанно (Пушкин. Выстрел)» [Падучева 2004: 160].

Значение «живой» метонимии, как правило, не фиксирующейся в словарях²⁵, связано с двумя денотатами («номинальный денотат указывает на реальный, служит его приметой, признаком» [Савицкий 2006: 113]) и двумя сигнификатами, от-

²⁴ Ю.Д. Апресян обращает внимание на то, что близкие по значению слова в одном и том же языке могут иметь сильно различающиеся ассоциации. Ср. *осел* – упрямяство, тупость (*упрямый* или *глупый*, как *осел*. Ну и *осел* же ты; Довольно *ослить!* и т. п.), *ишак* – готовность много и безропотно работать (*работает, как ишак*; Я вам не *ишак* тянуть за всех и под.) [Апресян 1974: 67].

²⁵ Как отмечает Е.В. Падучева, «нельзя же для слова *рюмка* предусмотреть значение ‘водка’» [Падучева 2004: 162].

ражающими тот или иной продуктивный семантический перенос. Например: часть – целое ('прикрепленное к древку или шнуру полотнище определенного цвета, часто с эмблемой' – 'корабли, флот': Сюда по новым им волнам Все *флаги* в гости будут к нам. – А. Пушкин. Медный всадник); вместилище и вмещаемое ('посуда круглой формы со слегка приподнятыми краями и широким плоским дном' – 'порция ухи': «Еще тарелочку; послушай: Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» – «Я три *тарелки* съел». – И. Крылов. Демьянова уха); материал и изделие из него ('драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета', 'драгоценный металл желтого цвета, употребляющийся как мерило ценностей и в драгоценных изделиях' – 'посуда из драгоценных металлов': Учились бы, на старших глядя: Мы, например, или покойник дядя, Максим Петрович: он не то на *серебре*, На *золоте* едал. – А. Грибоедов. Горе от ума) и под.

Данные синкретичные значения, как и метафорические, выявляются на фоне, во-первых, прямых («симметричных») значений, обладающих одним конкретным денотатом и сигнификатом, во-вторых, отраженной в словарях «стершейся» метонимии, при которой «двойной концептуализации быть не должно» [Падучева 2004: 162]. Например: (часть – целое) *бас* – 'самый низкий мужской голос' (густой *бас*), 'певец с таким голосом' (известный *бас*); (действие – место действия) *стоянка* – 'остановка' (*стоянка* поезда три минуты), 'место, где располагаются на время остановки' (*стоянка* такси); (выражающий свойство, состояние – вызывающий их) *печальный* – 'проникнутый печалью' (*печальное* настроение), 'вызывающий сожаление, печаль' (*печальный* случай) и под.

3.2.1.3.3. Синкретичность значений слов-символов ($\Phi : C_c = A(D_1 + S_1)$ есть $B(D_2 + S_2)$)

Символ, рожденный «поисками тайных соответствий мира материального и духовного» [Лихачев 1979: 162] и являющийся «семиотическим конденсатором», посредником «между синхронией текста и памятью культуры», отличается элементом иконичности, «определенным подобием между планами выражения и содержания» [Лотман 2001: 249]²⁶, а также устойчивостью формы (а не значения), которая «может быть не только названа, но и изображена» [Арутюнова 1997: 236]. Как отмечает В.В. Колесов, в Древней Руси символ выступал в функции понятия, он был «посредствующим между "вещью" и "словом" (знаком вещи) элементом» [Колесов 1995: 287], например: *весна* – христианство, *жемчуг* – душа, *меч* – символ княжеской власти и чести и др.

Символические значения связаны с двумя денотатами и двумя сигнификатами, один из которых (названный) является конкретным/материальным, а другой (подразумеваемый/символизируемый) – абстрактным/духовным. Как известно, данные значения конституируются, чаще всего не завися от наличия или отсутствия какого-либо сходства/смежности с прямым значением (в отличие от метафоры/метонимии)²⁷. Например: *весы* – 'прибор для определения веса', 'справедливость'; *голубь* – 'птица преимущественно с серовато-голубым или белым оперением и большим зобом', 'мир' (*Голубь* – это символ мира! А кто вам подает этого голубя? Посмотрите – у него же лицо убийцы! – И. Кио. Иллюзии без иллюзий); *роза (красная)* – 'любовь'; *роза (черная)* – 'печаль' (*Черные розы* – символ печали, *красные розы* – символ любви. *Красные розы* быстро завяли, *черные розы* вновь расцвели. – В. Казаченко)²⁸; *якорь* – 'надежда';

²⁶ Ю.М. Лотман отмечает: «Соссюр писал в этой связи о том, что весы могут быть символом справедливости, поскольку иконически содержат идею равновесия, а телега – нет» [Лотман 2001: 240] (ср.: «символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей» [Saussure 1931/1977: 101]).

²⁷ В связи с этим символические значения фиксируются, как правило, в энциклопедических (а не лингвистических) словарях.

²⁸ Как известно, символические значения в разных национальных культурах не совпадают. Например, в английской символике *роза* имеет отсутствующее в русском языке символическое значение 'молчание и тайна': И когда до нее дошли сведения о том, что во дворце графа Эссекса по вечерам собираются его друзья и, усевшись у стены, на которой была написана красками большая *роза* – символ молчания и соблюдения тайны, ведут там мятежные речи, она, никому не сказав ни слова, приняла меры (М. Морозов. Вильям Шекспир).

лилия, ласточка – ‘Богородица’ (церк.-слав., нар.-слав.); пояс – ‘дорога, путь через мифические и реальные преграды’ (нар.-слав.), солнце – ‘Новый Завет’ (церк.-слав.), ‘свет, тепло, жизнь’ (нар.-слав.); луна – ‘Ветхий Завет’ (церк.-слав.), ‘загробный мир’ (нар.-слав.) и др.

3.2.1.3.4. Синкретичность когнитивно-прагматического значения

$$(\Phi : C_c = A(D_1 + S_1 + S_{2(+/-)}))$$

Е.М. Вольф отмечает, что прагматический аспект высказывания тесно связан «с семантикой оценочной структуры и образует с ней амальгамированные конструкции, где прагматический и семантический факторы не всегда легко разделить ... *Дорога оказалась ухабистой и каменистой*. Здесь речь идет о свойствах дороги, но, кроме того, ей дается оценка “плохо”» [Вольф 1985: 13]. В.Н. Телия пишет, что «модальность, входящая в содержание коннотации, создает двуплановость высказываний, включающих слова, за которыми данная модальность закреплена» [Телия 1986: 28].

Коннотативные значения называют также «созначениями» / «добавлениями» / «добавочными» значениями и т. п. (чем имплицитно указывают на их синкретичность), отмечая среди видов / компонентов коннотативного значения оценочность, экспрессивность, эмоциональность, образность, стилистическое значение и др. [Комлев 1969; Телия 1986; Лукьянова 1986; Шаховский 1987; Кругликова 1988: 20–62; Алефиренко 2005: 161–173]. Мы понимаем коннотацию (прагматическое значение) в узком смысле, включая в это понятие выражение эмоционального / рационального мелиоративного / пейоративного отношения говорящего к предмету сообщения, исключая из него экспрессивность / интенсивность (как выражение значения ‘очень’, то есть как проявление не качественного, а количественного отношения, входящего, на наш взгляд, в когнитивное значение), а также функционально-стилистическую характеристику, относящуюся не к семасиологической, а к социолингвистической сфере, хотя функционально-стилистическая характеристика, безусловно, в большинстве случаев сопровождает прагматическое значение.

Синкретичные «амальгамы» представлены в выделяющихся по характеру коммуникативной функции нерасчлененных когнитивно-прагматических значениях (в другой терминологии – информативно-прагматических, денотативно-коннотативных, дескриптивно-коннотативных значениях и под. [Киселева 1978: 90]), связанных с одним денотатом, но двумя «разноплановыми» сигнификатами: когнитивным (предметно-логическим) и прагматическим (выражающим эмоциональное / рациональное и/или мелиоративное / пейоративное отношение говорящего к предмету сообщения). Например: *голословный* – ‘не подтвержденный доказательствами или фактами’ + ‘это плохо’²⁹, *даровитый* – ‘обладающий дарованием, талантом’ + ‘это хорошо’, *доподлинный* – ‘точный, верный’ + ‘это хорошо’, *верховодить* – ‘распоряжаться, руководить, заставляя подчиняться своей воле’ + ‘это плохо’, *плестись* – ‘медленно идти’ + ‘это плохо’ и др.

Данные (и подобные) синкретичные лексические значения выявляются, с одной стороны, на фоне чисто дескриптивных значений (связанных с одним когнитивным сигнификатом), которыми обладают слова-термины (например, в математике – «треугольник», «число», «интеграл», в философии – «эпистемология», «догма», «ипостасность») и лексические единицы, выражающие прямое значение (*баланс, всегда, двузначный, три, перрон, сейчас* и т. п.), с другой стороны, – при сопоставлении с чисто прагматическими значениями (связанными с одним прагматическим сигнификатом), которыми обладают междометия (*фи, фу, ах, ох, ой, увы*) и эмоционально-оценочные слова (*великолепный, красота, прелесть, чудесный; отвратительный, скверный, мерзкий, гадость, такой-сякой* и т. д.).

²⁹ Пример И.А. Стернина, который для определения того, где находится эмоционально-оценочная характеристика: в когнитивном или коннотативном содержании лексической единицы, предлагает использовать прием подстановки выражения ‘и это хорошо / плохо’.

3.2.1.3.5. Синкретичность значений имен концептов³⁰

$$(\Phi : C_c = A(D_1 + S_1 + S_2 + S_3 \dots))$$

«Дописьменной историей концепта», по выражению Ю.С. Степанова, является этимон, представляющий собой инвариант означаемого в диахронии, а конечной формой развития этимона и, соответственно, предельной формой развития концеп-

³⁰ Следует указать на дискуссионность термина «концепт», принадлежащего популярному в последние годы когнитивному / концептологическому направлению в лингвистике. Нельзя не согласиться с И.Б. Левонтиной, которая, отмечая, что «современная семантика уже довольно много знает о смысле языковых выражений, и рутинное семантическое описание бывает подчас более концептуальным, чем “концептологический” анализ», в качестве основной проблемы, связанной «с большей частью концептологических исследований», называет «ускользание» предмета изучения [Левонтина 2008: 126, 124], что объясняется, безусловно, и «ускользанием» («размытостью») содержания понятия *концепт*. Не ставя цели обозреть все многообразие предложенных дефиниций (в рамках логики, семиотики, психолингвистики, культурологии и др.), обозначим только основные подходы к трактовке данного термина с лингвистической точки зрения (см. также [М.Вас. Пименова 2007: 11–12; 2009: 198–201]).

Концепт (*conceptus* – ‘суждение, понятие, представление (о предмете)’ рассматривается, во-первых, как часть классической сенсуалистской схемы «предмет – ощущение – восприятие – представление – понятие», эксплицирующей этапы чувственно-практической (созерцание) и логической (абстрактной) деятельности мышления человека: а) концепт – представление (или «общее представление» как один из видов концепта [Аскольдов 1997: 268]); б) концепт – понятие [Гак 1990: 38; Аскольдов 1997: 268; Арутюнова 1999: 293]; в) концепт – образ, идея, символ [Пименова М. Вл. 2007: 14]; г) концепт – единица мышления, мысль [Чесноков 1967: 37; Никитин 1988: 165; Кубрякова и др. 1996: 90; Аскольдов 1997: 269; Попова, Стернин 2007: 24].

Во-вторых, концепт исследуется как означаемое в составе модели «семантического треугольника» (Г. Фреге, Ч. Огден и А. Ричардс, Г. Стерн, Ч. Моррис, С. Ульман, Г. Клаус, Л. Тондл, К. Хегер и др.) / «семантического квадрата / трапеции» (Г. Бланке, К. Бюлер, Л.А. Новиков) [Колесов 2003: 431–445; Кобозева 2009: 44–49]: а) концепт – «алгебраическое» выражение значения, инвариант значения [Лихачев 1997: 281, 283; Рахилина 2000: 281]; б) концепт – смысл (интенционал, содержание понятия, «термин концепт становится синонимичным термину *смысл*») [Степанов 1995: 42].

В-третьих, концепт анализируется как синтез означаемого (значения и понятия), означаемого (языкового знака) и обозначаемого (денотата и референта): а) концепт – это этимон слова (*conceptum* – ‘зародыш, зерно’, «исходная точка семантического наполнения слова» [Колесов 1992: 36]); б) концепт – слово-концепт, «ключевые слова» [Вежицкая 1996: 31; 2001: 35–36]).

Кроме того, при дефиниции концепта исследователи используют метафорические образы, например: «Концепты – это *почки* сложнейших *соцветий* мысленных конкретностей», «*туманное нечто*» [Аскольдов 1997: 272, 268]; «...соответствующие концепты как бы *парят* над их материальным и над их чисто духовным проявлениями, вполне реализуясь лишь в совокупности тех и других» [Степанов 1995: 18]; «концепт – это как бы *сгусток культуры* в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40] (выделено нами. – М. П.).

Мы полагаем, что определения, отождествляющие концепт с той или иной единицей (представлением, понятием, образом, идеей, символом, значением, смыслом, этимоном, словом и др.), а также эксплицирующие его при помощи образно-метафорического выражения (*почки, соцветия, сгусток культуры, парят* и под.), не дают представления о месте данного феномена в языковой системе.

С лингвистической точки зрения концепт по своей сути является инвариантом означаемого, единицей эмического (абстрактного) уровня (сопоставимой с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой), которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в лексических значениях, сигнификатах – интенционалах и экстенционалах, внутренних формах слов – способах представления внеязыкового содержания (подобно тому, как фонема реализуется в звуках / аллофонах, морфема – в морфах / алломорфах, лексема – в словоформах и лексико-семантических вариантах, синтаксема – в синтагмах / предложениях и др.). Нам представляется, что данная трактовка при всей своей очевидности «примиряет» большинство предложенных определений (примиряя также сторонников «революционной» когнитивистики и «устоявшихся» / традиционных лингвистических направлений), «снимая» необходимость все новых и новых дефиниций «ускользающего» термина («размытость» которого объясняется прежде всего его эмическим характером).

та – интересующее нас в связи с его синкретичным значением слово-концепт (имя концепта, ключевое слово/идея), грамматически представленное, как правило, абстрактным именем существительным³¹. Приведем примеры имен концептов, привлекавших внимание исследователей: *благо, вера, верность и предательство, вечность, вина, воля, время и пора, грех, грусть, действие, добро, долг, дружба, дух, душа, жалость, жизнь и смерть, закон и беззаконие, забвение, задумчивость, зло, знание, истина, красота, личность, ложь, любовь, меланхолия, милосердие, мир, мысль, надежда, нравственность, обязанность, печаль, победа и поражение, порядок, правда, причина, радость и удовольствие, родина, свет и тьма, свобода, скромность, слава и позор, слово, совесть, страх, стыд, свое и чужое, судьба, счастье и наслаждение, терпение, творчество, тоска, удаля, уныние, успех, чистота* и т. д. [ЛЯЯ 1991; 1997; 2000; 2004; Вежбицкая 1996; Степанов 1997; АК 2004–2008; Зализняк и др. 2005 и т. д.].

Имена концептов (подобно этимонам, но на другом уровне развития языка) выражают «концептуальное» синкретичное значение (воспринимаемое как семантически «размытое», «интеллектуально полное» [Чернейко 1997: 118]), которое отличается не фиксирующимся в толковых словарях национально-культурным «лексическим фоном»³² (по терминологии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова), соответствующим кумулятивной (накопительной) функции языка [Верещагин, Костомаров 1983: 56–59].

Синкретичное значение имени концепта связано с одним абстрактным («эмпирически пустым» [Чернейко 1997: 118]) денотатом, но несколькими нерасчлененными сигнификатами, фиксирующими, по определению Л.О. Чернейко, «единое во многом» – категории (*материя, пространство, причина*), «единое как возможность для многого» – параметры (*качество, свойство*), «единое как идеал для многого» – этические и эстетические нормы (*добро, справедливость, красота*), то есть «вечное и неподвижное в преходящем» [Чернейко 1997: 119]. Связь значений имен концептов с несколькими понятиями частично отражается в лексикографических дефинициях. Ср. у С.И. Ожегова: *красота* – ‘совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху; все красивое, прекрасное’ (параметры мелиоративной эстетической оценки, то есть положительного отношения субъекта оценки к объективной ценности с точки зрения существующего национального представления о красоте + объекты окружающей действительности, обладающие признаками, которые соответствуют параметрам / нормам эстетической оценки); *дух* – ‘сознание, мышление, психические способности, то, что побуждает к действиям, к деятельности, начало,

³¹ В.В. Колесов отмечает, что «концепт как сущностный признак словесного знака грамматически может быть представлен (главным образом) в виде имени, выражающего обобщенный признак» [Колесов 1999: 158]. Как указывает Л.О. Чернейко, абстрактное имя – предикат идей, которое, «квантуя идеальный континуальный мир, измеряет его, придавая ему формы» [Чернейко 1997: 118].

³² Национально-культурный «лексический фон» изучают через выявление всех имеющихся вербальных воплощений (реализаций, репрезентаций) концепта в диахронии / синхронии (чему эксплицитно / имплицитно посвящена большая часть концептологических работ), и что достигается при помощи целого ряда последовательных этапов анализа (представленных в исследованиях с той или иной степенью полноты и адекватности): 1) определение этимона; 2) изучение словообразовательного гнезда / корневой группы, то есть группы слов, образованных от данного этимона; 3) анализ основных употреблений производных слов в диахронии (то есть выявление эпидигматических связей имени концепта); 4) исследование лексикографических дефиниций имени концепта в синхронии; 5) рассмотрение основных употреблений данных слов на синхронном уровне (то есть выявление синтагматических связей); 6) выявление парадигматических связей анализируемого имени концепта (синонимические / антонимические ряды, лексико-семантические и тематические группы, семантические поля и др.); 7) сопоставление данного имени концепта с аналогичным (или близким) словом-концептом в других языках; 8) проведение психолингвистического / ассоциативного эксперимента и под.

определяющее поведение, действия' (нематериальное начало в человеке (сознание + мышление + психические способности) + его проявления в различных сферах человеческой деятельности и отношениях между людьми) и под. По определению В.И. Даля, дух «слитно» образуют *ум и нрав*, причем ко *нраву* он относит (как понятия подчиненные) *волю, любовь, милосердие, страсти*, а к *уму* – *разум, рассудок, память* [Даль 1881/1955: 558].

3.2.1.3.6. Синкретичность значений слов-гиперонимов

$$(\Phi : C_c = A(D_1 + D_2 + D_3 \dots + S_1))$$

Общеизвестно, что особенностью гипонимии является логико-семантическая субординация, иерархичность, при которой «гипероним подчиняет себе слова, значение которых он в себя включает, последние, в свою очередь, все вместе соподчинены “включающему” слову» [Белоусова 1997: 81], которое может обозначать, во-первых, ‘ВИД предметов/существ’ (*птица, животное, насекомое, растение, дерево, цветок* и т. д.), во-вторых, ‘предметы различных ВИДОВ’ (*мебель, посуда, одежда, обувь* и т. п.) [Вежбицкая 1996: 209–211]³³. Значения гиперонимов связаны с одним сигнификатом, но с несколькими / многими денотатами (нерасчлененным множеством конкретных денотатов), что проявляется в ряде случаев в лексикографическом способе толкования значения гиперонима через гипонимы. Например: *мебель* – ‘предметы комнатной обстановки (столы, стулья, диваны и т. п.)’, *насекомое* – ‘маленькое беспозвоночное членистоногое животное (муха, пчела, муравей, клоп и др.)’.

3.2.2. Синкретичная (аналитическая) форма

$$(\Phi_1 + \Phi_2 : C)$$

Синкретичная (аналитическая) форма, при которой одно означаемое выражается двумя / более означающими, представлена фразеологизмами различных типов и видов (например: ‘опытный человек’ – *тертый калач, стреляный воробей*, ‘вдруг, без видимой причины’ – *с бухты-барухты*, ‘не сумеет разобраться в чем-нибудь простом’ – *заблудиться в трех соснах*, ‘мучительно тяжелая жизнь’ – *ад крошечный*; ‘напрасный призыв к чему-либо, остающийся без ответа’ – *глас вопиющего в пустыне* и др.³⁴), образность значения которых чаще всего «...основывается на одновременном осознании их прямого значения *тянуть ляжку, без царя в голове*» [Чесноков 2001: 18]. А.В. Жуков полагает, что фразеологизмы отличаются «синтетичностью», лексико-синтаксической «гибридностью», проявляющейся «...в противоречивом совмещении признаков и свойств разнокачественных единиц в плане содержания и в плане выражения» [Жуков 1996: 16]³⁵.

4. «РАЗРЕШИМЫЙ» / «НЕРАЗРЕШИМЫЙ» СИНКРЕТИЗМ И АСИММЕТРИЯ

Необходимо отметить, что в сильной позиции синкретизм асимметрии формально-содержательной языковой структуры в большинстве случаев «снимается» (устраняется), или «разрешается», в пользу языковой симметрии (одно означающее – одно означаемое)³⁶, хотя имеются и случаи «неразрешимого» синкретизма, причем невозможность «разрешения» отличает собственно синкретизм от довольно часто отождествляемых с ним смежных явлений формально-содержательной языковой асимметрии (начиная с

³³ Выделение прописными буквами А. Вежбицкой.

³⁴ Здесь и далее значения фразеологических единиц приводятся по [ФСРЯ 1987].

³⁵ Данный тип асимметрии детально представлен в [Кунин 1988].

³⁶ См. о разрешимом / неразрешимом синкретизме в [Hjelmslev 1943/1960: 347–348].

работ Л. Ельмслева)³⁷ – нейтрализации, омонимии, полисемии, депонентности и под. [Martinet 1968/1969; Журавлев 1990; Ваегман et al. 2007 (рец. [Аркадьев 2009]).

Например, «неразрешимым» синкретизмом на морфологическом уровне отличается «сложное значение» (или «комплекс идей» – Е.Д. Поливанов, или синтетосемия ‘сложнозначность’ – Ю.С. Маслов). Так, в грамматическое значение флексии *-ы* (*жены, воды, страны*) нерасчлененно входят следующие «идеи»: «1) идея падежа, именно – родительного, 2) идея единственного числа, 3) представление женского грамматического рода, 4) представление категории существительных» [Поливанов 1934: 42; Маслов 1987: 235]. На синтаксическом уровне остаются «асимметричными» случаи так называемого «неразрешимого» синкретизма членов предложения, например, в синтаксеме *торговля книгами* синкретичный второстепенный член находится «в слабой позиции полной нейтрализации различий между инвариантами определения и дополнения» [Фурашов 2004: 176].

Рассмотрим явления разрешимого / неразрешимого синкретизма на интересующем нас лексико-семантическом уровне.

4.1. «Разрешимый» синкретизм

Не вызывает сомнений, что все виды асимметрии парадигматического плана – прежде всего полисемия и омонимия (включая подвиды и непродуктивные разновидности) – «разрешаются» в сильной позиции в связи с взаимодействием знаков внутри высказывания [Новиков 1982: 172]. Например: *красивый человек* – ‘приятный внешним видом’, *красивый поступок* – ‘высоконравственный’, *красивый жест* – ‘эффектный, но бессодержательный’ («разрешенная» полисемия); *иллюстрировать книгу* – ‘снабжать поясняющими рисунками’, *иллюстрировать свою мысль примером* – ‘пояснять чем-н. наглядным, конкретным’ («разрешенная» дисемия); *текущие дела* – ‘работа, занятие, деятельность’, *это наше дело* – ‘круг ведения’, *дело есть до вас* – ‘надобность, нужда’, *говорить дело* – ‘нечто важное, нужное (разг.)’ («разрешенная» эврисемия); *прослушать курс лекций* – ‘выслушать от начала до конца’, *отвлекся и прослушал объяснения учителя* – ‘слушая, не воспринял, не услышал’ («разрешенная» энантиосемия); *малярная кисть* – ‘пучок щетины на рукоятке для нанесения краски на что-н.’, *узкая в кисти рука* – ‘часть руки от запястья до конца пальцев’ («разрешенная» омонимия) и т. д.

Частичная синонимия «разрешается» в сильной позиции, снимающей нейтрализацию означающих, ср.: *Кругом царила тишина / молчание*, но! Между ними длилось *молчание* (‘отсутствие произносимых звуков’), не **Между ними длилась тишина* (‘отсутствие звуков’) [Шмелев 1973: 128]; *погасить / задуть свечу*, но! *погасить свет* (‘прекратить горение’), не *задуть свет (‘дунув, прекратить горение’) [Новиков 1982: 233]; *пустой / порожний стакан* <бочка, ведро, корзина и др.>, не *порожний шкаф <колодец>, *порожний лимузин и т. д. [НОСС 1999: 299]; *уличить в/во лжи, неправде, вранье / обмане*, но! Ты там был? – Нет – *Неправда* <ложь, вранье>, не * Ты там был? – Нет – *Обман!* [НОСС 2000: 224].

³⁷ А. Мартине указывает, что Л. Ельмслев смешивает синкретизм и нейтрализацию, «обозначая их одним термином синкретизм, который для него имел преимущества перед термином нейтрализация, так как указывал на его расхождение с пражской фонологией» (разрядка автора [Martinet 1968/1969: 109]). Д.Н. Шмелев отмечает, что «самый характер произведенного Л. Ельмслевом сопоставления явился причиной многих дальнейших противоречий в оценке понятия нейтрализации за пределами фонологических явлений» [Шмелев 1973: 121]. В.И. Фурашов обращает внимание на то, что Л. Ельмслев «под синкретизмом понимает три разных феномена: 1) омонимию грамматических форм (совпадение форм именительного и винительного падежей единственного числа у существительных среднего рода в латинском и немецком языках), 2) лексическую полисемию (пример многозначности слова *лиса*) и 3) нейтрализацию фонем в слабых позициях (пример с датским словом *top*)» [Фурашов 2004: 167].

Асимметрия «экстралингвистической» омонимии и вариантности / дублетности безоговорочно «разрешается» в речи/на письме, поскольку говорящий / пишущий, выбирая сферу употребления и/или функциональный стиль, «вынужден» использовать тот или иной конкретный вариант / дублет.

Асимметрия синтагматического плана «разрешается» в первых двух типах рассмотренных выше лексико-семантических явлений, то есть, во-первых, при синкретизме двух значений многозначного слова (как ненамеренном, так и намеренном, каламбурном); во-вторых, при синкретизме одного значения («речевой многозначности»). Во всех этих случаях речь идет об употребленном в конкретной ситуации речевого общения позиционном актуальном значении, не фиксирующемся в словарях, которое в сильной позиции при определенном / достаточном контексте «разрешается» (утрачивается).

Например: (ненамеренный синкретизм двух значений многозначного слова) *обивка кресла* ('действие' и 'покрытие'); ср.: («разрешенный» синкретизм) *тщательная обивка кресла* – 'действие', *яркая обивка кресла* – 'покрытие'; (намеренный / каламбурный синкретизм двух значений многозначного слова) *бескорыстный человек: защищал чужую диссертацию* (Э. Кроткий); ср.: («разрешенный» синкретизм): *успешно защитит диссертацию* ('публично отстоять положения своей работы в официальном ученом собрании'), *защитит диссертацию от нападков оппонентов* ('отстоять перед чужой-н. критикой, возражениями'); (речевая многозначность) *Иван упал* ('намеренное / ненамеренное действие'); ср.: («разрешенный» синкретизм): *Иван упал на колени: «Прости меня!»* ('намеренное действие'), *Иван поскользнулся и упал* ('ненамеренное действие') и под. (см. также примеры в разделах 3.2.1.1.2 и 3.2.1.2.1).

Что касается синкретичного значения при «несостоявшейся полисемии» (типа *гаснуть* = 'переставать гореть или светить' при одновременной реализации 'В и С' – раздел 3.2.1.2.2), то данная (включительно-дизъюнктивная, или моносемичная) организация значения отражает некоторую неопределенность значения ЛСВ в системе языка (то есть относительно актуализованное значение), фиксируясь, как правило, в словарях, хотя нормативными (и более частотными) являются «различительные» контексты (*Дрова погасли* – 'прекращение горения', *Лампы погасли* – 'прекращение свечения' [Апресян 1974: 186]).

Кроме того, «переходным» между позиционным актуальным и относительно актуализованным значением обладают лексические единицы пяти типов регулярной полисемии, допускающей некаламбурное (обыденное) совмещение («склеивание») двух разных значений многозначного слова: 'часть тела' – 'ее типовая функция', 'место' – 'его обитатели', 'информация' – 'физический носитель информации' и т. д. (см. раздел 3.2.1.1.2).

4.2. «Неразрешимый» синкретизм

На лексико-семантическом уровне не «разрешаются» представленные выше (раздел 3.2.1.3) синкретичные (качественно «сложные») значения различных видов, которые в отличие от случаев «разрешимого» синкретизма являются узальными, связанными с некоторым классом регулярных употреблений и, как правило, фиксирующимися в словарях (за исключением значений «живой» метонимии, узальность которой основана на регулярности употребления типов переноса по смежности, а не регулярности значения как такового). Синкретизм данных значений возникает в различных «плоскостях»: во-первых, в эпидигматической плоскости – производные / вторичные (метафорические, метонимические, символические) значения, которые возникают / воспринимаются / существуют только на фоне прямых (непроизводных) и связаны с ними лингвистическими и/или экстралингвистическими связями, во-вторых, в парадигматической плоскости – значения слов-гиперонимов, являющихся «вершинами» иерархической организации лексики, в-третьих, в прагматической плоскости – когнитивно-прагматические значения, синтезирующие указание на дено-

тат с его оценкой, в-четвертых, в концептуальной плоскости – синкретичные значения имен концептов, аккумулирующие в своем «лексическом фоне» национальную ментальность. Кроме того, не «разрешается» узуальная синкретичная форма фразеологизмов, объединенная одним означаемым (раздел 3.2.2), поскольку «разрешение» в данном случае эквивалентно «разрушению» как формы, так и содержания.

5. СИНКРЕТСЕМИЯ КАК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Узуальные явления «неразрешимого» синкретизма образуют, как мы полагаем, особую лексико-семантическую категорию – «синкретсемию» (от греч. συνκρητισμός – ‘соединение, объединение, связывание’ и σημά – ‘знак, признак, знамение, сигнал’)³⁸, объединяющую лексические единицы, общим свойством которых является «качественный» дифференциальный признак (указывающий на качество означаемых / означающих), выявляющийся на синтагматическом уровне: наличие синкретичного (нерасчлененного) означаемого или синкретичного (нерасчлененного) означающего.

«Качественным» дифференциальным признаком синкретсемия отличается от общеизвестных лексико-семантических категорий – полисемии (а также ее «крайних» вариантов – дисемии, эврисемии) и моносемии, которые выделяются и разграничиваются на основе «количественного» дифференциального признака, проявляющегося на парадигматическом уровне – количество значений (несколько/два/много означаемых и одно означающее).

Полисемия и омонимия, фразеологизм и свободное словосочетание выделяются и разграничиваются на эпидигматическом уровне: наличие ассоциативно-когнитивной связи между означаемыми у полисеманта и устойчивой лексико-грамматической связи между означающими у фразеологической единицы противопоставляется ее разрыву / отсутствию у омонимов и компонентов свободных словосочетаний.

5.1. Основные типы и виды синкретсемии

В связи с представленными синкретичными лексико-семантическими явлениями (примеры см. выше) можно условно выделить три типа синкретсемии: «содержательную», «формальную» и «содержательно-формальную».

При «содержательной» синкретсемии форма одного слова (одна лексема – синкрета) выражает семантическое отношение двух / нескольких генетически связанных значений (семем), сосуществующих в языке и одновременно актуализирующихся в речи (одно синкретичное значение – два / несколько сигнификатов и/или денотатов). Данный тип синкретсемии в свою очередь включает в себя несколько видов.

Первый вид «содержательной» синкретсемии – это денотативно-сигнификативная синкретсемия, при которой синкретичное значение связано одновременно с двумя сигнификатами и двумя денотатами. К этому виду относятся вторичные в плане эпидигматики метафорические, метонимические, символические значения.

Второй вид «содержательной» синкретсемии – это сигнификативная синкретсемия, при которой синкретичное значение связано одновременно с двумя / несколькими сигнификатами, но одним денотатом. Данный вид синкретсемии представлен, во-первых, в «амальгамных» когнитивно-прагматических значениях, во-вторых, в концептуально синкретичных значениях имен-концептов.

³⁸ Предлагаемый нами термин образован по аналогии с наименованиями основных лексико-семантических категорий: πολύς ‘многий’ (полисемия – ‘многозначность’), μόνος ‘один, единственный’ (моносемия – ‘однозначность’), δύο ‘два’ (дисемия – ‘двузначность’), εύρος ‘ширина’ (эврисемия – ‘широкозначность’), εναντίος ‘противоположный’ (энантисемия – ‘противоположность значений’).

Третий вид «содержательной» синкретсемии – денотативная синкретсемия (связь синкретичного значения одновременно с несколькими / многими денотатами) представлен в гиперонимах, значение которых, связанное с одним сигнификатом, предполагает нерасчлененное множество конкретных денотатов.

Второй тип синкретсемии – это «формальная», или структурно-синтагматическая «синкретсемия» (последний термин указывает на то, что данный тип синкретсемии реализуется при линейном, одновременном, соотношении компонентов, представляющих собой относительно устойчивую структуру), при которой одно целостное значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами двух / нескольких лексико-грамматически связанных слов – двумя / несколькими лексемами (два и более означающих выражают одно синкретичное значение, связанное с одним сигнификатом и одним денотатом). Данный тип синкретсемии представлен ядерными фразеологическими единицами – сращениями (*бить баклуши* – ‘бездельничать’, *вешать лапшу на уши* – ‘обманывать’, *дать стрекача* – ‘убежать’).

Третий тип синкретсемии – «формально-содержательная» синкретсемия, при которой выражающие одно синкретичное значение два и более означающих связаны с двумя / несколькими сигнификатами и денотатами. Во-первых, это денотативно-сигнификативная синкретсемия фразеологических единств, сохраняющих связь со свободными (буквальными) значениями (номинальный денотат уподобляется реальному), например: *наломать дров* – ‘наделать грубых ошибок’, *плыть по течению* – ‘действовать, поступать так, как вынуждают обстоятельства’, *белая ворона* – ‘человек, резко выделяющийся среди окружающих его людей’. Во-вторых, это сигнификативная синкретсемия фразеологических сочетаний (*закадычный друг* – ‘близкий, задушевный друг’, *расквасить лоб (колени, нос, губы)* – ‘разбить до крови (какую-либо часть лица)’, *щекотливый вопрос (дело, обстоятельство, положение)* – ‘требующий большой осмотрительности, осторожного и тактичного отношения; деликатный’).

5.2. Синкретсемия и моносемия

Необходимо отметить, что синкретичными могут быть не только значения многозначных слов и значения слов-омонимов, но и значения однозначных слов, несмотря на то, что моносемия традиционно связывается с формально-содержательной языковой симметрией (одно означающее – одно означаемое).

Чаще других у моносемичной лексики фиксируются когнитивно-прагматические значения (сигнификативная синкретсемия), например: *бравада* ‘показная удалость, бесцельно-дерзкая рисовка’, *вострушка* ‘живая, бойкая девочка, девушка’, *двоеваться* ‘воюя, потерпеть неудачу’, *дожить* ‘дойти до какого-н. плохого, унижительного и т. п. состояния’, *допотопный* ‘устарелый, старомодный, отсталый’, *драный* ‘изношенный, изорванный’, *дранать* ‘убегать, улепетывать’, *лакействовать* ‘быть подхалимом, раболепствовать’, *худышка* ‘исхудалый, хилый ребенок, женщина’, *цаца* ‘тот, кто важничает, много воображает о себе’ и под.

Однозначные слова-гиперонимы (денотативная синкретсемия) встречаются значительно реже (например, *мебель, обувь, растение, насекомое*). Что касается переносных значений (денотативно-сигнификативная синкретсемия), то они в принципе невозможны у однозначной лексики (поскольку переносное значение ощущается только на фоне прямого значения), однако иногда словари указывают переносное значение как оттенок значения моносемичной лексики, например: *гадюка* ‘ядовитая змея с плоской треугольной головой. Не женщина, а гадюка (перен.)’.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что для лексико-семантической системы синкретизм является конституирующим явлением, предопределяющим развитие лексического значения не по прямой линии (от простого к сложному, от прозаического к образному

и поэтичному [Потебня 1968: 217]³⁹, от конкретного к абстрактному [Шмелев 1977: 110; Будагов 2004: 14] и т. д.), а по спирали⁴⁰, причем вначале спираль-пружина сжата до плоского состояния в слове-синкрете – этимоне («дописьменном» концепте), значение которого нерасчлененно содержит и конкретное, и абстрактное, и символическое, и образное понятия (с и г н и ф и к а т и в н а я с и н к р е т с е м и я; например: *свѣтъ* – ‘цветение жизни’: красота, любовь, веселье; ‘святость’: истинность, праведность, миропорядок⁴¹).

Затем происходит трансформация семантического синкретизма (осуществляющаяся параллельно со сменой отдельных фаз в развитии мышления), которая приводит к растяжению семантической «пружины» и к сужению-конкретизации синкретичного значения одновременно с расширением его лексического выражения при помощи основанных на метонимии минимальных единиц древнерусского текста (с т р у к т у р н о - с и н т а г м а т и ч е с к а я с и н к р е т с е м и я; например: *светлый свет, красотой украси, золотом золотить, красота и лѣпота, радость и веселье, краса-баса, свѣтяще ся яко сълнце* и под.).

Начиная с XIV–XV вв. наблюдается интенсивное образование производных слов от этимона-инварианта и постепенное закрепление за ними (в XVI–XVII вв.) того или иного компонента первоначально синкретичного значения (расчленение синкретизма; например: *свѣтозрачныи, свѣтлошумныи, свѣтлоукрашение, освѣтляти, освѣщати, усвѣтити, просвѣщати, красноличьныи, благокрасныи, красогласование, красивъ, прѣкрасныи, оукрашение, преоукрашение, безкрасие, некрасота, красьба, украшати, преоукрашати, преоукрашено* и др.). В текстах «стиля плетения словес» присутствует метафорическое сравнение, являющееся основой метафоры как одного из основных способов создания переносных значений (д е н о т а т и в н о - с и г н и ф и к а т и в н а я с и н к р е т с е м и я).

В XVII–XVIII вв. происходит формирование родовых понятий – гиперонимов, которые «вбирают» в себя ряды производных единиц (д е н о т а т и в н а я с и н к р е т с е м и я), а также завершается образование основных ключевых слов, имен концептов (с и г н и ф и к а т и в н а я с и н к р е т с е м и я).

В современном русском языке (на новом «витке» истории, на новом уровне развития) разнообразные семасиологические категории (моносемия, полисемия, омонимия, синкретсемия различных типов и видов) сосуществуют, по образному выражению Л.С. Выготского, «как в земной коре сосуществуют напластования самых различных геологических эпох» [Выготский 1956: 204].

Синкретизм как выражение формально-содержательной языковой асимметрии представляет собой о б ъ е к т и в н о е языковое явление, а не языковой «изъян» / «недостаток» (по словам А. Мартине), который «усложняет функционирование языка» [Martinet 1968/1969: 102]). Синкретизм, как и асимметрия, – «явление вечное и универсальное», «важнейший компонент языковой системы» [Гак 1998: 123], главный мотив языковой эволюции⁴² [Трубачев 2003: 65], поскольку благодаря «...асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [Karcevskij 1929/1965: 89].

³⁹ Как писал А.А. Потебня, «это – взгляд потомка, которому свой образ мысли, своя обстановка кажутся так естественны, что уровень мысли и обычая предков он готов считать (и действительно считает, как некоторые ученые – мифы) неправильным, болезненным отклонением от этой естественности» [Потебня 1968: 217].

⁴⁰ Подробнее см. [М.Вас. Пименова 2007].

⁴¹ Основные этапы развития значения представлены на материале лексики эстетической оценки.

⁴² Асимметрия рассматривается как фундаментальное условие эволюции в одной из наиболее популярных в наши дни междисциплинарных теорий самоорганизации систем – с и н е р г е т и к е [Князева, Курдюмов 2005: 149].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко 2005 – *Н.Ф. Алефиренко*. Спорные проблемы семантики. М., 2005.
- Амосова 1963 – *Н.Н. Амосова*. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- АК 2004–2008 – Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1–6. Волгоград, 2004–2008.
- Апресян 1974 – *Ю.Д. Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Аркадьев 2004 – *П.М. Аркадьев*. [Рец.:] *G.T. Stump*. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. [Cambridge studies in linguistics. V. 93]. Cambridge, 2001 // ВЯ. 2004. № 2.
- Аркадьев 2006а – *П.М. Аркадьев*. [Рец.:] *G. Müller, L. Gunrel, G. Zifonun* (eds.). Explorations in nominal inflection. Berlin, 2004 // ВЯ. 2006. № 4.
- Аркадьев 2006б – *П.М. Аркадьев*. [Рец.:] *M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett*. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005 // ВЯ. 2006. № 5.
- Аркадьев 2009 – *П.М. Аркадьев*. [Рец.:] *M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley* (eds.). Deronency and morphological mismatches. Oxford, 2007 // ВЯ. 2009. № 3.
- Арутюнова 1968 – *Н.Д. Арутюнова*. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Арутюнова 1990 – *Н.Д. Арутюнова*. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Арутюнова 1997 – *Н.Д. Арутюнова*. Метафора // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- Арутюнова 1999 – *Н.Д. Арутюнова*. Язык и мир человека. М., 1999.
- Аскольдов 1997 – *С.А. Аскольдов*. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. М., 1997.
- Афанасьев 1865/1994 – *А.Н. Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1994.
- Ахманова 1955 – *О.С. Ахманова*. О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий (В связи с вопросом о методе лексикологического исследования) // ВЯ. 1955. № 3.
- Ахманова 1966 – *О.С. Ахманова*. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бабайцева 1967 – *В.В. Бабайцева*. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967.
- Бабайцева 1990 – *В.В. Бабайцева*. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Бабайцева 2000 – *В.В. Бабайцева*. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
- Баранов 2003 – *В.А. Баранов*. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003.
- Баранов 2006 – *В.А. Баранов*. Грамматический синкретизм характеризующих имен в древнерусском языке // Грани русистики: Филологические этюды. Сб. к 70-летию проф. В.В. Колесова. СПб., 2007.
- Белоусова 1997 – *А.С. Белоусова*. Гипонимия // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- БПС 2004 – Большой психологический словарь. СПб.; М., 2004.
- БСЭ 1976 – Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1976. Т. 23.
- Будагов 2004 – *Р.А. Будагов*. Что такое развитие и совершенствование языка? 2-е изд., доп. М., 2004.
- Васильев 1981 – *Л.М. Васильев*. Семантика русского глагола. М., 1981.
- Вежбицкая 1996 – *А. Вежбицкая*. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 2001 – *А. Вежбицкая*. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вейнрейх 1970 – *У. Вейнрейх*. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Верещагин, Костомаров 1983 – *Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров*. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983.
- Веселовский 1913 – *А.Н. Веселовский*. Из истории эпитета // А.Н. Веселовский. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1913.
- Виноградов 1947 – *В.В. Виноградов*. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Виноградов 1953 – *В.В. Виноградов*. Основные типы лексических значений слов // ВЯ. 1953. № 5.
- Виноградов 1955/1975 – *В.В. Виноградов*. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

- Виноградов 1976 – *В.В. Виноградов*. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Вольф 1985 – *Е.М. Вольф*. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Выготский 1956 – *Л.С. Выготский*. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М., 1956.
- Гак 1990 – *В.Г. Гак*. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Гак 1998 – *В.Г. Гак*. Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
- Гемплер 2009 – *М.А. Гемплер*. Межкатегориальный синкретизм финитных форм спрягаемого глагола в современном немецком языке (с позиций идей Й.Л. Вайсгербера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.
- Граудина 1997 – *Л.К. Граудина*. Варианты языковые // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- Даль 1881/1955 – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 2-е изд. СПб., 1881 (М., 1955. Т. 2).
- Жирмунский 1946 – *В.М. Жирмунский*. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // ИАН СЛЯ. 1946. Т. 5. Вып. 2.
- Жуков 1996 – *А.В. Жуков*. Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород, 1996.
- Журавлев 1990 – *В.К. Журавлев*. Нейтрализация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Зализняк и др. 2005 – *Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев*. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Зализняк 2006 – *Анна А. Зализняк*. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Канунова 2004 – *Р.С. Канунова*. Говоры Владимирской области. Лексика. Владимир, 2004.
- Карсавин 1915 – *Л.П. Карсавин*. Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915.
- Кацнельсон 1986 – *С.Д. Кацнельсон*. Общее и психологическое языкознание. Л., 1986.
- Кацнельсон 2001 – *С.Д. Кацнельсон*. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.
- Кезина 2005 – *С.В. Кезина*. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Пенза, 2005.
- Кессиди 1972 – *Ф.Х. Кессиди*. От мифа к логосу: становление греческой философии. М., 1972.
- Киселева 1978 – *Л.А. Киселева*. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Князева, Курдюмов 2005 – *Е.И. Князева, С.И. Курдюмов*. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М., 2005.
- Кобозева 2009 – *И.М. Кобозева*. Лингвистическая семантика. 4-е изд. М., 2009.
- Ковтун 1971 – *Л.С. Ковтун*. О неясных семантических изменениях // ВЯ. 1971. № 5.
- Коготкова 1979 – *Т.С. Коготкова*. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979.
- Колесов 1991 – *В.В. Колесов*. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9.
- Колесов 1992 – *В.В. Колесов*. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып. 3. № 16.
- Колесов 1995 – *В.В. Колесов*. Символы в «Слове о полку Игореве» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.
- Колесов 1999 – *В.В. Колесов*. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
- Колесов 2003 – *В.В. Колесов*. «Семантический треугольник»: взгляд из лингвистического угла // В.В. Колесов. История русского языкознания. СПб., 2003.
- Колесов 2007 – *В.В. Колесов*. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб., 2007.
- Комлев 1969 – *Н.Г. Комлев*. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Комлев 1992 – *Н.Г. Комлев*. Слово в речи: денотативный аспект. М., 1992.
- Коротаева 1964 – *Э.И. Коротаева*. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.; Л., 1964.
- Кравченко 2000 – *А.И. Кравченко*. Культурология: Словарь. М., 2000.
- Кронгауз 2005 – *М.А. Кронгауз*. Семантика. 2-е изд. М., 2005.
- Кругликова 1988 – *Л.Е. Кругликова*. Структура лексического и фразеологического значения. М., 1988.
- Кубрякова 1978 – *Е.С. Кубрякова*. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978.

- Кубрякова и др. 1996 – *Е.С. Кубрякова* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кузнецова 1999 – *И.Е. Кузнецова*. Диффузность семантики диалектных глаголов эмоционального отношения // Очерки по исторической лексикологии русского языка: Памяти Ю.С. Сорокина. СПб., 1999.
- Кунин 1988 – *А.В. Кунин*. Асимметрия в сфере фразеологии // ВЯ. 1988. № 3.
- Курилович 1955 – *Е.Р. Курилович*. Заметки о значении слова // ВЯ. 1955. № 3.
- Ларин 1974 – *Б.А. Ларин*. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
- Ларин 1975 – *Б.А. Ларин*. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.
- Ларин 1977 – *Б.А. Ларин*. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М., 1977.
- ЛАЯ 1991 – Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1991.
- ЛАЯ 1997 – Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1997.
- ЛАЯ 2000 – Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М., 2000.
- ЛАЯ 2004 – Логический анализ языка: Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004.
- Левицкий 2006 – *В.В. Левицкий*. Семасиология. Винница, 2006.
- Левонтина 2008 – *И.Б. Левонтина*. Антология концептологии. [Рец.:] Антология концептов. Волгоград, 2004–2008 // ВЯ. 2008. № 4.
- Лихачев 1979 – *Д.С. Лихачев*. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.
- Лихачев 1997 – *Д.С. Лихачев*. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997.
- Лопутько 2001 – *О.П. Лопутько*. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск, 2001.
- Лотман 2001 – *Ю.М. Лотман*. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб., 2001.
- Лукьянова 1986 – *Н.А. Лукьянова*. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
- ЛЭТиП 2001 – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
- Макаров 1978 – *В.В. Макаров*. [Рец.:] *Р.А. Будагов*. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 2004 // ФН. 1978. № 3.
- Маковский 1996 – *М.М. Маковский*. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Маковский 2009 – *М.М. Маковский*. Индоевропейская этимология. М., 2009.
- Маркова 1993 – *Е.М. Маркова*. Синкретизм первоначального значения лексем как фактор эволюции лексической семантики // Русская историческая лексикология и лексикография. Красноярск, 1993.
- Марр 1924/2002 – *Н.Я. Марр*. Яфетидология. Жуковский; М., 2002.
- Маслов 1987 – *Ю.С. Маслов*. Введение в языкознание. М., 1987.
- Мельников 1971 – *Г.П. Мельников*. О типах дуализмов языкового знака // ФН. 1971. № 5.
- Мельников 1978 – *Г.П. Мельников*. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
- Мельчук 1974 – *И.А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мень 1993 – *А. Мень*. История религии. Т. 1–7. М., 1993. Т. 6.
- Мухин 1962 – *А.М. Мухин*. Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы // ВЯ. 1962. № 5.
- Немченко 1998 – *В.Н. Немченко*. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Нижний Новгород, 1998.
- Никитин 1988 – *М.В. Никитин*. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Никитин 2005 – *М.В. Никитин*. Полисемия на пределе (широкозначность) // Язык. Человек. Общество. СПб.; Владимир, 2005.
- Николаева 1997 – *Т.М. Николаева*. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.
- Новиков 1982 – *Л.А. Новиков*. Семантика русского языка. М., 1982.
- Новиков 1987 – *Л.А. Новиков*. Значение как эстетическая категория языка // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах: Виноградовские чтения XIV–XV. М., 1987.

- НОСС 1999 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. 2-е изд. М., 1999.
- НОСС 2000 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000.
- Овсяннико-Куликовский 1912 – Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Ожегов 2007 – С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 2007.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 1994 – Н.В. Перцов. Лингвистические заметки о поэме А.С. Пушкина «Домик в Коломне» // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М., 1994.
- Перцов 1996 – Н.В. Перцов. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике. М., 1996.
- Перцов 2001 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Перцова 1988 – Н.Н. Перцова. Формализация толкования слова. М., 1988.
- Пешковский 1935 – А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935.
- Пиккио 2003 – Р. Пиккио. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
- Пименова М.Вас. 2007 – М.Вас. Пименова. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
- Пименова М.Вас. 2009 – М.Вас. Пименова. Слово-концепт *красота* и русская ментальность // Ментальность и изменяющийся мир: К 75-летию В.В. Колесова. Севастополь, 2009.
- Пименова М.Вл. 2007 – М.Вл. Пименова. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ. Кемерово, 2007.
- Плоткин, Гросул 1982 – В.Я. Плоткин, Л.Я. Гросул. Широкозначность как лексико-грамматическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
- Плунгян, Рахилина 2000 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Поливанов 1934 – Е.Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934.
- Попова, Стернин 2007 – З.Д. Попова, И.А. Стернин. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
- Потебня 1899/1968 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
- Потебня 1914 – А.А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
- Радутная 1988 – О.А. Радутная. Пространственно-временной синкретизм и его выражение в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
- Рахилина 2000 – Е.В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Ребер 2000 – А. Ребер. Большой толковый психологический словарь: В 2 т. М., 2000. Т. 2.
- Савицкий 2006 – В.М. Савицкий. Основы общей теории идиоматики. М., 2006.
- Склярская 2004 – Г.Н. Склярская. Метафора в системе языка. 2-е изд. СПб., 2004.
- Смирнова 1976 – О.И. Смирнова. Проблема энантиосемии в исторической лексикологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
- Степанов 1995 – Ю.С. Степанов. «Слова». «Понятия». «Вещи». К новому синтезу в науке о культуре // Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Степанов 1997 – Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Тарланов 2005 – З.К. Тарланов. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск, 2005.
- Телия 1986 – В.Н. Телия. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Толстой 1966 – Н.И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ. 1966. № 5.
- Трубачев 1976 – О.Н. Трубачев. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Трубачев 2003 – О.Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003.

- Ульманн 1970 – С. Ульманн. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Урысон 1997 – Е.В. Урысон. Несостоявшаяся полисемия (типы толкований с союзом 'или') // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Урысон 2003 – Е.В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
- Феоктистова 1984 – Н.В. Феоктистова. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984.
- Филипенко 2000 – М.В. Филипенко. Проблемы описания предлогов в современном русском языке // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Фортунатов 1891–92/1956 – Ф.Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Общий курс // Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. М., 1956.
- ФСРЯ 1987 – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1987.
- Фурашов 1974 – В.И. Фурашов. Проблема второстепенных членов предложения и синтаксическая парадигматика // ВЯ. 1974. № 3.
- Фурашов 1984 – В.И. Фурашов. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984.
- Фурашов 2004 – В.И. Фурашов. О синкретизме и смежных явлениях // Грамматические категории и единицы. Владимир, 2004.
- Химик 2004 – В.В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Чернейко 1997 – Л.О. Чернейко. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чесноков 1967 – П.В. Чесноков. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.
- Чесноков 2001 – П.В. Чесноков. Явление синкретизма в русском языке // Проблемы лингвистической семантики. Вып. 2. Череповец, 2001.
- Чесноков 2007 – П.В. Чесноков. Существует ли нулевой знак? // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 2007.
- Чеснокова 1996 – Л.Д. Чеснокова. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. Таганрог, 1996.
- Чинчлей 1975 – Г.С. Чинчлей. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры (морфема, монема, темема). Кишинев, 1975.
- Шанский 1972 – Н.М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
- Шаховский 1987 – В.И. Шаховский. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шмелев 1964 – Д.Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев 1973 – Д.Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
- Шмелев 1977 – Д.Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
- Щерба 1957 – Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- ЭССЯ – Этимологический словарь русского языка: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 12. М., 1985.
- Якубинский 1953 – Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005.
- Baerman et al. 2007 – M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds.). Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007.
- Bally 1932/1955 – Ch. Bally. Linguistique générale et linguistique française. Paris, 1932 (Русский перевод: Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.)
- Benveniste 1966/2010 – E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966 (Русский перевод: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 2010.)
- Hjelmslev 1943/1960 – L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. København, 1943. (Русский перевод: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.)
- Hjelmslev 1958/1962 – L. Hjelmslev. Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure? // Proceedings of the Eighth international congress of linguists. Oslo, 1958. (Русский перевод: Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.)

- Jakobson 1936/1985 – R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // Travaux du Cercle linguistique de Prague (TCLP). VI. Praha, 1936. (Русский перевод: Р. Якобсон. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.)
- Jakobson 1939/1985 – R. Jakobson. Signe zéro // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 1939. (Русский перевод: Р. Якобсон. Нулевой знак // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.)
- Jespersen 1924/1958 – O. Jespersen. The philosophy of grammar. Copenhagen, 1924. (Русский перевод: О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958.)
- Karcevskij 1929/1965 – S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // TCLP. I. Praha, 1929. (Русский перевод: С.О. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.)
- Mahmoudian 1982/1985 – M. Mahmoudian. La linguistique. Paris, 1982. (Русский перевод: М. Мамудян. Лингвистика. М., 1985.)
- Martinet 1968/1969 – A. Martinet. Neutralisation et syncrétisme // La linguistique: Revue internationale de linguistique générale. 1968. № 1. (Русский перевод: А. Мартине. Нейтрализация и синкретизм // ВЯ. 1969. № 2.)
- Müller et al. 2004 – G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonun (eds.). Explorations in nominal inflection. Berlin, 2004.
- Saussure 1931/1977 – F. de Saussure. Cours de linguistique générale. 3-e éd. Paris, 1931. (Русский перевод: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.)
- Skalička 1935/1967 – V. Skalička. Asymetrický dualismus jazykových jednotek // Naše řeč. XIX. Praha, 1935. (Русский перевод: В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.)
- Stump 2001 – G.T. Stump. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001.
- Trubetzkoy 1937/1987 – N.S. Trubetzkoy. Gedanken über die slovakische Deklination // Sborník Matice Slovenskej. XV. Praha, 1937. (Русский перевод: Н.С. Трубецкой. Мысли о словацком склонении // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987.)

Сведения об авторе:

Марина Васильевна Пименова
 Владимирский государственный
 гуманитарный университет
 pimenova-vgpu@yandex.ru

© 2011 г. Е.А. ПШЕХОТСКАЯ

ГРАММАТИКА РУССКОГО АППЛИКАТИВА

В работе исследуется ряд семантико-синтаксических свойств русских конструкций с косвенным дативным дополнением, не субкатегоризованным глаголом (конструкции с аппликативом). Конструкции анализируются с точки зрения взаиморасположения глагольных аргументов в иерархически организованной синтаксической структуре (рассматриваются свидетельства связывания, эффект превосходства, сфера действия кванторов и прочее) и с точки зрения их семантических свойств (отношения посессивности между аргументами). Обнаруживается противопоставление применных и приглагольных аппликативов, являющееся критическим для представленного анализа и для существующих теорий аппликативизации.

ВВЕДЕНИЕ

Грамматические свойства косвенного дативного дополнения глагола в языках мира – одна из наиболее противоречивых и слабо изученных в литературе областей семантики и синтаксиса. С одной стороны, понятие трехместного глагола, непосредственно связанного с одним из видов конструкций с косвенным дативом, известно еще со времен классических грамматик. С другой стороны, межъязыковое разнообразие семантико-синтаксических свойств конструкций с косвенным дативом до сих пор не позволяет исследователям создать общую объяснительную теорию дативного дополнения.

На сегодняшний день мы обладаем довольно обширными знаниями о семантических свойствах конструкций с дативным дополнением. К примеру, хорошо изучена семантика специфических отношений между прямым дополнением и косвенным дативом, возникающих, например, в русском языке. Так, в работах А.Е. Кибрика [Кибрик 2000] представлен функционально-ориентированный взгляд на семантику обладания, засвидетельствованную в так называемых конструкциях с внешним посессором, ср. (1):

- (1) а. Он поцеловал ей руку / у нее руку¹ [Кибрик 2000].
б. Он поцеловал ее в губы.
- (2) а. После представления Капур встал за кулисами на колени перед клоуном и поцеловал ему руку.
б. Таня поцеловала Василису в темечко, покрытое черным платком.

В работах Кибрика и его соавторов [Кибрик 2003: 307; 2000; Кибрик и др. 2004; Брыкина 2005], а также в [Апресян 1995] предполагается, что в (1) «происходит расщепление исходной семантической валентности предиката, заполненной генитивной группой». В основе обеих конструкций лежит абстрактное отношение когнитивной сопряженности, связывающее два концепта онтологически (по природе вещей) или ситуационно (в конкретной актуализованной ситуации). Экстрапонированный посессор при этом выражается дативом или локативной предложной группой, ср. (1а). Доступность синтаксических альтернатив, подобных (1), предполагают авторы, целиком управляет-

¹ Основной источник примеров в этой статье – Национальный корпус русского языка. Исключения составляют отрицательные языковые данные, а также примеры, приводимые в литературе. Некоторые примеры были адаптированы, исходя из соображений экономии.

ся степенью когнитивной сопряженности, имеющейся между посессором и посессумом (*дом с крышей, девочка с косичками, поцеловать Машу в руку* и др.).

Само апеллирование исследователей к таким понятиям, как «природа вещей» и «актуализованная ситуация» говорит о том, что правила, по которым интерпретируются русские конструкции с посессором, основаны на онтологических связях между объектами внешнего мира (часть тела, принадлежность, собственность и т. д.), или, в терминах ряда работ по лексической семантике [Grimshaw 1990; 1993; Jackendoff 1990; Levin, Rappaport Hovav 1998; 2003; 2005; Ramchand 2003; 2008], на энциклопедических знаниях.

Кроме этого, исследования последних трех десятилетий позволили объяснить значительное количество семантико-синтаксических свойств конструкций с дативным дополнением. Так, одна из возможных семантико-прагматических типологий этих конструкций представлена в [Рахилина 1982]. Эта работа посвящена отношению принадлежности и способам его выражения в русском языке. Автор показывает, что способ оформления факультативного участника ситуации может зависеть от глагольной лексики и фиксируется в словаре. Далее в результате изучения грамматических ограничений на эту конструкцию выделяется четыре класса глаголов, не допускающих дательный посессивный: глаголы психической каузации, адресации, восприятия и приобретения. Этот труд, несомненно, находится в том же ряду исследований, что и следующая за ним впечатляющая по масштабу лексико-типологическая монография [Levin 1993] (раздел «Object Alternations»), а также исследования творческого коллектива проекта «Лексикограф» [Кустова и др. 1993; Падучева, Розина 1993; Кустова, Падучева 1994; Падучева 2002; 2004], в которых содержатся важнейшие обобщения о семантике и синтаксисе глагола и глагольной группы в русском языке.

Имеющееся многообразие наблюдений над семантико-синтаксическими свойствами конструкций с дативным дополнением позволяют сформулировать новые вопросы, находящиеся на следующем уровне теоретической абстракции. Существует ли общая синтаксическая позиция для косвенного датива в языках мира? Если нет, то каковы ограничения на межъязыковое варьирование в этом отношении? Является ли синтаксическая позиция косвенного датива постоянной (одинаковой во всех предложениях) в рамках одного языка (например, русского)? И если нет – как объяснить соответствующую вариативность в синтаксических и/или формально-семантических терминах? Этим вопросам посвящена настоящая статья.

Дальнейшее обсуждение будет основано на последовательном разделении субкатегоризованного датива (участника ситуации, существование которого предполагается семантикой ситуации, обозначаемой глаголом; например, *дать, послать, сказать* в значении не ‘произнести’, а ‘адресовать высказывание’) и несубкатегоризованного (факультативного с точки зрения семантики ситуации: *построить, сварить, разрушить*). Как следствие, несубкатегоризованный датив не является обязательным актантом в конкретной предикации. При этом, как правило², субкатегоризованный датив является обязательным актантом.

Первый тип дативного дополнения будем называть (собственно) **дативом**, а соответствующие предложения – **дативными конструкциями**. Второй тип дативного дополнения будем называть **апликативом**, а соответствующие предложения – **апликативной конструкцией**.

Следующие примеры иллюстрируют различия между дативом и апликативом.

- (3) а. Электронное письмо за пару секунд приходит в другое полушарие, Web-камера мгновенно *покажет жителю Москвы обстановку* на оживленном лондонском перекрестке.
(Датив)

² Исключения составляют предложения, в которых эти аргументы опускаются по прагматическим причинам («дискурсивные нули»). Пример анонимного рецензента – *Он ничего не сказал (ей)*.

- б. Он – материализованное отражение мечты В.П. Грошева «*дать ребятам профессиональное образование и развить их художественный вкус и способности до уровня, позволяющего создавать настоящие произведения искусства*». (Датив)
- (4) а. *Иван показал достопримечательности.
б. *Иван дал книгу.
- (5) а. Он страдает, когда Таисия делает то, что обязан делать мужчина. Он наслаждается, выгребая в ее доме золу из печки. *Вскопал ей грядки* – и радость была полная, счастье было! (Аппликатив)
б. *Руки гостям моет* официантка-узбечка. (Аппликатив)

В этой работе будет выявлен набор семанτικο-синтаксических свойств, характеризующий глаголы, допускающие и не допускающие аппликатив, а также на основе сравнения аппликативной и дативной конструкции будет предложен анализ глагольной группы для конструкций обоих типов.

Во втором разделе статьи обсуждается типологически ориентированная теория аппликатива Л. Пюльккянен и ее применимость к русскому языку. В третьем разделе обобщения Пюльккянен будут переформулированы с учетом данных русского языка, а также будет представлен анализ семанτικο-синтаксических свойств двух типов русских аппликативных конструкций – приименного и приглагольного аппликатива. В заключении будут суммированы основные результаты и выводы.

1. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: АППЛИКАТИВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Масштабное исследование аппликативизации глагольной основы в типологической перспективе предпринимается в работе [Pylkkänen 2002; 2008]. Л. Пюльккянен подразделяет аппликативные аргументы в языках мира на два типа в зависимости от их синтаксической позиции: «высокие» (*high applicatives*), вводимые специальной функциональной вершиной Appl, присоединяющей глагольную группу VP, и «низкие» (*low applicatives*), для которых Appl располагается внутри глагольной группы и присоединяет прямое дополнение. Рассмотрим два типа аппликативных аргументов на примерах из языка чага (высокий аппликатив, из [Bresnan, Moshi 1993: 49–50], цит. по [Pylkkänen 2000: 404]) и из английского языка (низкий аппликатив).

- (6) а. N-ã-ĩ-lyi-i-à;   mĩkà   kélyá.
FOC-3SG-PRES-есть-APPL-FV   жена   еда
'Он ест [еду] своей жене (=для своей жены)'
б. Pete ploughed him the field.
'Пит вспахал ему поле'

Важное отличие между примерами (6а) и (6б) состоит в том, что в последнем, но не в первом предполагается наличие отношения обладания между дативным участником и объектом: в (6б) имеется пресуппозиция 'поле принадлежит ему (дативному участнику)', при этом пресуппозиция 'еда принадлежит жене' в (6а) отсутствует.

Автор предлагает объяснение этих фактов в терминах структуры события.

1.1. АППЛИКАТИВ И СТРУКТУРА СОБЫТИЯ

В формальной семантике при описании значения предложения традиционно используются переменные и константы определенных типов [Montague 1970; 1973; Partee 1976] – индивиды (тип *e* от *entity* 'сущность'), истинностные значения (тип *t* от *truth values* 'истинностные значения'), временные интервалы (тип *i* от *intervals* 'интервалы') и интенциональные миры (тип *w* от *worlds* 'мир'). Д. Давидсон [Davidson 1967] впервые предложил использовать дополнительный тип сущностей *s* (от *situation* 'ситуация') для

обозначения ситуаций, или **событий**³, – таких же, с точки зрения исследователя, далее не разложимых и ни к чему не сводимых сущностей, как, скажем, индивид или истинностное значение. Тогда все предикаты получают дополнительный аргумент – событие, а все сирконстанты выражаются двухместными предикатами, которые присоединяются при помощи конъюнкции. Таким образом, формализация значения («логическая форма», по Давидсону) предложения *Вася ест бутерброд вечером на кухне* выглядит следующим образом:

(7) $\exists e[\text{есть}(e)(\text{Вася})(\text{бутерброд}) \wedge \text{где}(e)(\text{кухня}) \wedge \text{когда}(e)(\text{вечером})]$

Последователи Давидсона ([Castañeda 1967; Parsons 1990] и др.) предложили учесть в этой системе разнообразие тематических ролей, лексикализуемых глаголом. Было предложено сделать все «смысловые» глагольные предикаты одноместными (теперь они просто свойства событий), а глагольные актаны и сирконстанты вводить отдельными конъюнктами.

(8) $\exists e[\text{есть}(e) \wedge \text{агенси}(e)(\text{Вася}) \wedge \text{тема}(e)(\text{бутерброд}) \wedge \text{где}(e)(\text{кухня}) \wedge \text{когда}(e)(\text{вечером})]$

Таким образом, различия между актантами и сирконстантами в этом представлении исчезли. Позднее в работах А. Кратцер [Kratzer 1994; 1996] будет предложен «третий путь» – совместить обе логические традиции и благодаря этому отличать лексические аргументы глагола (те, которые специфицированы в словарном входе глагольной основы) и нелексические – те, которые возникают в результате семантически-синтаксических преобразований. В качестве прототипического примера нелексического аргумента Кратцер приводит внешний аргумент (субъект) глагола. С учетом гипотез Кратцер получаем следующую логическую форму:

(9) $\exists e[\text{есть}(e)(\text{бутерброд}) \wedge \text{агенси}(e)(\text{Вася}) \wedge \text{где}(e)(\text{кухня}) \wedge \text{когда}(e)(\text{вечером})]$

Одно из важных следствий обобщений Кратцер состоит в том, что нелексические аргументы принципиально не могут напрямую находиться в каких бы то ни было семантических отношениях с другими аргументами предложения: как видно из (9), нелексические аргументы и сирконстанты находятся только в отношениях (тематических и нетематических соответственно) с событийным аргументом. Все лексические аргументы, напротив, связаны между собой глагольным предикатом.

Теперь вернемся к (6). Опираясь на обобщения Кратцер, Пюльккянен предлагает анализировать датив в (6б) как лексический аргумент. Именно из-за того, что в английском языке возникает «прямое» семантическое отношение между аргументами (т. е. такое, которое не вовлекает событийный аргумент), необходимо допустить, что дативный участник в (6б) является аргументом глагольного предиката наряду с прямым дополнением *field* ‘поле’.

В (6а), напротив, отсутствуют прямые семантические отношения между аргументами, и, чтобы формализовать типологическое отличие языков типа английского и чага, Пюльккянен предлагает считать датив в (6а) нелексическим.

Эти семантические рассуждения, считает исследовательница, имеют прямые следствия для синтаксиса. Для установления прямого семантического отношения между дативом и темой необходимо, чтобы обе именные группы были расположены максимально локально. В этом случае аппликативный аргумент располагается внутри VP – фразовой категории, содержащей все лексические аргументы.

³ Было бы, конечно, логично использовать слово *event* ‘событие’ и, следовательно, сам тип обозначать *e*. Однако исторически это обозначение было прочно занято индивидами. Путаница до сих пор усугубляется тем, что для обозначения событий обычно используются переменные с обозначением *e*, *e*₁, *e*₂, *e*₃, за которым стоит как раз слово *event*. Чтобы разрешить возможную неоднозначность, названия переменных далее набираются курсивом, а их типы – прямым шрифтом.

Если аппликативный аргумент является нелексическим и вводится при помощи тематического отношения с событийным аргументом, используется дополнительная вершина Appl, которая вводит аппликативный аргумент по семантическому механизму введения нелексических аргументов, предложенных Кратцер. Вершина Appl занимает позицию над VP. Позиционные различия между аппликативными аргументами двух типов как раз и позволяют использовать для аппликативов эпитеты «низкий» (для английского языка) и «высокий» (для чага). Ср. следующие структуры, иллюстрирующие эту идею.

- (10) а. [_{VP} pro [_V ∅ [_{APPL} kà [_{APPL} í [_{VP} lyi élyá]]]]] (чага)
жене APPL ест еду
‘Он ест [еду] своей жене (=для своей жены)’
б. [_{VP} Pete [_V ∅ [_{VP} ploughed [_{APPL} him [_{APPL} ∅ [_{DP} the field]]]]]]] (английский)
Пит вскопал ему APPL поле
‘Пит вскопал ему поле’

Таким образом, в системе Пюльккянен тип аппликативного аргумента (низкий или высокий) – параметр межъязыкового варьирования. В ряде языков банту (чага, луганда) и в албанском засвидетельствованы только высокие аппликативы, в то время как в английском (а также в японском и корейском) – только низкие. Для определения позиции аппликативной вершины и, следовательно, типа аппликатива в заданном языке исследовательница использует два важных обобщения, которые обсуждаются в следующих разделах.

Дальнейшее развитие противопоставления высоких и низких аппликативов привело к созданию нескольких синтаксических систем, среди которых, например, межъязыковое исследование [Georgala et al. 2008]. Авторы работы считают, что в языках мира следует различать тематические и эксплетивные аппликативные вершины. Тематический аппликатив – функциональная вершина Appl над VP, которая вводит полноценный аппликативный аргумент и соответствует, таким образом, высоким аппликативам в системе Пюльккянен. Эксплетивный аппликатив – такая же функциональная вершина Appl над VP, но при этом она не вводит аппликативный аргумент, но притягивает аппликативный аргумент из позиции Spec VP. Предложенный авторами подход позволяет решить ряд синтаксических проблем: например, объяснить факт присваивания одного и того же (в типологической перспективе) падежа низким и высоким аппликативам. Примечательно, что в результате передвижения аппликативный аргумент в языках с тематическим (высоким) и эксплетивным (низким) аппликативом в итоге оказывается в одной и той же позиции.

1.2. АППЛИКАТИВ И ПЕРЕХОДНОСТЬ

Вернемся к примерам (6а, б). В отличие от чага, английское предложение (6б) предполагает посессивную связь между прямым дополнением и аппликативом: если Пит необходимым образом вспахал поле, принадлежащее аппликативному участнику («ему»), то в (6а) поглощаемая агенсом еда не обязательно принадлежит его жене – в (6а) скорее утверждается, что ситуация поглощения еды происходит в интересах жены, для ее удовлетворения.

Обнаружить подобные отличия можно и формально: если предложение предполагает отношение обладания между прямым и аппликативным дополнением, такое прямое дополнение не может быть модифицировано притяжательным местоимением, кореферентным другому участнику (не аппликативу). В этом отношении можно использовать тест с русским рефлексивом *свой*, который в своих синтаксических употреблениях связывается исключительно подлежащим:

- (11) Петр_i вспахал Ивану_j *сво_i поле.

В данном случае предложение не является грамматичным потому, что предпринимается попытка установить посессивное отношение между *полем* и подлежащим (ко-

референтным местоимению *свое*), в то время как семантика предложения предполагает такую связь между *полем* и *Иваном*.

Таким образом, если вершина Appl низкого аппликativa в (6б), показывает Пюльккянен, вводит семантическое отношение между индивидами (отношение обладания), то вершина высокого аппликativa в (6а) вводит отношение между индивидом и событием. Это означает, что для низкого аппликativa необходим индивид, вводимый внутренним аргументом (прямым дополнением), а для высокого аппликativa – нет. Из сказанного следует, что низкие аппликативы совместимы только с переходными глаголами, а высокие – теоретически с любыми.

Поскольку Пюльккянен предполагает, что в языке может быть представлен только один тип аппликативной вершины – высокий или низкий, – она использует переходность как критерий для определения типа этой вершины в произвольном языке.

(12) ОБОБЩЕНИЕ О ПЕРЕХОДНОСТИ:

Если в данном языке непереходные агентивные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликativa, в противном случае – низкий.

Пюльккянен предполагает, что семантика конструкций с низким аппликativом отличается от семантики трехместных глаголов – по крайней мере, от наиболее общепринятой версии анализа трехместных глаголов, так называемого их каузативного анализа [Guéron 1985; Hoekstra 1988; Harley 2000]. Гипотеза, лежащая в его основе, состоит в том, что трехместные глаголы реализуют каузативное отношение между внешним аргументом и малой клаузой '[цель] имеет [тему]'. Иными словами, предложение (13а) означает (13б).

- (13) а. Иван дал Маше книгу.
б. Иван КАУЗИРУЕТ [Машу ИМЕТЬ книгу]

Заметим, что для целого ряда аппликативных конструкций каузативный анализ оказывается затруднительным. К примеру, в отличие от (14а), английское предложение (14б) непротиворечиво:

- (14) а. *John gave Mary a book but she never got it.
'Джон дал Мэри книгу, но она так и не получила ее'
б. John wrote Mary a letter but she never got it.
'Джон написал Мэри письмо, но она так и не получила его'

Это означает, что ни английский глагол *write* 'писать', ни сама аппликативная конструкция в структуре предложения (14б) не имплицитно подразумевают наступление каузируемого состояния [Мэри ИМЕТЬ письмо]. Пюльккянен предлагает для низкой вершины Appl другой анализ, а именно – представленный в (15).

- (15) $[[\text{Appl}_{\text{low}}]] = \lambda x. \lambda y. \lambda f_{\langle e, \langle s, t \rangle \rangle}. \lambda e. [f(e)(x) \wedge \text{Theme}(e)(x) \wedge \text{To-the-possession}(x)(y)]$

Таким образом, низкая аппликативная вершина вводит тематическое отношение для внутреннего аргумента и устанавливает отношение обладания между внутренним и аппликативным аргументом. Для высокой аппликативной вершины предлагается интерпретация, аналогичная интерпретации кратцеровой вершины *v*, соотносящей индивид и событие.

- (16) $[[\text{Appl}_{\text{high}}]] = \lambda x. \lambda e. \text{APPL}(e)(x)$

Тематическое отношение APPL, вводимое этой вершиной, является обобщением над кластером тематических отношений, засвидетельствованных в языках мира с высокими аппликативами: бенефактивный / малефактивный аппликатив APPL_{BEN} , инструментальный аппликатив $\text{APPL}_{\text{INSTR}}$, локативный аппликатив APPL_{LOC} и др.

Следует отметить, что русский материал в отношении обобщения (12) и рассуждений о семантике обладания ведет себя, на первый взгляд, непоследовательно. С одной стороны, засвидетельствованное в (11) отношение обладания между объектом и аппликативным актантом, а также несочетаемость русских непереходных агентивных глаголов с аппликативным актантом в (17) заставляют предположить, что русский язык относится к языкам с низким типом аппликативной вершины – как и английский.

- (17) а. ?Иван нагадил Петру.
б. *Иван плюнул Петру.
в. *Иван смеется Петру.
г. *Иван постучал Петру.

С другой стороны, следующие группы примеров отчетливо демонстрируют, что, во-первых, отношение обладания между аппликативом и объектом возникает не всегда – ср. (18), – а во-вторых, в некоторых конструкциях непереходные агентивные глаголы вполне сочетаются с аппликативным аргументом – ср. (19).

- (18) а. Иван_i разлил Маше (свои_i) чернила на платье.
б. Они_i подбросили (свою_i) мину во двор следователю.
в. Мы_i принесли ему (свои_i) дары.
г. Магнаты_i гостеприимно открыли ему (свои_i) двери.
- (19) а. У них по дружбе полагается нагадить друг другу на огороде.
б. Саггети прицельно плюнул ему на ботинок.
в. Она смеется ему в лицо.
г. Рудольф постучал сй в дверь.

Таким образом, русский материал в данном случае демонстрирует, что презумпция о том, что в языке может быть представлен только один тип аппликативной вершины, неверна.

1.3. АППЛИКАТИВ И СТАТИВНОСТЬ

Второе важное обобщение, используемое Пюльккянен при определении типа аппликативной вершины, касается определенных свойств семантики глагольной вершины.

(20) ОБОБЩЕНИЕ О ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ:

Если в данном языке стативные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликатива, в противном случае – низкий.

Как указывает Пюльккянен, семантика низкого аппликатива всегда предполагает изменение в отношении обладания между объектом и аппликативом. Это означает, что стативные глаголы (даже переходные) типа *содержать, предпочитать, знать, осознавать, видеть, заслуживать, иметь, обозначать, понимать* и другие не сочетаются с низким аппликативом. Действительно, русские примеры в (21) неграмматичны, как и их английские эквиваленты.

- (21) а. *Иван видит Маше городские достопримечательности.
б. *Иван хорошо понимает учителю математику.
в. *Коробка содержала Ивану новую книгу о Гарри Поттере.
г. *Иван имеет Маше много денег.

Пюльккянен полагает, что обобщения (12) и (20) коррелируют между собой, и эту корреляцию подтверждают данные, как минимум, английского, японского и корейского языков (низкий аппликатив) и луганды, венды и албанского (высокий аппликатив). Ср. следующие примеры из [Pylkkänen 2008: 20–21]:

- (22) а. *Непереходный агентив* (японский, низкий аппликатив)
 *Taroо-ga Hanako-ni hasit-ta.
 Таро-НОМ Ханакo-DAT бежать-PAST
 'Таро убежал от Ханакo'
 б. *Статив*
 *Taroо-ga Hanako-ni kanojo-no kaban-o mot-ta.
 Таро-NOM Ханакo-DAT она-GEN сумка-ACC держать-PAST
 'Таро подержал Ханакo ее сумку'
- (23) а. *Непереходный агентив* (албанский, высокий аппликатив)
 I vgarova.
 он.DAT.CL бегать.1SG
 'Я для него побегал'
 б. *Статив*
 Agimi i mban Drites çanten time.
 Агим.NOM CL держит Дрита.DAT сумка.ACC мой
 'Агим держит мою сумку для Дриты'

Русский язык не подтверждает гипотезу об этой корреляции уже потому, что противоречивые данные в (17–19) вообще не позволяют отнести его к языку с определенным типом аппликативной вершины. Тем не менее, в отношении обсуждаемого обобщения (20) русский язык ведет себя как язык с низкой аппликативной вершиной.

Существует еще одна диагностика, позволяющая определить тип аппликативной вершины в данном языке, ее обсуждение представлено в следующем разделе.

1.4. АППЛИКАТИВ И ВТОРИЧНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ

Третье и последнее типологическое обобщение Пюльккянен основывается на наблюдении над сочетаемостью аппликатива с вторичной предикацией. Обратимся к двум группам примеров из [Pylkkänen 2008: 40–41].

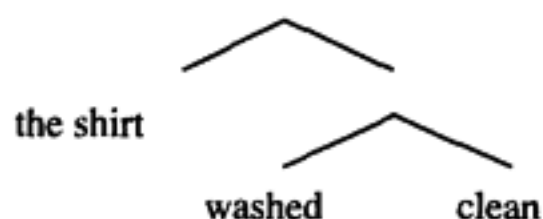
- (24) а. *Аппликатив* (английский, низкий аппликатив)
 He painted me this flower.
 'Он раскрасил мне этот цветок'
 б. *Вторичная предикация*
 He painted this flower blue.
 'Он раскрасил этот цветок синим'
 в. (а) + (б)
 *He painted me this flower blue.
 'Он раскрасил мне этот цветок синим'
- (25) а. *Аппликатив* (луганда, высокий аппликатив)
 Mukasa ya-siig-i-dde Katonga ekisenge.
 Мукаса 3SG.PAST-красить-APPL-PAST Катонга стену
 'Мукаса покрасил Катонге стену'
 б. *Вторичная предикация*
 Mukasa ya-siize ekisenge bulu.
 Мукаса 3SG.PAST-красить.PAST стену синий
 'Мукаса покрасил стену в синий цвет'
 в. (а) + (б)
 Mukasa ya-siig-i-dde Katonga ekisenge bulu.
 Мукаса 3SG.PAST-красить-APPL-PAST Катонга стену синий
 'Мукаса покрасил Катонге стену в синий цвет'

Прежде всего, автор сравнивает две конкурирующие теории вторичной предикации: анализа вторичной предикации как сложного предиката [Marantz 1989; Embick 2004] и малой клаузы [Hoekstra 1988; Kratzer 2005]. На примере английского предложения

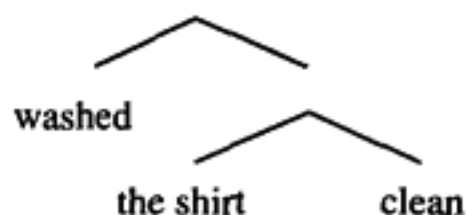

(John) washed the shirt clean ‘(Джон) выстирал рубашку дочиста’ можно проиллюстрировать структурные различия между двумя подходами.

(26) Сложный предикат

(27) Малая клауза

В случае (26) прилагательное, характеризующее результирующее состояние объекта, присоединяется непосредственно к глагольной вершине, формируя единый, «сложный» предикат. Семантический тип этого предиката не отличается от семантического типа обычного глагола, и таким образом прямое дополнение присоединяется к новому комплексу, как если бы оно присоединялось к глагольной вершине. В таком случае нет никаких препятствий для вставления вершины Appl в (26) между [washed clean] и [the shirt] и введения низкого аппликативного аргумента. Однако подобная деривация ведет к неграмматичному (24в).

В случае анализа вторичной предикации как малой клаузы в (27) появляется возможность объяснить запрет на сочетание низкого аппликатива и вторичной предикации. В анализе вторичной предикации как малой клаузы прямое дополнение является сестрой вторичного предиката и интерпретируется как аргумент этого предиката: $\lambda x.\text{clean}(x)$ [the shirt] = clean(the shirt). Теперь если в глагольной группе *washed the shirt clean* будет введена вершина Appl, она не сможет соотнести вводимый ею аппликативный аргумент и прямое дополнение – последнее уже «спрятано» в предикацию clean(the shirt), являющуюся интерпретацией малой клаузы.

Таким образом, с точки зрения обсуждаемого параметра русский язык, по-видимому, следует отнести скорее к языкам с высоким аппликативом, ср. следующие примеры:

- (28) а. Мария вернула мне книгу; испорченной;
 б. Прошу вас, сохраните ему сердце; здоровым;
 в. «Сделай клоуну лицо; веселым;», – попросил он меня.

2. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКИХ АППЛИКАТИВОВ

Суммируем типологические параметры, которые позволяют охарактеризовать тип аппликативной вершины относительно русского материала, представленного в предыдущем разделе.

Серым цветом в таблице 1 обозначена зона значений параметров, которую покрывают данные русского языка. Как описано в предыдущем разделе, эти данные не позволяют дать однозначный ответ на вопросы о сочетаемости аппликатива с непереходными агентивными глаголами и о наличии или отсутствии специфических семантических отношений, имплицитруемых аппликативной конструкцией. Эти два параметра разбивают множество предложений, в которых допустим аппликатив, на два класса, дистрибуция которых требует объяснения. Поэтому именно эти два параметра будут внимательно рассмотрены в следующих разделах.

Типологические параметры аппликативной вершины и данные русского языка

Параметр	Высокий аппликатив	Низкий аппликатив
Сочетание с непереходными агентивными глаголами	Да	Нет
Отсутствие «прямых» семантических отношений с прямым дополнением (например, посесивность)	Да	Нет
Сочетание со стативами	Да	Нет
Вторичная предикация	Да	Нет

2.1. Исходные допущения

Диссертация и последовавшая за ней монография Л. Пюльккянен [Pylkkänen 2002; 2008] до сих пор считаются наиболее авторитетной формальной теорией аппликативных конструкций. Важнейшее ее преимущество в ряду формально-лингвистических теорий вообще и среди конкретных альтернативных анализов в частности – ее типологическая мотивированность. Тем не менее, именно проблематичность ее типологических обобщений на материале различных (в том числе рассмотренных автором) языков довольно широко отмечается в литературе.

Одним из важных пунктов критики можно назвать отсутствие строгой типологической параметризации языков с точки зрения типа аппликативной вершины. Так, в [Landau 1999] представлены опровергающие данные из иврита, в [Grashchenkov, Markman 2008; Пшехотская 2008], а также в настоящей статье – соответствующие данные из русского языка, в [Boneh, Nash 2010] – из французского. Во всех этих работах демонстрируется наличие обеих вершин в рамках грамматики одного языка.

Другая особенность предложенного анализа – слишком антиинтуитивное, по мнению некоторых исследователей, различие между высокой аппликативной вершиной, соотносящей индивид и событие, и низкой аппликативной вершиной, соотносящей два индивида. Альтернативные теории предполагают единообразную семантическую интерпретацию различных типов аппликативных конструкций, а все различия между ними стараются выводить из синтаксических манипуляций. К примеру, в [Boneh, Nash 2010] авторы полностью отказываются от понятия низкого аппликатива и предполагают, что «высокая» аппликативная вершина присоединяется к VP, vP или TP и позволяет, таким образом, получить три различные дативные конструкции, характерные для французского языка.

В ряде работ также обсуждаются семантические феномены, которые не были учтены в исходной версии теории Пюльккянен. Например, в работе [Bosse, Bruening 2010] обсуждаются данные албанского, немецкого языков и алгонкинского языка микмак, сопоставление которых обнаруживает семантическое различие между бенефактивным аппликативом (соответствующим «высокому» у Пюльккянен) и экспериенциальным аппликативом, который не имеет эквивалента в исходной теории.

В приведенном далее анализе будет предпринята попытка отказаться от предлагаемых Пюльккянен различий между высокими и низкими аппликативными вершинами. Будет показано, что семантико-синтаксические свойства вершины Appl в русском языке не в полной мере зависят от ее положения относительно VP. В обсуждаемом ниже подходе гораздо большее значение, чем противопоставление «высокий vs. низкий аппликатив», имеет оппозиция «приглагольный vs. приименной аппликатив», которая уже частично получила освещение в работе [Grashchenkov, Markman 2008].

2.2. Две аппликативные конструкции в русском языке

Нестандартное, с точки зрения существующей теории аппликативизации, поведение русских аппликативов (таблица 1) получает объяснение, если допустить, что в данном случае мы имеем дело с несколькими типами аппликативных конструкций. Вернемся к примерам, которые соответствуют первым двум строкам таблицы 1 – наличие посессивного отношения между прямым дополнением и аппликативом, ср. (29), и сочетаемость с непереходными агентивными глаголами, ср. (30). Аппликативный аргумент в (а)-примерах будем называть **приглагольным аппликативом**, или V-аппликативом, а аппликатив из (б)-примеров – **приименным**, или N-аппликативом.

- (29) а. Иван_i вспахал Маше (*свой_i) огород. (V-аппликатив)
б. Иван_i разлил Маше (свои_i) чернила на платье. (N-аппликатив)
(30) а. *Она смеется ему. (V-аппликатив)
б. Она смеется ему в лицо. (N-аппликатив)

Различие N- и V-аппликативов было недавно предложено П. Гращенко и В. Маркман [Grashchenkov, Markman 2008] в связи со следующими примерами⁴:

- (31) а. Дима [привел мне] лошадь. (приглагольный аппликатив)
б. Дима был [мне другом]. (приименной аппликатив)

Важнейшее допущение, принимаемое далее, состоит в том, что в отличие от (а)-примеров в (29)–(31), в (б)-примерах аппликативный аргумент образует с косвенным дополнением общую составляющую, что подтверждается, например, проявлением соответствующего «эффекта крысолова»⁵ при *wh*-передвижении:

- (32) а. [Кому на платье]_i Иван разлил чернила *t_i*? N-аппликатив
б. [Кому в лицо]_i она смеется *t_i*?
в. [Кому в комнате]_i он разбросал мусор *t_i*?
(33) а. ?? [Кому пять заданий]_i Иван выполнил *t_i*? V-аппликатив
б. ?? [Кому фаршированную горбушу]_i Борис приготовил *t_i*?

В N-аппликативах дативный аргумент исходно зависит от ИГ, обозначающей локативного участника, и определенным образом получает дательный падеж. Это и есть широко обсуждаемый в литературе подъем посессора. В V-аппликативах аппликативный аргумент образует общую составляющую с глаголом (а не с прямым дополнением, как предполагал бы анализ в духе подъема посессора). По этой причине, в частности, ожидается, что V-аппликативы будут иметь общие структурные свойства с трехместными глаголами (см. ниже).

Как демонстрирует (32в), именная группа, от которой зависит аппликатив, обязательно занимает аргументную позицию (вынесенные составляющие в (32), очевидно, адьюнкты).

Структурные различия между V-аппликативами и N-аппликативами имеют последствия и для интерпретации этих конструкций. Так, в N-аппликативах регулярным образом возникает отношение посессивности между аппликативом и локативным дополнением, что препятствует установлению посессивного отношения между аппликативным аргументом и прямым дополнением. При V-аппликативах отношение посессивности между аппликативом и прямым дополнением обусловлено экстралингвистическими факторами – ср. следующие примеры:

- (34) а. Вася перевязал Маше *свою рану.
б. Вася нарисовал Маше #свою картину / #свой портрет.

⁴ Скобки в (31) мои. – Е. П.

⁵ «Эффектом крысолова» (pied-piping effect) в синтаксисе называется наблюдаемая необходимость передвижения вершины составляющей при передвижении ее зависимого. Метафора подсказана сказкой братьев Grimm о Гаммельнском крысолове, который, уходя в реку, увел за собой из города и утопил всех крыс. Дополнительное обсуждение эффекта крысолова можно найти в [Тестелец 2001: 140].

В (34а) *рана* однозначно интерпретируется как рана, принадлежащая Маше. В (34б) прямое дополнение *картина / портрет* может интерпретироваться как нечто принадлежащее Васе как автору, а не владельцу (*свою картину*) или просто изображающее его (*свой портрет*).

Для того чтобы оставаться в пределах грамматики, образующееся пространство различных типов посессивных связей можно было бы попытаться классифицировать и обобщить в терминах глагольных лексических классов или в любых других грамматических терминах. Однако наблюдения из (35) не позволяют этого сделать.

- (35) а. Вася открыл Маше дверь.
б. Вася открыл Маше (*свой) глаз.
в. Вася поднял Маше шлагбаум.
г. Вася поднял Маше (?*свою*) сумку.

При одном и том же глаголе *открыть* в (35а,б) прямое дополнение *глаз* в (35б) связано отношением посессивности с аппликативным участником, а в (35а) не связано ни с одним из участников. В (35в) очевидной посессивной связи между шлагбаумом и Машей не возникает, а в (35г) может возникать посессивная связь между Машей и сумкой (хотя и необязательно).

Эти наблюдения означают, что возможность установления того или иного типа посессивной связи зависит не столько от глагольной семантики, сколько от экстралингвистических знаний о мире говорящего и слушающего. Это говорящий / слушающий знает, что шлагбаум, в отличие от сумки, в ситуации поднимания, скорее всего, не принадлежит аппликативному участнику женского пола, и в случае (35в) аппликативный участник является просто бенефициантом события, обозначаемого глагольной группой, но не посессором прямого дополнения. Это носитель языка, исходя из собственных знаний о мире, делает вывод о том, что *глаз* или *ухо* – часть тела Маши в (35б) и, следовательно, принадлежит ей, а *дверь* в (35а) не является частью Маши, значит (в этом случае), и не принадлежит ей. Экстралингвистическая природа посессивности в V-аппликативах представляется очевидной.

В N-аппликативах, как указывалось выше, посессивность возникает всегда. Это наблюдение получит объяснение в следующих разделах.

В отношении двух других параметров из таблицы 1 – сочетания со стативными глаголами и с вторичной предикацией – N-аппликативы и V-аппликативы не демонстрируют различий.

- (36) а. *Иван имсет Маше много денег.
б. *Иван имсет Маше в комнате много денег.
(37) а. Мария вернула мне книгу_i испорченной_i.
б. Мария положила мне на стол книгу_i испорченной_i.

В следующих двух разделах будет предложена формализация семантико-синтаксического анализа двух аппликативных конструкций.

2.3. V-аппликативы

Структура приглагольных аппликативов, как и русская трехместная предикация в целом, до сих пор остается предметом жарких дискуссий на страницах крупнейших синтаксических журналов. Основная проблема заключается в отсутствии убедительных свидетельств в пользу того или иного структурного приоритета между аккумулятивной и дативной ИГ. Исследователи разделились на два лагеря: сторонники гипотезы ACC > DAT [Larson 1988; Baker 1988; 1997; Bailyn, Rubin 1991; Bailyn 1995a; 1995b; 2010] и сторонники DAT > ACC [Franks 1995; Junghanns, Zybatow 1997; Pereltsvaig 2001; Dyakonova 2005; 2007; Pylkkänen 2002; 2008].

Рассмотрим (38) и (39) – два альтернативных анализа глагольной группы [*послал Маше письмо*].

(38) [TP *послал*_i [vP *t*_i [vP *Маше* [v' [v *t*_i] *письмо*]]]] DAT > ACC

(39) [TP *послал*_i [vP *t*_i [vP *письмо* [v' [v *t*_i] *Маше*]]]] ACC > DAT

Оба анализа предполагают «короткое» передвижение глагольной вершины $V \rightarrow v$ [Larson 1988; Bowers 1993; Bailyn 1995b; Adger 2003] и дальнейшее движение $v \rightarrow T$. Эти передвижения обеспечивают корректное линейное положение глагола. Кроме этого, оба анализа предполагают механизмы локального А-передвижения нижнего аргумента (аккузатива или датива в зависимости от теории) для получения альтернативного порядка слов (поскольку допускаются оба логически возможных взаиморасположения DAT и ACC при нейтральном порядке слов – *послать письмо Маше* и *послать Маше письмо*):

(38') [TP *послал*_i [vP *t*_i [FP *письмо*_k [vP *Маше* [v' *t*_i *t*_k]]]]]

(39') [TP *послал*_i [vP *t*_i [FP *Маше*_k [vP *письмо* [v' *t*_i *t*_k]]]]]

Гипотеза иерархии DAT > ACC и анализ (38) восходят к работе [Franks 1995], в которой автор предполагает, что в русском языке дательный падеж внутри VP назначается конфигурационно: он попросту всегда назначается аргументу, являющемуся сестрой V'.

Далее идея (38) была развита в обсуждавшихся выше исследованиях аппликативов, в том числе [Pylkkänen 2002; 2008]. Отличия от исходной идеи Фрэнкса можно считать техническими: Пюльккянен и ее последователи считают лишь, что дативный/ аппликативный аргумент проецируется отдельной функциональной вершиной Appl, которая тем не менее располагается в любом случае выше accusative аргумента.

В дальнейшем я буду исходить из того, что структурных различий между приглагольным аппликативом и собственно дативом нет (вопрос об обязательности этого аргумента лежит скорее в плоскости лексической семантики, нежели синтаксиса). Дискуссия о позиции русского дативного дополнения традиционно разворачивается вокруг трех групп свидетельств – связывание реципроков/кванторов, эффект превосходства, свойства сферы действия кванторов. В следующих разделах обсуждаются эти свидетельства в контексте двух конкурирующих подходов: анализа Перельцвайг–Дьяконовой [Pereltsvaig 2001; 2007; Dyakonova 2007], предполагающего приоритет DAT > ACC, и анализа Бейлина [Bailyn 1995b; 2010], предполагающего обратный порядок.

2.3.1. Свидетельства связывания

Обе гипотезы позволяют выработать непротиворечивое объяснение следующих фактов о связывании реципроков [Bailyn 2010].

(40)	а. Иван представил Петровых друг другу.	ACC-DAT
	б. Иван представил Петровым друг друга.	DAT-ACC
(41)	а. ?Иван представил друг другу Петровых.	ACC-DAT
	б. *Иван представил друг друга Петровым.	DAT-ACC

Бейлин, постулируя ACC > DAT, предполагает, что порядок аргументов в (40а) и (41б) является базовым, причем (41б) является неграмматичным, т. к. ни в какой момент синтаксической деривации условие А⁶ теории связывания не удовлетворяется (антецедент *Петровым* не имеет структурного приоритета над анафором *друг друга*). Порядок слов в (40б) возникает за счет дискурсивно обусловленного передвижения датива над аккузативом, которое и удовлетворяет условие А и, следовательно, делает (40б), в отличие от (41б), грамматичным. Наконец, (41а) – также результат передвижения датива наверх, причем в этом предложении проблем со связыванием нет, т. к. условие А удовлетворено еще до передвижения (Бейлин принимает концепцию деривационного связывания, поэтому ему достаточно удовлетворить условие А на любом этапе синтаксической деривации).

Сторонники гипотезы DAT > ACC могли бы предположить, что связывание, напротив, не является деривационным (условие А должно оставаться удовлетворенным после применения всех передвижений) и что базовым является порядок слов в (40б) и (41а). В последнем происходит при этом скрытое передвижение аккузатива над дативом, что позволяет удовлетворить условие А. Предложение (40а) является результатом точно такого же передвижения, только открытого. Наконец, запрет в (41б) объясняется нарушением условия А в результате синтаксической деривации (аккузатив передвинулся из исходной позиции наверх, и антецедент реципрока потерял над ним структурный приоритет).

Оба объяснения опираются каждое на одно неочевидное допущение. Бейлин постулирует деривационность связывания и таким образом получает в одном из случаев возможность удовлетворить условие А на промежуточном этапе синтаксической деривации. Второе объяснение (в контексте гипотезы DAT > ACC) в одном из случаев использует допущение о возможности скрытого передвижения антецедента над анафором. Пока что отчетливого перевеса в сторону одной из гипотез не наблюдается.

Однако ситуация меняется, если рассматривать более сложные структуры, в которых реципрок является частью полноценной именной группы в аргументной позиции.

- (42) а. *Иван представил друзей родителям друг друга. ACC-DAT
 б. Иван представил друзьям родителей друг друга. DAT-ACC

Сторонники гипотезы DAT > ACC могут утверждать в данном случае, что в этих предложениях отчетливо виден структурный приоритет датива над аккузативом. Бейлин в работе [Bailyn 2010] попытался опровергнуть этот аргумент, опираясь на примеры с глаголом *послать* и предполагая, что **Иван послал пациентов врачам друг друга* неграмматично не из-за нарушения анафорических связей, а из-за того, что в данном значении *послать* требует косвенного дополнения с предлогом: *Иван послал пациентов к врачам друг друга*. Это объяснение, однако, не работает для обсуждаемых данных в (42).

В дополнение к этому свидетельству А. Перельсвайг [Pereltsvaig 2007: 120] приводит данные о поведении анафорических местоимений с кванторным антецедентом, которые также позволяют заключить, что в русском языке дативный аргумент имеет структурный приоритет над аккузативным.

- (43) а. Иван представил каждому клиенту_i его_i менеджера.
 б. *Иван представил каждого менеджера_i его_i клиенту.

Убедительного объяснения этого наблюдения в рамках гипотезы ACC > DAT до сих пор не представлено.

⁶ Условие А (или «принцип А» в переводе [Тестелец 2001]) – одно из трех основополагающих утверждений теории связывания [Chomsky 1981]. Несколько огрубляя, можно сказать, что условие А состоит в том, что анафорические местоимения (рефлексивы и реципроки) должны быть связаны своим антецедентом в рамках клаузы.

2.3.2. Эффект превосходства

Перельцвайг [Pereltsvaig 2007] приводит дополнительный аргумент в пользу гипотезы DAT > ACC в русском языке – порядок выноса нескольких D-свободных (non-D-linked, [Pereltsvaig 2007: 120]) вопросительных местоимений (эффект превосходства).

- (44) а. Иван любит Машу.
 б. Кто₁ кого₂ t₁ любит t₂?
 в. # Кого₂ кто₁ t₁ любит t₂? (только как переспрос)
- (45) а. Кому что Ваня дал?
 б. ? Что кому Ваня дал?⁷

Предложения (44) иллюстрируют, что порядок местоимений при вопросительном выносе воспроизводит исходную иерархию аргументов: подлежащее бесспорно выше прямого дополнения, что отражается в порядке следования соответствующих вопросительных местоимений. Исходя из этой закономерности, в (45) можно отметить, что датив выше аккузатива.

2.3.3. Сфера действия кванторов

Бейлин [Bailyn 2010], доказывая гипотезу ACC > DAT, апеллирует к свойствам сферы действия кванторов внутри русской VP, обнаруженным С. Антониук [Antonyuk 2006; 2009].

- (46) а. Кто-то услышал каждую шутку. $E > A, A > E$
 б. [Каждую шутку]_i кто-то услышал t_i. $*E > A, A > E$
- (47) а. Учитель давал [какую-то книгу] [каждому студенту]. $E > A, A > E$
 б. Учитель давал [какому-то студенту] [каждую книгу]. $E > A, *A > E$

Опираясь на базовые различия между структурой без передвижения (46а) и структурой с передвижением (46б), Антониук предполагает, что неоднозначность сферы действия кванторов при порядке ACC-DAT в (47а) свидетельствует о том, что это базовый порядок, в котором отсутствуют передвижения. В этом случае, в частности, DAT может получить сферу действия над ACC через скрытое передвижение. Напротив, однозначность сферы действия при порядке DAT-ACC в (47б) свидетельствует, что в данной структуре произошло явное передвижение датива над аккузативом и аккузатив уже не может претерпеть скрытое передвижение, т. к. позиция для подобного A-передвижения одна и она уже занята дативом.

Приведенное рассуждение выглядит убедительно до тех пор, пока в примерах используются неопределенные местоимения как аргументы, содержащие квантор существования. Стоит их заменить на стандартные кванторы, например, использовать ИГ *один* вместо *кто-то*, как исходный контраст (46) исчезает.

- (48) а. Один мальчик подошел к каждой девочке. $E > A, A > E$
 б. [К каждой девочке]_i подошел один мальчик t_i. $*E > A, A > E$

Как известно, в подобных тестах использование неопределенных местоимений добавляет возмущающие факторы. Широкая сфера действия неопределенных местоимений может объясняться не только свойствами структуры, но и особенностями интерпретации этих местоимений (например, широкая сфера действия неопределенных местоимений, наблюдаемая, в частности, в (46б), может возникать за счет применения функции свободного выбора, см. [Kratzer 1998]).

⁷ Аналогично – порядок *что кому* вполне возможен при переспросе. Национальный корпус русского языка, к сожалению, не позволяет вынести суждение, основанное на убедительном объеме примеров: встречаем одно предложение с *что кому* против трех с *кому что*, включая почти идиоматизированное самостоятельное *Кому что* [*дано / предназначено / ...*].

Таким образом, обобщение Антонюк, по-видимому, можно поставить под сомнение. Тем не менее, сконструировать убедительное объяснение контраста в (47), поддерживая гипотезу DAT > ACC, до сих пор никому не удалось.

Итак, из трех рассмотренных выше свидетельств лишь одно (сфера действия кванторов, п. 2.3.3) интерпретируется в пользу гипотезы ACC > DAT, в то время как два других (связывание, эффект превосходства) скорее на стороне DAT > ACC. Для окончательного принятия этой гипотезы необходимо предложить интерпретацию данных о сфере действия кванторов, которые приводит Бейлин и его последователи, в рамках гипотезы DAT > ACC. Это тема для отдельного исследования.

2.4. N-аппликативы

Как уже указывалось выше, примененные аппликативы структурно отличаются от приглагольных, что обнаруживается рядом синтаксических тестов – как минимум, дативный аргумент образует общую составляющую с другим косвенным аргументом (локативным), которая не включает глагольную вершину (ср., например, «эффект крысолова» в (32)). Кроме того, известно, что в N-аппликативах засвидетельствовано регулярно возникающее посессивное отношение между аппликативным участником и локативным аргументом, но не между аппликативным участником и аккузативным аргументом, как это спорадически происходит в V-аппликативах.

Эти наблюдения позволяют сформулировать следующие интуитивные обобщения. Во-первых, интерпретация составляющей, объединяющей в себе датив и локатив, должна устанавливать посессивное отношение, которое в дальнейшем блокирует установление такого отношения между дативом и аккузативом. К формализации этого обобщения я вернусь ниже.

Во-вторых, случаи, в которых посессивность между дативом и аккузативом не наблюдается, возможно, объясняются наличием имплицитного локативного участника, с которым датив уже связан отношением посессивности. По всей видимости, это именно так (как минимум) для предикаций с семантикой изменения положения:

- (49) а. Иван принес книгу [Петру в школу].
б. Иван принес книгу [Петру e_{loc}].

В (49а) разновидность когнитивной сопряженности возникает между *Петром* и *школой*, но не между *Петром* и *книгой*. Ее отсутствие в (49б), вероятно, объясняется наличием имплицитного аргумента с ролью Места, субкатегоризованного глаголом *принести* и обозначающего некое ситуативно или контекстно специфицированное место, в котором находится Петр.

В-третьих, сочетание N-аппликативов как с переходными, так и с непереходными глаголами в (19) и (30) (в отличие от V-аппликативов) свидетельствует о меньших селективных ограничениях, накладываемых глаголом на N-аппликативы.

Наконец, эффект крысолова дополняется еще одним свидетельством в пользу гипотезы о существовании безглагольного комплекса датива и локатива – возможностью использовать сочинение нескольких таких комплексов:

- (50) а. Вася стряхнул пепел [Маше на платье] и [Пете на фрак].
б. Вася разлил чернила [Маше в комнате] и [Пете на кухне]^{*}.

---

^{*} К.И. Казенин (по личному сообщению) указывает, что в данном случае речь может идти о сочинении клауз, или, как минимум, сказуемых (Вася [стряхнул пепел Маше на платье] и [стряхнул пепел Пете на фрак]). Однако это не так, поскольку при использовании квантора над сочинительной конструкцией восстановление материала, эллидированного при сочинении клауз, с полностью эквивалентной семантикой предложения невозможно:

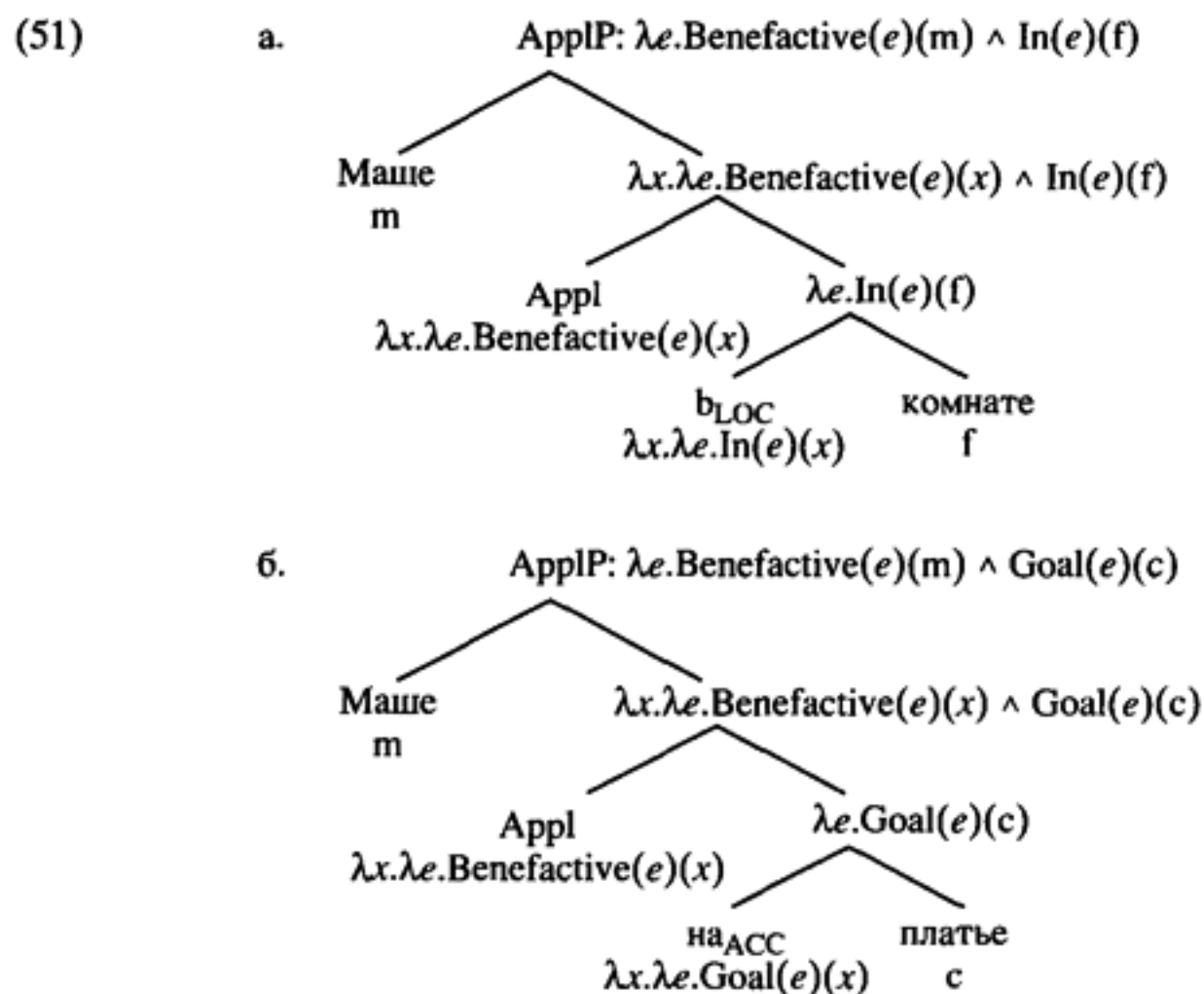
- (i) а. Вася разлил три вида варенья Маше на платье и Васе на фрак.
б. #Вася разлил три вида варенья Маше на платье и три вида варенья Васе на фрак.

Наиболее естественно представить этот комплекс как $[_{AppIP} Appl [_{PP} P NP]]$, т. к. при альтернативной вложенности фразовых категорий аппликативный аргумент окажется ниже (следовательно, в перспективе – правее) предлога, причем сформулировать убедительные условия его передвижения вверх вряд ли возможно.

Такой синтаксический анализ позволяет объяснить, почему в этих случаях возможность присоединения аппликатива не зависит от переходности глагола. В данном случае Appl выбирает вершину P локативного предлога. Поэтому в предложениях с локативной предложной группой наличие или отсутствие v , а следовательно, и переходность вершинного глагола не имеет никакого значения для присоединения вершины Appl.

Исходя из такого синтаксического анализа, интерпретацию выражений *Маше в комнате* и *Маше на платье* можно представить следующим образом.

Разумеется, та же вершина Appl способна субкатегоризовать и предикативную группу, содержащую именное сказуемое, в предложениях типа *Дима был мне другом* [Grashchenkov, Markman 2008].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой работе были затронуты некоторые семантико-синтаксические свойства конструкций с (несубкатегоризованным) дативом. Мы начали с обсуждения теории аппликативизации Пюлькьянен и попытались применить ее обобщения для русского материала. Это оказалось нелегкой задачей: в исходном виде обобщения Пюлькьянен оказались неприменимы к русскому языку – строго говоря, русский не относится ни к языкам типа албанского (с высокой аппликативной вершиной), ни к языкам типа английского (с низкой аппликативной вершиной). Дискуссионными оказались параметр сочетаемости датива и непереходных глаголов и параметр возникновения отношения посессивности между дативом и аккузативом.

Далее, нам удалось обнаружить критическое противопоставление приглагольных и применных аппликативов, являющихся двумя естественными классами для обобщений Пюлькьянен. Действительно, оказалось, что с семантической точки зрения при-

В (іб), в отличие от (іа), может идти речь о шести различных видах варенья, по три из которых были разлиты на платье и на фрак.

глагольные аппликативы ведут себя как конструкции с низким типом аппликативной вершины, а приименные – как конструкции с высоким типом аппликативной вершины.

Наконец, выяснилось, что аппликативная вершина далеко не всегда «связана» с глагольной вершиной. По исходной теории Пюлькьянен, Appl либо субкатегоризует ее (высокий аппликатив) или субкатегоризуется ею (низкий аппликатив). В представленном анализе предложен альтернативный взгляд: Appl либо, действительно, является частью глагольной группы (приглагольный аппликатив), либо доминирует над локативным аргументом или предикативной ИГ (приименной аппликатив). При этом точная конфигурация аргументов в первом случае – положение аппликатива и его позиционное соотношение с аккузативным аргументом – остается спорной. Существуют вполне убедительные аргументы как в пользу гипотезы DAT > ACC, так и в пользу ACC > DAT. В этой работе по качеству и количеству аргументов побеждает первая, однако интерпретация аргументов второй требует отдельного глубокого изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974/1995 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974 (2-е изд. 1995).
- Брыкина 2005 – М.М. Брыкина. Типы конструкций с внешним посессором в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог'2005». М., 2005.
- Кибрик 2000 – А.Е. Кибрик. Внешний посессор как результат расщепления валентности // Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.). Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик и др. 2004 – А.Е. Кибрик, М.М. Брыкина, А.Н. Хитров. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором // Доклады междунар. конф. «Диалог'2004». М., 2004.
- Кустова, Падучева 1994 – Г.И. Кустова, Е.В. Падучева. Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4.
- Кустова и др. 1993 – Г.И. Кустова, Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина и др. Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе «Лексикограф» // Научно-техническая информация. (Сер. 2). 1993. № 11.
- Падучева, Розина 1993 – Е.В. Падучева, Р.И. Розина. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // ВЯ. 1993. № 6.
- Падучева 2002 – Е.В. Падучева. Диатеза и диатетический сдвиг // RLing. 2002. № 26.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пшехотская 2008 – Е.А. Пшехотская. Конструкции с несубкатегоризованным дативом в русском языке. Дипломная работа, МГУ. М., 2008.
- Рахилина 1982 – Е.В. Рахилина. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный) // Автоматизация обработки текста. 1982. № 2.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Antonyuk 2006 – S. Antonyuk. The scope of quantifier phrases in Russian: A QR analysis // Linguistics in the Big Apple. 2006.
- Antonyuk 2009 – S. Antonyuk. Long-distance scrambling, VP ellipsis, and scope economy in Russian // L. MacKenzie (ed.). UPenn working papers in linguistics 15.1: Proceedings of PLC 32, 1–9. 2009.
- Adger 2003 – D. Adger. Core syntax: A minimalist approach. Oxford, 2003.
- Bailyn, Rubin 1991 – J.F. Bailyn, E. Rubin. The unification of instrumental case assignment in Russian // Cornell working papers in linguistics. 1991. № 9.
- Bailyn 1995a – J.F. Bailyn. A configurational approach to Russian «free» word order. PhD diss. Ithaca (NY), 1995.
- Bailyn 1995b – J.F. Bailyn. Configurational case assignment in Russian syntax // The linguistic review. 1995. № 12.
- Bailyn 2010 – J.F. Bailyn. What's inside VP? New (and old) evidence from Russian // Formal approaches to Slavic linguistics. 2010. № 18.
- Baker 1988 – M. Baker. Incorporation: A theory of grammatical function changing. Chicago, 1988.

- Baker 1997 – *M. Baker*. Thematic roles and syntactic structure // L. Haegeman (ed.). *Elements of grammar*. Dordrecht; Boston; London, 1997.
- Boneh, Nash 2010 – *N. Boneh, L. Nash*. High, higher and highest applicatives: the case of French non-core datives. Talk given at the 28th West Coast conference on formal linguistics. University of South California. 2010. http://parles.upf.es/glif/pub/cgg20/abstracts/Boneh_Nash.pdf
- Bosse, Bruening 2010 – *S. Bosse, B. Bruening*. Benefactive versus experiencer datives. Talk given at the 28th West Coast conference on formal linguistics. University of South California. 2010. <http://udel.edu/~solveig/Publications/BenefactivesWCCFL2010.pdf>
- Bowers 1993 – *J.S. Bowers*. The syntax of predication // *LIn*. 1993. № 24.
- Bresnan, Moshi 1993 – *J. Bresnan, L. Moshi*. Object asymmetries in comparative Bantu syntax // S.A. Mchombo (ed.). *Theoretical aspects of Bantu grammar*. Stanford. 1993. № 1.
- Castañeda 1967 – *H.-N. Castañeda*. Comments on Donald Davidson's 'The logical form of action sentences' // N. Rescher (ed.). *The logic of decision and action*. Pittsburgh, 1967.
- Chomsky 1981 – *N. Chomsky*. Lectures on government and binding: The Pisa lectures. Berlin, 1981.
- Davidson 1967 – *D. Davidson*. The logical form of action sentences // N. Rescher (ed.). *The logic of decision and action*. Pittsburgh, 1967.
- Dyakonova 2005 – *M. Dyakonova*. Russian double object constructions // *ACLIC working papers*. 2005. 2/1.
- Dyakonova 2007 – *M. Dyakonova*. A phase based approach to Russian free word order. PhD diss. Amsterdam, 2007.
- Embick 2004 – *D. Embick*. On the structure of resultative participles in English // *LIn*. 2004. № 35.
- Franks 1995 – *S. Franks*. Parameters of Slavic morphosyntax. Oxford, 1995.
- Georgala et al. 2008 – *E. Georgala, P. Waltraud, J. Whitman*. Expletive and thematic applicatives // C.B. Chang, H.J. Haynie (eds.). *Proceedings of the 26th West Coast conference on formal linguistics*. Somerville (MA), 2008.
- Guéron 1985 – *J. Guéron*. Inalienable possession. PRO-inclusion and lexical chains // H.G. Obehauer, J.-Y. Pollock, J. Guéron (eds.). *Grammatical representations*. Cambridge (MA), 1985.
- Grashchenkov, Markman 2008 – *P. Grashchenkov, V.G. Markman*. Non-core arguments in verbal and nominal predication: high and low applicatives and possessor raising // N. Abner, J. Bishop (eds.). *Proceedings of the 27th West Coast conference on formal linguistics*. Somerville (MA), 2008.
- Grimshaw 1990 – *J. Grimshaw*. Argument structure. Cambridge (MA), 1990.
- Grimshaw 1993 – *J. Grimshaw*. Semantic structure and semantic content in lexical representation. Manuscript. 1993.
- Harley 2000 – *H. Harley*. Possession and the double object construction. Manuscript. University of Arizona. 2000.
- Hoekstra 1988 – *T. Hoekstra*. Small clause results // *Lingua*. 1988. № 74.
- Jackendoff 1990 – *R.S. Jackendoff*. Semantic structures. Cambridge (MA), 1990.
- Junghanns, Zybatow 1997 – *U. Junghanns, G. Zybatow*. Syntax and information structure of Russian clauses // *FASL*. 6. 1997.
- Kratzer 1996 – *A. Kratzer*. Severing the external argument from its verb // J. Rooyck, L. Zaring (eds.). *Phrase structure and the lexicon*. Dordrecht, 1996.
- Kratzer 1998 – *A. Kratzer*. Scope or pseudoscope? Are there wide-scope indefinites? // S. Rothstein (ed.). *Events and grammar*. Dordrecht, 1998.
- Kratzer 2005 – *A. Kratzer*. Building resultatives // C. Maienborn, A. Wöllstein-Leisten (eds.). *Events in syntax, semantics, and discourse*. Tübingen, 2005.
- Landau 1999 – *I. Landau*. Possessor raising and the structure of VP // *Lingua*. 1999. № 107.
- Larson 1988 – *R. Larson*. On the double object construction // *LIn*. 1988. № 19.
- Levin 1993 – *B. Levin*. English verb classes and alternations. Chicago, 1993.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Building verb meaning // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The projection of arguments: Lexical and syntactic constraints*. Stanford, 1998.
- Levin, Rappaport Hovav 2003 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Root and template in the representation of verb meaning. Manuscript, Stanford University. 2003.
- Levin, Rappaport Hovav 2005 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Argument realization (Research surveys in Linguistics series). Cambridge, 2005.
- Marantz 1989 – *A. Marantz*. Projection vs. percolation in the syntax of synthetic compounds // R. Davis (ed.). *Selected papers from the Annual Spring colloquium*. Chapel Hill, 1989.
- Marantz 1993 – *A. Marantz*. Implications of asymmetries in double object constructions // S.A. Mchombo (ed.). *Theoretical aspects of Bantu grammar*. V. 1. Stanford, 1993.
- Montague 1970 – *R. Montague*. Universal grammar // *Theoria*. 1970. № 36.

- Montague 1973 – *R. Montague*. The proper treatment of quantification in ordinary English // K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, P. Suppes (eds.). *Approaches to natural language*. Dordrecht, 1973.
- Parsons 1990 – *T. Parsons*. *Events in the semantics of English: A study in subatomic semantics*. Cambridge (MA), 1990.
- Partee 1976 – *B.H. Partee*. *Montague grammar*. New York, 1976.
- Pereltsvaig 2001 – *A. Pereltsvaig*. On the nature of intra-clausal relations. PhD diss. Montreal, 2001.
- Pereltsvaig 2007 – *A. Pereltsvaig*. *Copular sentences in Russian*. Dordrecht, 2007.
- Pylkkänen 2000 – *L. Pylkkänen*. *Deriving adversity* // R. Billerey, B.D. Lillehaugen (eds.). *WCCFL 19 Proceedings*. Somerville (MA), 2000.
- Pylkkänen 2002 – *L. Pylkkänen*. *Introducing arguments*. PhD diss. Cambridge (MA), 2002.
- Pylkkänen 2008 – *L. Pylkkänen*. *Introducing arguments*. Cambridge (MA), 2008.
- Ramchand 2003 – *G.B. Ramchand*. *First phase syntax*. Manuscript, University of Oxford. 2003.
- Ramchand 2008 – *G.B. Ramchand*. *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax*. Cambridge, 2008.

Сведения об авторе:

Екатерина Александровна Пшихотская
krshehotskaya@mail.ru

© 2011 г. С. БИРЦЕР

РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОГА *ОТСТУПЯ ОТ*

На синхронном уровне языковая единица *отступя от* представляет собой колеблющуюся между функциями деепричастия и предлога форму, которая еще не окончательно перешла в разряд предлогов, хотя и прошла ряд этапов на этом пути: главным семантическим изменением является выветривание сем, в том числе семы 'перемещение'; в результате *отступя от* в предложной функции указывает на место. На уровне синтаксиса следует выделить утрату кореферентности, которую проявляет субъект деепричастия по отношению к подлежащему главной части предложения, и синтаксическую реинтерпретацию. Специализация суффиксов приводит к разграничению предложной (*отступя от*) и деепричастной (*отступив*) форм. Предлагается описание пути грамматикализации деепричастных предлогов.

Настоящая работа продолжает исследование [Birzer 2010], посвященное процессам грамматикализации и лексикализации, в которых задействованы различные деепричастные формы. Переход деепричастной формы в разряд предлогов обычно рассматривается как случай грамматикализации. В теории грамматикализации немалое внимание уделяется семантическим изменениям, особенно семантическому выветриванию, однако не хватает инструментария, позволяющего детально описать эти изменения. Настоящая работа представляет собой попытку применить инструментарий Московской семантической школы к описанию семантических изменений при грамматикализации¹.

Отступя от представляет собой особый случай в нескольких отношениях. Во-первых, в словарях пока нельзя найти лемму *отступя от*, несмотря на то что семантика формы *отступя от* значительно отличается от семантики производящего глагола *отступить / отступать*. Во-вторых, приближение данной формы к разряду предлогов (имел ли место переход, обсудим в конце работы) происходило весьма быстро: исходя из данных², полученных для второй половины XX века, *отступя от* следует рассматривать как вторичный составной предлог, в то время как в первой половине XX века можно найти употребления формы *отступя* без последующего вторичного предлога *от*, которые указывают на наречное употребление. Во второй половине XIX века это еще заметно, но в первой половине XIX века *отступя* употребляется исключительно в функции деепричастия (динамику развития можно проследить в таблице 2). Кроме того, регулярное деепричастие СВ (совершенного вида) *отступив* иногда также встречается в контекстах, предполагающих предложное употребление.

Отступя от представляет собой деепричастную форму глагола СВ *отступить*.

¹ При этом мы ориентируемся на работу Е.Э. Бабаевой [Бабаева 2006].

² Источником всех данных и примеров является Национальный корпус русского языка.

Современное состояние

Семантика

Отступя от указывает на место. Его можно толковать следующим образом:

отступя от P, Q

‘Можно было подумать, что Q расположен непосредственно рядом с P. Q расположен на небольшом расстоянии R от P’.

Значит, *отступя от* отличается наличием модальной рамки и располагает тремя семантическими актантами P, Q, R.

Сначала рассмотрим модальную рамку. Ее наличие можно доказать сопоставлением следующих пар предложений: а) *Колокольни строили на небольшом расстоянии от церкви vs. Колокольни строили отступя от церкви* и б) *Колокольни не строили на небольшом расстоянии от церкви vs. Колокольни не строили отступя от церкви*. Предложения пары а) можно рассматривать как синонимы, так как их смысл идентичен: ‘колокольни строились на небольшом расстоянии от церкви’. Отрицание в высказываниях пары б), однако, приводит к разнице в значении: значение первого высказывания можно описать как ‘колокольни строились либо непосредственно рядом с церковью, либо на большом расстоянии от церкви’, в то время как значение второго высказывания сводится к ‘колокольни строились непосредственно рядом с церковью’. Значение второго высказывания обусловлено модальной рамкой, составляющей компонент значения *отступя от*. Модальная рамка ‘можно было подумать, что Q расположен непосредственно рядом с P’ – как и пресуппозиция – противопоставлена ассерции ‘Q расположен на небольшом расстоянии R от P’. Отрицанию подвергается только ассерция; соответственно, высказывание *Колокольни не строили отступя от церкви* можно понять только как ‘колокольни строились непосредственно рядом с церковью’, так как модальная рамка и пресуппозиция исключают тот вариант, что колокольни находятся на большом расстоянии от церкви.

Переходим к обсуждению актантов *отступя от* (1). Синтаксически P представлен ИГ (именной группой) в родительном падеже (РОД), управляемой *отступя от*; Q – обозначением ситуации, а именно сказуемым с его актантами; R – если этот актант вообще имеет синтаксическое представление – наречием (2) или количественной группой (3):

- (1) *Стоит дом (Q) отступя от улицы (P)* (И. Николаев. Последний приказ генерала (2001));
- (2) *Колокольни (кампаниллы) расположены (Q), как правило, несколько (R) отступя от церкви (P)* (С. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999));
- (3) *...Верхняя граница сердца (рис. 7.1) находится на уровне верхних краев хрящей III правого и левого ребер, правая граница проходит от верхнего края хряща III правого ребра, отступя на 1–2 см за правый край грудины, вертикально вниз до хряща V правого ребра* (Р. Самусев, Ю. Селин. Анатомия человека (2003)).

Как мы изложили выше, одним из указателей степени грамматикализации являются семантические роли актанта P и первого актанта ситуации Q. Актанту P можно приписать семантическую роль ‘места’. В семантику всех имен, синтаксически представляющих семантический актант P, также входит идея места (1–4).

- (4) *За соснячком лежал мшистый, весь в валунах пологий берег Легонтова озера. Бор начинался отступя от него, на взгорбке* (Б. Васильев. А зори здесь тихие (1969)).

Актанту Q соответствует ситуация; ниже обсудим, какие семантические роли может выполнять первый актант ситуации Q.

Из предлагаемых в [Апресян 1995: 125–126] и [Плунгян 2003: 165–166] семантических ролей ни одна не подходит целиком к актанту R. Поэтому мы вводим новую семантическую роль – ‘расстояние’. Она вводится по аналогии с отношениями между семантическими ролями ‘срок’, ‘время’ и ‘количество’, из которых «[п]онятие срока очевидным образом производно от понятий времени и количества (срок – это количе-

ство времени)» [Апресян 1995: 129], аналогичным образом расстояние является производным от понятий пространства и количества. В большинстве случаев, где R находит синтаксическое отражение, выступает наречие-квантификатор типа *несколько* (2), *немного* (5), *чуть* (6), которому присуща идея тяготения к минимуму.

- (5) *А немного отступя от чугулки, в чистом поле, ... царил Нестор Махно* («Октябрь», 2001);
(6) *...седоватые волосы росли у него чуть отступя ото лба, как бы добавляя его большому лбу еще немного лба* (А. Рекемчук. Мальчики (1970)).

В количественных группах, состоящих из количественного квантификатора и единицы измерения времени, идея тяготения к минимуму представлена в количественном квантификаторе, т. е. в близком к нулю числе (3).

Интересно отметить, что идея маленького расстояния сохраняется и в тех случаях, где R синтаксически не выражен (1, 4). Поэтому при изучении истории формы *отступя от* следует уделить внимание вопросу, обусловлено ли это явление тяготением формы *отступя от* к соответствующим контекстам.

Прежде чем обсудить значения глагола *отступить*, рассмотрим, какие семантические роли может выполнять первый актанта ситуации Q. Этот вопрос важен потому, что при деепричастии прототипический первый актанта ГЧ (главной части предложения) играет роль агенса или носит агентивные черты. Соответственно, особенно роль 'тема'³ у субъекта ГЧ, свойственная только неодушевленным первым актантам, указывает на то, что рассматриваемая форма уже не выполняет функцию деепричастия. В подавляющем большинстве случаев первый актанта ситуации Q имеет семантическую роль темы (1–4; 6; приводим лишь один пример этого и последующих типов ролей и предложений). Второе место по частотности занимают неопределенно-личные предложения (7); одушевленные первые актанта – редкость (5).

- (7) *В 1804 году при игумене Арсении обветшавшую церковь Святителя Николая, стоявшую рядом с Вознесенским собором, разобрали и построили вновь, отступя от собора, с братской трапезой и кухней внизу* («Журнал Московской патриархии», 2004).

Переходим к обсуждению значений глагола *отступить*. Выделяются семь лексемных блоков.

Значение лексики *отступить I* можно описать как 'шагнув назад, отойти, отодвинуться'⁴. В нем можно обнаружить идею перемещения. *Отступить I* обозначает действие и обладает тремя семантическими актантами: *X отступил от Y-а на Z*. X-у присуща семантическая роль агенса (8). Поскольку *отступить I* обозначает перемещение X-а, на первый взгляд хочется Y-у приписать семантическую роль начальной точки. Однако в исходной ситуации X находится не в Y-е, а в непосредственной близости от Y-а. Поэтому припишем Y-у семантическую роль места (8). Z имеет семантическую роль расстояния (9).

- (8) *Она (X) отступила от микрофона (Y) и низко, по-монашечьи поклонилась писателю в пояс* (И. Грекова. Летом в городе (1962));
(9) *Тихо отступив на шаг (Z), он поднял голову к небу* (А. Варламов. Купавна (2000)).

Как отмечалось выше, в значение *отступя от* входит указание на небольшую величину расстояния между X и Y. Оказывается, что *отступить I* тоже указывает на небольшое расстояние (10–12). Еще отметим, что содержание модальной рамки *отступя*

³ Поскольку термин «тема» понимается по-разному, коротко изложим, как мы употребляем его. Одни школы рассматривают тему как семантический актанта глаголов речи (*Миша рассказал о Пете*, где *Петя* – тема), в то время как другие школы определяют тему для обозначения участника ситуации, который создает данную ситуацию, не контролируя ее и не претерпевая изменений в ходе ситуации. Второго определения также придерживается зарубежная лингвистическая литература (см. обзор семантических ролей в [Van Valin 2005: 53–60]). Поэтому мы также употребляем термин «тема» для обозначения участника, который создает данную ситуацию, не контролируя ее и не претерпевая изменений в ходе ситуации.

⁴ Если нет других указаний, описания лексики *отступить* взяты из [БТС 1998].

от – Q находится в непосредственной близости от P – является исходной ситуацией для *отступить 1*, когда X находится в непосредственной близости от Y.

- (10) ...а третий, отступив слегка от своих товарищей, перешел к дверям двух остальных квартир (П. Галицкий. Опасная коллекция (2000));
- (11) И она исчезла, отступила на несколько шагов во мрак шахты и там растворилась (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп (1976));
- (12) Хозяин ... гостеприимно отступил от двери, левой рукой указывая в глубь квартиры (П. Галицкий. Опасная коллекция (2000)).

Значение лексемы *отступить 2* передается как 'отодвинуться, расположиться на более далеком расстоянии от чего-л.'. Перемещение снова является центральной идеей. *Отступить 2* обозначает такие процессы перемещения в природе. Мы предлагаем три семантических актанта: X, Y, Z. X является темой (13–14); Y-у приписываем роль места, Z – роль расстояния. Y и Z обычно не отражаются на синтаксическом уровне.

- (13) Это было то время, когда ледники (X) отступили, климат смягчился («Вокруг света», 2004);
- (14) Далеко отступило море (X) И розы оцепили вал, Чтоб спящий в гробе Теодорих О буре жизни не мечтал (А. Блок. Равенна (1909)).

Значение *отступить 3* можно описать как 'отойти назад под напором наступающего неприятеля'. Данная лексема обладает тремя семантическими актантами: X *отступил от Y-а на Z*. X – агенс, причем X может быть обозначением как отдельного человека, так и совокупности людей (*армия* в примерах 15–16). Поскольку в исходной ситуации X находится в месте Y, Y можно рассматривать как место, так и как начальную точку. Z имеет семантическую роль расстояния.

- (15) Армия (X) отступила от линии фронта (Y) на 20 километров (Z);
- (16) И тогда наша 21-я армия ... была вынуждена, во избежание окружения, отступить на юг, к Десне (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)).

Лексема *отступить 4* представлена в примере (17). Значение этой лексемы толкуется как 'начать писать не с края, а на некотором расстоянии от края'⁵. Ситуация, передаваемая этой лексемой, напоминает форму *отступя от* в том смысле, что в обоих случаях наличия исходной ситуации, т. е. нахождения в определенной точке, можно ожидать, но на самом деле эта исходная ситуация не имеет места: в случае *отступя от* Q никогда не находился ближе к P, а в случае *отступить 4* начинают писать не с края, а сразу на некотором расстоянии от края. *Отступить 4* располагает тремя семантическими актантами X, Y, Z. X является агенсом, Y имеет семантическую роль 'место', Z – роль 'расстояние'.

- (17) Отступите от края листа (Y) на три знака (Z).

Лексема *отступить 5.1* представлена в примере (18). Значение данной лексемы является переносным и толкуется как 'субъект как бы отступил 1 от своего намерения'. Значение *отступить 5.1* основывается на идее перемещения, так как *отступить перед риском* можно перифразировать как 'не пойти навстречу риску'. *Отступить 5* имеет два семантических актанта X и Y; X является агенсом, Y – причиной.

- (18) Она (X) отступит только перед риском (Y), перед действием (И. Анненский. Вторая книга отражений (1909)).

Пример (19) иллюстрирует *отступить 5.2*. Значение данной лексемы можно перифразировать как 'перестать придерживаться чего-л., изменить чему-л.'. Здесь мы снова имеем дело с переносным значением, базирующимся на *отступить 1*: в данном случае за перемещением можно следить не на географической карте, а в системе правил или ценностей. Первый семантический актант X носит агентивные черты, второй актант Y можно считать «начальной точкой» движения по системе правил и ценностей.

⁵ В отличие от толкований остальных лексем *отступить*, это толкование наше.

- (19) *Изначально планка была поднята очень высоко, и (должна отметить это с удовлетворением) ни разу мы (X) не отступили от этого правила (Y) (И. Архипова. Музыка жизни (1996)).*

Значение *отступить* б (20) можно описать как ‘перенести внимание с основного на второстепенное; отклоняться от темы’⁶. Данное значение также является переносным, в основе которого лежит *отступить* 1. *Отступить* б располагает двумя семантическими актантами: X носит агентивные черты, Y можно считать «начальной точкой», от которой X отдаляется в экскурсе.

- (20) *Директор (X) отступил от темы (Y) своего доклада.*

Отступить 7 (21) можно истолковать как ‘стать менее сильным или исчезнуть; погаснуть’. Мы имеем дело с переносным значением (в основе снова лежит *отступить* 1) в том смысле, что при перемещении X больше не находится в «начальной точке». *Отступить* 7 имеет только один семантический актант, который представлен именем, обозначающим абстрактное понятие.

- (21) *Ярость отступила.*

Подводя итог этого раздела, можно отметить, что все лексемы *отступить* выражают идею перемещения либо в прямом, либо в переносном смысле. Кроме того, лексемы *отступить* 1–4 содержат указание на некоторую исходную ситуацию ‘X находится в месте Y / рядом с местом Y’, которая в случаях *отступить* 1–3 является реальной, а в случае *отступить* 4 – ожидаемой. Ожидаемость исходной ситуации лежит в основе модальной рамки, присущей форме *отступя от*. За исключением *отступить* 2 и 7, первые актанты всех глагольных лексем являются агенсами, в то время как при форме *отступя от* первым актантом ситуации Q может выступать и неодушевленный предмет. Отметим, что наличие актанта R придает форме *отступя от* признак деспричастия, так как указание расстояния типично для лексем типа *отступить* 1–4, в семантику которых входит идея перемещения, но не для (вторичных) предлогов со значением ‘место’ (22). Однако во второй половине XX века актант R реализуется только в двух из 11 примеров предложного употребления *отступя от*.

- (22) **Он живет на сто метров рядом с / близко к метро.*

Синтаксис

Сферы действия (СД) формы *отступя от* по семантическим актантам P, Q, R лингвистически хорошо определены: СД по актанту P можно описать как ИГ в родительном падеже. СД по актанту Q образует сказуемое вместе с синтаксическими реализациями своих семантических актантов. Итак, определительная сила формы *отступя от* ограничивается определением исключительно ситуации; СД по актанту Q является фиксированной. СД по актанту R является либо предложная группа (23), вводимая предлогом *на* и содержащая имя в винительном падеже, либо наречие (2). Поскольку актант P управляется формой *отступя от*, мы приписываем ему номер 1. Актант Q получает номер 2, а актант R – номер 3, так как его реализация необязательна.

- (23) *Отступя на несколько шагов (R) от мэрии (P) рыли котлован (Q).*

СД глагола *отступить* по всем семантическим актантам хорошо определены. В качестве примера берем *отступить* 1 (24). СД по актанту X образует подлежащее, т. е. ИГ в именительном падеже. СД по актанту Y является предложная группа с вершиной *от*, СД по актанту Z – предложная группа с вершиной *на* или наречие с количественным значением.

- (24) *Она (X) отступила от микрофона (Y) на шаг (Z).*

⁶ Толкование БТС модифицировано.

Морфология

Развитие других деепричастных предлогов, таких как *спустя* (ср. [Birzer 2010: 199–226]), показывает, что переходу этих форм в разряд предлогов способствовала специализация деепричастных суффиксов: вплоть до середины XIX века идет сужение парадигмы деепричастных суффиксов, и суффикс *-я* в сочетании с глагольной основой СВ употребляется только для обозначения форм, перешедших в разряд предлогов (*спустя, отступя от*) или входящих в состав фразеологического оборота, например, *спустя рукава*.

Случай формы *отступя от* немного противоречит описанному развитию: на сегодняшний день форма *отступя* встречается также в деепричастной функции (25–27):

- (25) *Он начал приподниматься, и тогда Зеботтендорф, отступя на шаг, сказал: работаем рекордный трюк!* (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996));
- (26) *Когда немцы в середине октября остановились от растяжки фронта и коммуникаций – самое было время и нам, в более узком кольцевом объеме, заняться тем же: подтягиванием людских сил, вооружений, боеприпасов, укреплением обороны – и мы могли бы встретить следующий удар немцев, в середине ноября, может быть почти бы и не отступя* (А. Солженицын. На краях (1994–1995));
- (27) *И затем, отступя, Ахматова заключает* (Э. Герштейн. Вблизи поэта (1985–1999)).

Кроме того, употребление суффикса *-я* для образования деепричастия СВ не ограничивается лексемой *отступить 1* (25), где его появление – аналогия с формой *отступя от*, так как данную лексему можно считать пунктом отправления формы *отступя от*. Суффикс *-я* также употребляется при других лексемах *отступить* (26–27). Однако следует отметить, что продуктивность суффиксов *-в* и *-я* при образовании деепричастия СВ глагола *отступить* различается: суффикс *-я* значительно менее продуктивен (см. таблицу 2). Итак, в данном случае можно говорить о еще не совершившейся специализации суффиксов.

В период с 1950 года встречается семь употреблений *отступя от*, где рассматриваемая единица колеблется между функциями деепричастия и предлога (28–29). Колебание обусловлено тем, что первым актантом ситуации ГЧ выступает агенс, поэтому оборот, содержащий *отступя от*, можно рассматривать как указание местоположения первого актанта, что соответствует предложной функции, а также как описание предшествующего действия, что соответствует деепричастной функции.

- (28) *Во всю длину теста, отступя на 3–4 см от края, разложить фарш шариками по 5–6 г на расстоянии 2–3 см один от другого* (Что у нас на обед (2000));
- (29) *Если бы он стоял, отступя хотя бы на полшага, он, пожалуй, рискнул бы вскочить в седло, а далее уже можно было надеяться на четыре ноги аргамака* (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)).

История формы *отступя от*

Гипотезы

Основной идеей всех лексем глагола *отступить* является ‘перемещение’, а форма *отступя от* указывает на место. Между этими идеями и значениями существует связь, так как перемещение предполагает нахождение в определенном месте. Можно сказать, что перемещение предшествует местонахождению или что местонахождение является результатом перемещения. Напомним, что предшествование и результативность представляют собой два значения, которые способно выражать деепричастие СВ. «[Р]езультативом именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие», т. е. он сообщает «одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние» [Недялков, Яхонтов 1983: 7]. Реализация результативного значения обусловлена принадлежностью глагола к лексико-семантическому классу предельных глаголов (ср. [Там же: 6]) и к

субъектнорезультативным глаголам, куда входят глаголы, обозначающие движение тела и манипуляцию с одеждой (ср. [Birzer 2010: 85–107]). *Отступит* относится к предельным глаголам и обозначает движение тела.

Поэтому мы формулируем гипотезу, что форма *отступя от*, указывающая на место, развилась из деепричастия СВ с результативным значением: *отступя от* обозначает состояние местонахождения Q, которое можно рассматривать как результат перемещения X. При этом мы имеем дело то с перемещением человека (*отступит* 1, 3), то с движением части тела (*отступит* 4). Если деепричастие выступает в значении предшествования, идея перемещения, основная для лексем *отступит* 1, 3, находится на переднем плане значения деепричастия; при результативном значении деепричастия идея перемещения, как предшествующая состоянию ситуация, находится на заднем плане. Поскольку результативное значение 'состояние' – в данном случае это окончание перемещения – представляет собой исходный пункт развития значения 'место', при развитии предложной функции постепенно выветривается идея перемещения. Конкретно это означает, что при переходе актанта Y лексем *отступит* 1–4, обозначающего начальную точку перемещения X-а, в актант P формы *отступя от* семантическая роль данного актанта изменяется; новой ролью становится 'место'. Соответственно, исходная для лексем *отступит* 1–3 ситуация 'X находится в месте Y' является одной из возможных ситуаций, которая, однако, неактуальна для формы *отступя от*. Поэтому она превращается в модальную рамку «предложной» ситуации 'Q находится на некотором расстоянии R от P'.

Рассмотрим, подтвердит ли материал нашу гипотезу. История формы *отступя от* коротка: в нашем распоряжении материал только двух всков.

Семантика

В первой половине XIX века в нашем материале встречается исключительно деепричастное употребление в значении предшествования. Следовательно, идея перемещения, основная для лексем *отступит* 1 (30), 2 (31) и 3 (32), находится на переднем плане значения деепричастия, т. е. ситуация, которая может обеспечить развитие предложной функции, еще не достигнута. Алломорфные формы *отступя* и *отступив* не различаются по употреблению.

- (30) ...Зарецкой оглянулся и увидел подле себя кавалерийского офицера, который, *отступя шаг назад*, вскричал с удивлением (М. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830));
- (31) Некоторая дикость носилась по всему лицу, грудь волновалась; я испугался и, *быстро отступя*, спросил с смятением (В. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814));
- (32) К счастью, Роге не имел с собою кавалерии, что способствовало Ожаровскому, *отступя в Кутково*, собрать отряд свой и привести оный в прежде бывший порядок, с минусом половины людей (Д. Давыдов. Дневник партизанских действий 1812 года (1830–1835)).

Во второй половине XIX века также встречаются деепричастия со значением предшествования (33–34). Более интересны, однако, примеры (35–38), так как их можно рассматривать как результативные деепричастия:

- (33) Мое положение невольного соглядатая показалось мне не совсем удобным, и потому, *отступя несколько шагов по мягкому мху*, я вышел на полянку в таком месте, где меня сразу могли заметить (В. Короленко. Марусина заимка (1899));
- (34) Затем молча ей показал, сложил, отдал, сам отворил ей дверь в сени и, *отступя шаг*, поклонился ей в пояс почтительнейшим, проникновеннейшим поклоном, верь тому! (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы (1880));
- (35) После этой речи он быстрыми шагами пошел по дороге с моряком (он с моряком +), который шел возле без фуражки; староста и Тит плелись несколько *отступя* и не глядя друг на друга, а за ними дворовые, крестьяне, дормез и телега (А. Герцен. Долг прежде всего (1851));
- (36) За ним светился другой огонь, за этим третий, потом, *отступя шагов сто*, светились рядом два красных глаза (+) (А. Чехов. Огни (1888));

- (37) *На полшага отступя, следом за ним (+) шла головиха Арина Васильевна* (П. Мельников-Печерский. В лесах. (1871–1874));
- (38) *За этими (+), отступя, шел старший жрец, у которого сиял на груди сапфирный амулет* (Н. Лесков. Гора (1888)).

Идея перемещения однозначно находится на заднем плане деепричастного значения, так как деепричастный оборот обозначает местонахождение своего агентивного субъекта по отношению к существу или предмету из ГЧ (в примерах мы обозначили данное существо или предмет условным знаком (+)). Отсутствие начальной точки, которая обычно представляется ИГ, управляемой формой *отступя* с помощью предлога *от*, можно объяснить тем, что фокусирование на состоянии делает неважной начальную точку действия, приведшего к этому состоянию. Встречается всего один пример, где деепричастная форма *отступив* ведет себя схожим образом (39). В примере (40) идею перемещения можно считать выветренной, поскольку дерево неподвижно.

- (39) *Если жалована была [хойхуская царица], то сходила вниз и делала поклонение. Если жалованное было не от имени императора, то отступив несколько от своего седалища делала поклонение* (Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (1851));
- (40) *Рядом с этим деревом (+), немного отступя, стояло тоже искривленное деревцо, немного пониже* (Ф. Буслаев. Мои воспоминания (1897)).

Употребление формы *отступя* в таких контекстах назовем условно наречным, поскольку она дает информацию о способе действия, но не обладает обязательным для деепричастия *отступя* агентивным субъектом. Точно так же ее нельзя считать предлогом, так как данная форма не обладает ИГ, управляемой ею с помощью предлога *от*. Такое положение вещей, однако, имеет место в примере (41); поэтому следует исходить из предложного употребления формы. Соотношение употребления формы *отступя* в качестве результативного деепричастия, наречия и предлога составляет 10 : 6 : 1, т. е. преобладает деепричастное употребление. В данном периоде *отступив* не употребляется в качестве наречия.

- (41) *...на верхней же стороне шеи, отступя пальца на два от головы, уже идут обыкновенные, серенькие коротенькие перья* (С. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии (1852)).

В первой половине XX века деепричастие встречается как со значением предшествования (42–43), так и с результативным значением (44–45). Отметим лишь два случая, где форма *отступя* по вышеуказанным причинам выполняет функцию наречия (46–47):

- (42) *Самгин, отступя на шаг, поймал его руку, пожал ее, слушая оживленный, вполголоса, разговор Стратонова* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина (1928–1935));
- (43) *Ланрезак предполагал провести бой не на реке, а отступя от нее на более удобный исходный для атаки рубеж* (А. Коленковский. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. (1940));
- (44) *Жандармы. Прямо против вагона, лишь на несколько шагов отступя, чтоб не загораживать дороги входившим и выходившим пассажирам* (С. Мстиславский. Грач - птица весенняя (1937));
- (45) *В коридоре доругивающийся лакей, за ним, немного отступя, подросток-оборвыш, с головой ушедший в целый лес лиан, олеандров, флердоранжа, лилий* (Б. Пастернак. Апеллесова черта (1915));
- (46) *Градация домиков: синенький, одноэтажный, с заборчиком, с садом; за ним, отступя, занавесясь рядом тополей, желтоватый и белоколончатый каменный дом с барельефами* (А. Белый. Начало века (1930));
- (47) *Дом стоял отступя несколько сажень и имел особую колоннаду в виде согбенных, неподвижно трудящихся гигантов* (А. Платонов. Чевенгур (1929)).

По сравнению со второй половиной XIX века, число предложных употреблений исследуемой формы вырастает незначительно - этот способ употребления зафик-

сирован лишь в трех случаях (48–50). Весьма важным нам представляется тот факт, что существует пример, где *отступя от* колеблется между функциями деепричастия и предлога (51):

- (48) ...этот завал камня начинается *отступя* 1 м от северной стены собора и кончается в 3.80 м от нее (Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского (1949));
- (49) *Отступя от «гриба», шла поперек двора, параллельно стене корпуса, каменная стенка, рассекавшая двор для «политиков» на две части* (С. Мстиславский. Грач -- птица весенняя (1937));
- (50) *Образовался, должно быть, холм с понижением у стен. Направляйтесь *отступя* на метр от стены, иначе наткнетесь на выступ, и его придется обходить* (Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939));
- (51) *Если нога проваливается в нижнюю ступеньку, то следующие ступеньки следует делать *отступя* 20–30 см в сторону* (Л. Гутман, С. Ходакевич, И. Антонович. Техника альпинизма (1939)).

Эти примеры отличаются тем, что, во-первых, первым актантом ГЧ выступает агент и, во-вторых, форма *отступя* управляет ИГ с помощью предлога *от*. Интересно, что при рассмотрении этих форм как деепричастий им следует приписать результативное значение. Отметим, что функцию наречия выполняют формы, входящие в предложение, где первым актантом ГЧ выступает неодушевленный предмет, а также формы, не управляющие ИГ с помощью предлога *от*. Итак, складывается следующая взаимосвязь между (не)одушевленностью первого актанта ГЧ и наличием управляемой ИГ, с одной стороны, и синтаксической функцией формы *отступя*, с другой:

Таблица 1

Взаимосвязь между синтаксической функцией формы *отступя*, (не)одушевленностью первого актанта ГЧ и наличием управляемой ИГ

синтаксическая функция формы <i>отступя</i>	первый актант ситуации ГЧ одушевлен	форма <i>отступя</i> управляет ИГ с помощью предлога <i>от</i>
результативное деепричастие	да	возможно
наречие	нет	нет
колебание деепричастие – предлог	да	да
предлог	возможно	да

Таким образом, наречное употребление отличается от всех остальных одновременным исключением одушевленного первого актанта ситуации ГЧ и управлением ИГ с помощью предлога *от*. Такое поведение дает повод рассматривать наречное употребление как «побочный продукт» приближения формы *отступя* к предложному употреблению. Эта позиция подкрепляется отсутствием наречного употребления уже во второй половине XX века. Другими словами, наречное употребление формы *отступя* представляет собой недолговечный феномен второй половины XIX и первой половины XX века (см. таблицу 2).

Как видно из таблицы 2, форма *отступив* развивается несколько иначе, нежели *отступя*. Если сопоставить общее количество вхождений формы *отступив* в данные подкорпуса с их употреблением как наречие, предлог или в контекстах, переходных между результативным и предложным употреблением, оказывается, что интересующие нас употребления составляют лишь очень маленькую долю. Рассмотрим ее. Как и у формы *отступя*, наречная функция (52) выходит из употребления в первой половине XX века.

- (52) *Прямо против глаз спиной к луне стоящая Шир-дор...; позади, чуть *отступив* в перспективу, две башни* (С. Кржижановский. Салыр-Гюль (1933)).

Частотность самих форм *отступя* и *отступив* и их различных употреблений

Период	Объем корпуса / слова	Количество вхождений		Употребление наречное, переходное (между результативной и предложной функциями), предложное	
		<i>отступя</i>	<i>отступив</i>	<i>отступя от</i>	<i>отступив от</i>
1801–1850	8 173 781	9	31	---	---
1851–1900	24 716 630	21	31	6 наречных	---
1901–1950	43 859 145	23	58	1 предложное	---
1951–	102 445 290	25	1881	2 наречных	3 наречных
				9 переходных	2 переходных
				5 предложных	1 предложное
				7 переходных	9 переходных
				12 предложных	1 предложное

Интересно отметить, что во второй половине XX века преобладает переходное употребление, которое колеблется между результативной и предложной функцией (53–54).

- (53) Возьмем две боковые доски и с помощью дрели со сверлом 2 см в диаметре просверлим в них дырки, *отступив от края доски 54 см и 3 см сверху* (Ю. Галактионова. Наступает тихий час // «Сад своими руками», 2003);
- (54) Однако лучше [шавель] *высеивать поздней осенью концентрическими кругами вокруг дерева, отступив 20 см от штамба* (А. Лебедева. В круге приствольном // «Сад своими руками», 2003).

Одушевленность первого актанта ситуации ГЧ способствует результативной интерпретации: мастер измеряет нужное расстояние от опорной точки и начинает работать на месте, определенном таким образом. Кстати говоря, все переходные случаи встречались в текстах, посвященных разным ремеслам и садоводству, где вышеупомянутый образ действия и, соответственно, результативная интерпретация особенно вероятны. Учитывая это, а также тот факт, что одним предложным употреблением (55) среди 1881 вхождения данной формы можно пренебречь, приходим к выводу, что форма *отступив* не располагает предложной функцией, но встречается в результативных конструкциях, проявляющих некоторое сходство с этой функцией⁷.

- (55) *И уже видна стала, чуть отступив от них, ближе ко мне, совсем невысокая стела, увенчанная темным бюстом* (Н. Пеньков. Была пора (2002)).

Итак, развитие семантики предложной формы *отступя от* можно описать следующим образом. Форма *отступя (от)* образована от глагола *отступить*. В семантику каждой лексемы данного глагола тем или иным способом входит идея перемещения, но релевантными для нас являются лексемы *отступить 1–3*. Ситуациям, которые обозначают эти лексемы, свойственны три шага осуществления: 1) 'X находится рядом с / в месте Y'; 2) 'X перемещается'; 3) 'X начал находиться на некотором расстоянии от Y'. Исходным пунктом развития предложной функции формы *отступя от* является результативное употребление деепричастия. При результативном значении деепричастия идея перемещения вытесняется на задний план, так как в фокусе результата находится не

⁷ Поскольку *отступив* и *отступя* встречаются в тех же конструкциях, синтаксис *отступив* обсуждать не будем.

действие, приведшее к состоянию, а само состояние. Перемещение, однако, является действием, приведшим к состоянию. Это приводит к тому, что при предложной форме *отступя от* первый шаг осуществления ситуации *отступить* превращается в модальную рамку 'можно было подумать, что Р расположен непосредственно рядом с Q'.

Идея перемещения, которая уже находится на заднем плане при результативном употреблении деепричастия, подвергается семантическому выветриванию. Первым индикатором выветривания является колебание формы между функциями деепричастия и предлога. Предложения с «колеблющейся» формой *отступя* обычно описывают ситуации, где первый актант ситуации ГЧ, идентичный со скрытым субъектом деепричастия, одушевлен и способен переместиться, но из контекста не ясно, является ли расстояние субъекта до какого-либо предмета результатом перемещения. Полное выветривание идеи перемещения достигнуто, когда первым актантом ситуации ГЧ выступают такие неподвижные, неодушевленные предметы, как дом, дерево и т. п. Семантическое выветривание идеи перемещения также сказывается на отношении между глагольным актантом Y и предложным актантом Р. Оба актанта управляются с помощью предлога *от*. Глагольный актант Y имеет семантическую роль 'начальная точка', так как он является исходным пунктом перемещения. Поскольку при предложном употреблении идея перемещения неактуальна, предложному актанту Р нельзя приписать роль начальной точки; ему следует приписать роль 'место': он обозначает ту точку в пространстве, на небольшом расстоянии от которой имеет место Q, однако расстояние между Q и Р не представляет собой результат перемещения Q.

Синтаксис

Как мы показали в разделе о современной морфологии, сферы действия глагола *отступить* и предложного употребления формы *отступя* хорошо определены. Поэтому мы рассмотрим здесь только следующие вопросы: а) переход СД глагола по актанту X в СД формы *отступя от* по актанту Q; б) сферы действия формы *отступя* при наречном употреблении; в) причины, приведшие к тому, что первичный предлог *от* становится частью составного предлога *отступя от*.

При ответе на вопрос а) следует учитывать наблюдения, сделанные при описании исторического синтаксиса предлога *спустя*. Переход СД глагола по актанту X в СД формы *отступя от* по актанту Q обусловлен заменой одного синтаксического правила другим, которая осуществляется вместе с выветриванием одной семы, в случае *отступя от* – семы 'перемещение'. Первое правило моделирует синтаксическое поведение деепричастия и заключается в том, что семантический актант X лексем *отступить* 1–3 синтаксически совпадает с агентивным первым актантом сказуемого ГЧ, т. е. ситуации ГЧ. Пока действует это правило, сохраняется и сема 'перемещение' (30).

Когда выветривается сема 'перемещение', исходное синтаксическое правило также постепенно теряет актуальность. Поэтому некоторое время актантом *отступя* можно рассматривать либо – по старому правилу – X, т. е. подлежащее сказуемого ГЧ, либо всю ситуацию ГЧ, в которую входит подлежащее сказуемого ГЧ (51). В конце концов появляется новое синтаксическое правило, согласно которому актантом предложной формы *отступя от* является сказуемое ГЧ с его актантами, т. е. целая ситуация. Образуется СД формы *отступя от* по семантическому актанту Q (2).

Существенным для вопроса б) является тот факт, «что переход деепричастий в наречия обуславливается потерей управления» [Черкасова 1967: 250]. Это видно и в наречном употреблении формы *отступя*, так как при нем не реализуется глагольный актант Y, т. е. форма *отступя* обладает только одной СД. Поскольку форма *отступя* в наречном употреблении определяет как первый актант сказуемого, так и действие, обозначенное сказуемым, мы определяем сферу действия формы *отступя* в наречном употреблении как ситуацию, обозначенную сказуемым и его актантами.

Прежде чем дать ответ на вопрос в), еще раз коротко рассмотрим СД лексем *отступить* 1–3 по актанту Y и СД формы *отступя от* по актанту Р. Как мы отметили

выше, оба актанта управляются с помощью предлога *от*, но почему мы определяем СД глагола по актанту Y как предложную группу (*от* + РОД), а СД по актанту P – как ИГ в родительном падеже? Другими словами, почему мы считаем предлог *от* составной частью предложной формы *отступя от*, но не составной частью лексемы *отступить от*? А чем отличается наречная форма *отступя* от предложной формы *отступя от*?

Лексемы *отступить* 1–3 располагают тремя актантами X, Y, Z; в зависимости от контекста их синтаксическая реализация факультативна (56). СД глагола по актанту Y следует определить как предложную группу потому, что опущение имени из предложной группы вызывает неграмматичность предложения (57) – если бы предлог не входил бы в данную СД, предложение типа (57) должно было бы считаться грамматичным:

(56) *Отступаю / Хозяин отступил / отступил от двери / отступил на три шага / отступил от двери на три шага;*

(57) **Хозяин отступил от.*

Предложную форму следует определить как состоящую из двух частей *отступя* и *от*, так как опущение предложной группы повлечет за собой замену предложной функции наречной (58). С другой стороны, P является первым актантом формы *отступя от* и, следовательно, опущение имени в родительном падеже, представляющего актант P, делает предложение неграмматичным (59).

(58) *Колокольни (кампаниллы) расположены, как правило, несколько отступя;*

(59) **Колокольни (кампаниллы) расположены, как правило, несколько отступя от.*

Кроме того, между наречной и предложной формами существует разница в составе семантических актантов. Как мы отметили выше, предлог *отступя от* обладает тремя семантическими актантами P, Q, R, из которых обязательной синтаксической реализации подлежат только P и Q. R имеет семантическую роль 'расстояние'. Наличие R обусловлено наличием предложной группы с *от*, так как наречная форма *отступя* не обладает этим третьим актантом (60):

(60) **Дом стоит отступя три метра / на три метра.*

Но поскольку сам предлог *от* – также в составе сложного предлога *отступя от!* – управляет актантом с семантической ролью 'место', актант 'расстояние' может быть свойственен только сложному предлогу *отступя от*. Из этого также следует, что при сочетании с предлогом *немного* имеет другой статус, нежели при сочетании с наречием. Поскольку при сочетании с предлогом слово *немного* заменимо количественной группой (61), оно имеет статус актанта с семантической ролью 'расстояние'. При сочетании с наречием такая замена невозможна (60); *немного* является модификатором наречия, но не актантом (62):

(61) *Дом стоит немного / на три метра отступя от улицы;*

(62) *Дом стоит немного отступя / немного далеко / очень далеко.*

Синтаксическую реорганизацию, т. е. становление формы *отступя от*, состоящей из деепричастия и части исходной предложной группы, можно объяснить как случай синтаксической реинтерпретации. Синтаксическая реинтерпретация представляет собой «an abrupt change of the underlying sentence structure with the surface structure remaining unaltered» [Birzer 2008: 109]. Анализ деепричастных предлогов в [Birzer 2008] показал, что действительно «reanalysis may occur as a component of a grammaticalization process» [Lehmann 2004: 160], но синтаксическая реинтерпретация не тождественна грамматикализации. Исследования формы *отступя от* подтверждает полученный в [Birzer 2008] результат, так как синтаксической реинтерпретации структур предшествуют изменения в семантике: выветривается сема 'перемещение', и форма *отступя* начинает сочетаться с неодушевленным предметом как первым актантом ситуации ГЧ. Не в последнюю очередь этот результат интересен потому, что «reanalysis is <...> itself not observable. Its accomplishment can only be diagnosed *ex post* when the construction behaves in ways that presuppose its new structure» [Lehmann 2004: 160]. Наш диагноз

поставлен лишь задним числом; тем не менее, мы можем установить место синтаксической реинтерпретации на временной оси грамматикализации, что пока не обсуждалось в литературе (ср. [Haspelmath 1998; Lehmann 2004]).

Морфология здесь не обсуждается, так как все существенные аспекты уже были рассмотрены в разделе о современной морфологии.

Заключение

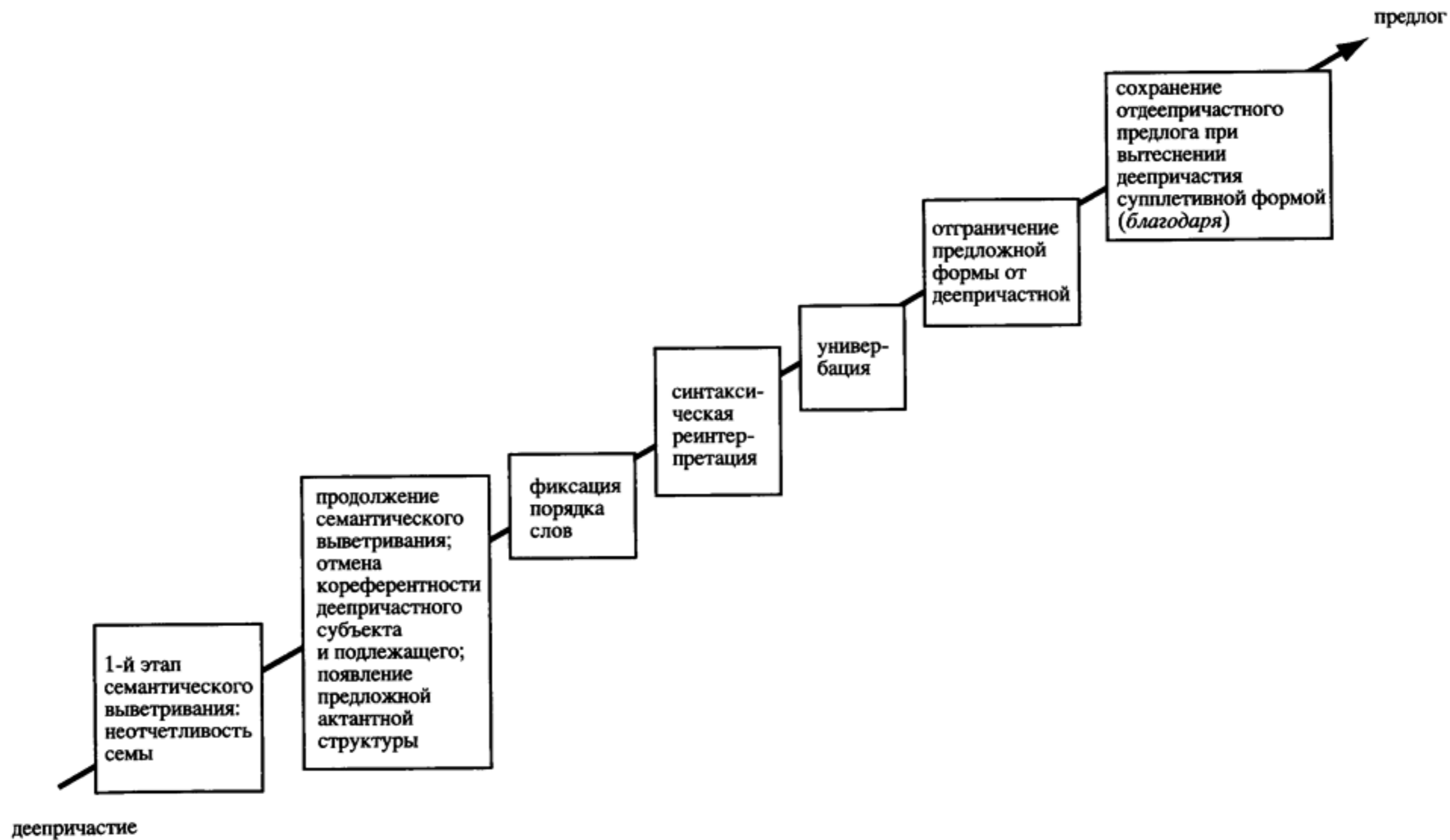
На сегодняшний день *отступя от* представляет собой колеблющуюся между функциями деепричастия и предлога форму, которая проявляет некоторые предложные черты, но еще не окончательно перешла в разряд предлогов. Признаком этого является тот факт, что деепричастный суффикс *-я*, сочетание которого с глагольной основой СВ стало непродуктивным и специализированным способом обозначения отдеепричастных предлогов, все еще употребляется как слабопродуктивный способ образования деепричастия СВ. Следовательно, специализация суффиксов, произошедшая в результате сужения парадигмы деепричастных суффиксов, в данном случае еще не полностью осуществилась.

Колебание формы *отступя от* также ощутимо в синтаксисе. С одной стороны, предложный актант R с семантической ролью 'расстояние' является типичным деепричастным актантом, так как он обозначает способ действия; с другой стороны, сферы действия по актантам P и (в меньшей степени) Q (определяющая сила формы *отступя от* ограничивается определением ситуации) подчеркивают предложные черты формы *отступя от*. На близость формы *отступя от* к разряду предлогов также указывает синтаксическая реинтерпретация, приведшая к тому, что словосочетание *отступя от* следует рассматривать как единицу, образованную из деепричастия *отступя* и предлога *от* из исходной предложной группы *от* + РОД, представляющей собой актант лексем *отступить* 1-3.

Поскольку семантика формы *отступя от* охарактеризована выветриванием семы 'перемещение', присущей исходным лексемам *отступить* 1-3, она указывает на процесс грамматикализации и, соответственно, на близость рассматриваемой формы к предлогам. Начальным пунктом семантического выветривания является результативное употребление деепричастия *отступя*. В фокусе результата находится состояние, вызванное осуществлением какого-либо действия, а не действие, приведшее к этому состоянию. Поскольку перемещение является действием, обозначенным лексемами *отступить* 1-3, оно вытесняется на задний план при результативном употреблении деепричастия *отступя*. Выветриванию семы 'перемещение' способствуют неодушевленные предметы, которые выступают как первый актант сказуемого ГЧ предложения, содержащего деепричастный оборот.

Процесс семантического выветривания, синтаксическое поведение и морфология формы *отступя от* позволяют провести параллели с отдеепричастными предлогами в русском (ср. [Birzer 2010]), английском (ср. [Kortmann 1991; König, Kortmann 1992]) и турецком языках (ср. [Birzer 2008]). Развитие отдеепричастных предлогов осуществляется аналогичным образом в типологически различных языках, поэтому можно предположить, что отдеепричастные предлоги прошли путь грамматикализации, отображенный в таблице 3 (подробное обсуждение данного пути см. в [Birzer 2010]).

Главным изменением в семантике при процессе грамматикализации является выветривание семы или сем грамматикализующейся формы, так как он влечет за собой изменения в семантике всей конструкции, в которую входит грамматикализующаяся форма. В случае отдеепричастных предлогов исходная ситуация семантического выветривания такова: соответствующие формы образованы от глаголов с прототипически агентивным первым актантом. Выветриваются те семы, которые указывают на агентивность первого актанга. Первым этапом семантического выветривания является неотчетливость семы. В случае предлога *отступя от* неотчетливость семы 'перемещение' выражается

результативным употреблением деепричастия, так как результатив выделяет результат действия, т. е. нахождение в другом месте, а не само действие, т. е. перемещение.

Следующие этапы грамматикализации касаются синтаксиса. Синтаксическая кореферентность деепричастного субъекта с подлежащим ГЧ обусловлена семантической кореферентностью: первый актант как глагола-деепричастия, так и глагола-сказуемого должен быть одушевленным и нести агентивные черты, иначе предложение воспринимается как бессмысленное. Прогрессирующее семантическое выветривание приводит к постепенному ослаблению и, наконец, к отмене этого правила. В результате неодушевленные предметы могут выступать как первый актант сказуемого ГЧ.

Далее актантная структура деепричастия «стирается» и заменяется актантной структурой предлога. Первым актантом предлога становится второй актант глагола, имевший синтаксическую функцию дополнения. Вторым семантическим актантом предлога является целая ситуация, чему на синтаксическом уровне соответствует сказуемое со всеми своими актантами. В этой связи напомним, что предложные группы, содержащие отдеепричастные предлоги (за исключением *спустя*), выступают лишь как модификаторы предложения (*Satzadverbiale; sentence adverbial*). Эта особенность, видимо, обусловлена их происхождением: деепричастие модифицирует сказуемое, а отдеепричастные предлоги расширяют унаследованную сферу модификации на сказуемое с его актантами.

Следующим этапом пути грамматикализации является синтаксическая реинтерпретация, т. е. исходно деепричастная форма – в случае двусоставных предлогов вместе с другими синтаксическими единицами – переосмысливается как один предлог. Синтаксическая реинтерпретация может осуществиться только при особых условиях. Если результатом синтаксической реинтерпретации является сложносоставный предлог, то переосмысливаемые в одну предложную структуру единицы должны проявлять синтагматическую линейность, т. е. исходно деепричастной форме должно предшествовать отрицание (*невзирая на*) и/или должна следовать предложная группа (*отступя от*). Значит, предпосылкой реинтерпретации является сужение синтагматической вариативности переосмысливаемых единиц.

Отграничение предложных форм от деепричастных представляет собой следующий этап на пути грамматикализации. Существует четыре способа отграничения: а) другое падежное оформление актанта (*благодаря*); б) первым предложным синтаксическим актантом становится нецентральный глагольный актант (*начиная с / от*); в) сращение исходно деепричастной формы с предыдущей синтаксической единицей, обычно отрицанием (*невзирая на*); г) специализация суффиксов (*спустя*). Имеет место универбация, т. е. предлог воспринимается как одно целое и больше не сегментируется на морфемы.

(Пред)последний этап пути грамматикализации⁸ – сохранение отдеепричастного предлога при вытеснении деепричастия супплетивной формой – также можно охарактеризовать как кристаллизацию. По С. Роспону [Rospond 1971] можно различать кристаллизацию форм и значений. Отдеепричастные предлоги представляют собой случай кристаллизации формы, так как исчезает деепричастная форма глагола, из парадигмы которого происходил отдеепричастный предлог, но значение этого деепричастия остается: его выполняет супплетивная форма. Вытеснение деепричастия из глагольной парадигмы пока еще не наблюдалось, но напомним, что *благодаря* проявляет такие тенденции, так как без модификатора форма *благодаря* воспринимается исключительно как предлог. Косвенным свидетельством этого феномена является союз *хотя*: изначально данная форма представляла собой деепричастие НСВ (несовершенного вида) глагола *хотеть*. На сегодняшний день *хотеть* не обладает деепричастием НСВ; на его место встала супплетивная форма *желая* (см. также [Birzer 2008]).

⁸ Помимо того, кристаллизация и представляет собой последний этап *Repartition*, т. е. разрешения соперничества между двумя идентичными по функции формами посредством того, что исходно общие для обоих соперников функции переходят в режим дополнительного распределения (ср. [Birzer 2010: 247–248]).

Отглагольное происхождение рассматриваемых предлогов приводит к тому, что они, перейдя в разряд предлогов, выступают исключительно как модификаторы предложения. Предлоги, входящие в ядро разряда, также модифицируют имя (*домик в лесу*) или даже выражают объектное значение (*сомневаться в друге*). Поэтому самым последним, но необязательным этапом на пути грамматикализации можно считать приобретение способности модифицировать имя. Из всех отдеепричастных предлогов этот этап прошел пока только предлог *спустя* (*Поиски спустя 20 лет ни к чему не привели*; ср. [Birzer 2010: 187–226]). Приобретение способности модифицировать имя равно приближению к ядру разряда предлогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. (Избранные труды. Т. I). М., 1995.
- Бабаева 2006 – Е.Э. *Бабаева*. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Ю.Д. *Апресян* (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография М., 2006.
- БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Недялков, Яхонтов 1983 – В.П. *Недялков*, С.Е. *Яхонтов*. Типология результативных конструкций. // В.П. *Недялков* (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Плунгян 2003 – В.А. *Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
- Черкасова 1967 – Е.Т. *Черкасова*. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.
- Birzer 2008 – S. *Birzer*. The development of deconverbal prepositions: reanalysis or grammaticalization? // E. Vajda (ed.) Subordination and coordination strategies in North Asian languages. Amsterdam, 2008.
- Birzer 2010 – S. *Birzer*. Русское деепричастие: процессы грамматикализации и лексикализации. (Slavolinguistica. 11). München, 2010.
- Haspelmath 1998 – M. *Haspelmath*. Does grammaticalization need reanalysis? // Studies in language. 1998. 22, 2.
- König, Kortmann 1991 – E. *König*, B. *Kortmann*. On the reanalysis of verbs as prepositions // G. Rauh (ed.). Approaches to prepositions. Tübingen, 1991.
- Kortmann 1992 – B. *Kortmann*. Reanalysis completed and in progress: Participles as source of prepositions and conjunctions // D. Kellermann, M. Morissey (eds.). Diachrony within synchrony: Language history and cognition. Papers from the International symposium at the University of Duisburg, 26–28 March 1990. Frankfurt-am-Main, 1992.
- Lehmann 2002 – Ch. *Lehmann*. Thoughts on grammaticalization. Erfurt, 2002. <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-2058/ASSidUE09.pdf>
- Lehmann 2004 – Ch. *Lehmann*. Theory and method in grammaticalization // Zeitschrift für germanistische Linguistik 2004. 32:2.
- Rospond 1971 – S. *Rospond*. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1971.
- Van Valin 2005 – R. *Van Valin*. Exploring the syntax-semantics interface. Cambridge, 2005.

Сведения об авторе:

Сандра Бирцер
Регенсбургский университет
sandra.birzer@sprachlit.uni-regensburg.de

© 2011 г. А.И. ФАЛИЛЕЕВ

**ВОПРОСЫ ЛИГУРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ.
LIGURICA SUB SPECIE CELTO-LIGURICAE ET INDO-GERMANICAE***

В работе рассматриваются лингвистические данные остатков лигурского языка и принимается взгляд тех исследователей, которые видели в лигурском два слоя: неиндоевропейский и индоевропейский (индоевропеизированный). По понятным причинам именно этому слою уделяется основное внимание. Исследование показало, что имеющиеся данные не позволяют видеть в нем так называемый язык «паракельтского» круга. Гипотеза о промежуточном положении лигурского между италийскими и кельтскими языками, принятая многими исследователями, также не находит подтверждения. Однако отрицание самого факта существования индоевропейского (или индоевропеизированного) лигурского языка, отличного от кельтского, что становится достаточно общим местом в трудах многих кельтологов последнего десятилетия, представляется неприемлемым.

Лигуры, проживавшие, согласно авторам античности, на севере современной Италии, южной Франции (и южной Швейцарии), привлекают внимание исследователей уже в течение нескольких веков. В первую очередь, они являются объектом изучения историков и археологов. При том, что количество публикаций, посвященных лигурам, с каждым годом увеличивается, они остаются одним из самых энigmatичных народов Западного Средиземноморья. О них мы получаем, подчас противоречивые, сведения от историков и географов Античности и раннего Средневековья. Сами же лигуры, как, скажем, и аквитанцы, молчат: в отличие от, к примеру, этрусков или иберов они не оставили после себя какого-либо корпуса надписей. В настоящей работе планируется остановиться на лингвистической стороне «лигурского вопроса». Вопросы лигурского языка (или языков) поднимались во многих работах, особенно итальянских лингвистов и филологов, и, похоже, пришло время предложить некоторый синтез того, что было сказано об этом идиоме за практически полуторавековую историю его изучения, при этом учитывая новые достижения в индоевропейских, и, в частности, кельтских исследованиях.

Следует начать, вероятно, с того, что этноним «лигуры», впервые упомянутый в приписанной Гесиоду генеалогической поэме «Каталог женщин» (Strab. VII, 3, 7), в разных написаниях (см. собрание свидетельств в работе [Barrauol 1999: 148–149]), достаточно хорошо представлен в трудах авторов античности. Как и следовало бы того ожидать, этнониму было предложено немало этимологий как индоевропейских, так и неиндоевропейских, степень гадательности которых, что также вполне ожидаемо, примерно сопоставима. Уже долгое время лигурский считался одним из доиндоевропейских «средиземноморских» языков, но взгляды на место лигурского внутри этой гипотетической макросемьи разнятся. Так, генетические связи лигурского и иберского подчеркивались в работах одних ученых и полностью отрицались другими (см., например, против этих связей уже [Müllenhoff 1892: 177; Kretschmer 1905: 110]; об иберских памятниках региона см. [De Hoz 2010]). Отстаиваемая рядом исследователей лигуро-

* Автор благодарен С.В. Иванову, П.А. Кочарову, Н.Л. Сухачеву и С.Р. Тохтасьеву за комментарии, любезно высказанные при прочтении ранней версии этой статьи.

этрусская общность, как отмечал еще Н.Н. Залесский [Залесский 1958: 59], «пока что покоится не на фактах, а главным образом на презумпции существования в Средиземноморье родственных неиндоевропейских языков». Лигурско-кавказские связи подчеркивались Й. Хубшмидом в его известной работе [Hubschmid 1967: 270–275], однако и эта точка зрения не была принята подавляющим большинством исследователей. Лигуры признавались индоевропейцами (см. уже [D'Arbois de Jubainville 1894]) и даже собственно кельтским племенем (гесп. группой племен), ср. [Cuno 1873]. Примечательно, что в последнее время появилось немало исследований, отстаивающих именно эту точку зрения, к анализу которых придется обратиться ниже. В дальнейшем лигурские (точнее, «кельто-лигурские», об этом понятии см. далее) данные были использованы и в построении «иллирийской теории», см. обсуждение этого вопроса в [Mees 2003: 17 ff.]. Существуют и более сложные схемы: так, по мнению некоторых ученых (ср. [Pisani 1953: 267 ff.; Georgiev 1981: 302; Tagliavini 1972: 90]), в лигурском надо различать два слоя: ранний (неиндоевропейский) и поздний (индоевропейский или, в другой концепции, индоевропеизированный). Индоевропейский слой в лигурском – с теми или иными оговорками – признавал целый ряд исследователей, см. [PID: 154, 158] с приведенной там библиографией. Согласно другой точке зрения, скудность имеющегося материала и известные противоречивые подходы в его интерпретации делают подобную гипотезу весьма уязвимой, см. [Evans 1979: 517–518 (библ.)]. Ф. Бальди [Baldi 1983: 166] считает лигурский «вероятно индоевропейским» («probably Indo-European»), при этом отмечая, что особых связей с другими языками этой семьи, включая итальянский и кельтский, для него не установлено. Впрочем, при рассмотрении лигурской проблемы не следует забывать и слова К. Жулиана, сказанные им в отношении лигуров более века тому назад: «De l'unité de nom, ne concluons pas à l'unité de race» и «L'unité de l'idiome ne prouve pas davantage l'unité de l'ascendance» [Jullian 1908: 119–120]. В этой связи можно привести и более сложное определение вопроса: «я считаю необходимым дифференцировать народ, называемый лигурами, который обитал в Римском regio Liguria, чья культурная самостоятельность очевидна, и который, возможно, говорил и на некотором и.-е. языке, о котором мы так мало знаем, и связанную с ним (общей) культурой неоднородную группу племен, возможно говоривших на разных языках, которая проживала на территории от Арно до Роны и даже, возможно, на северо-востоке Испании. Мы можем говорить о лигурах в узком и широком смысле слова» [Gorrochategui 2005: 175], ср. также [De Hoz 2010: 642].

Исходя из сведений античных источников территория распространения лигурских племен определяется следующим образом. На северо-востоке она доходила до Поебени и реки Тикинус (Ticinus, Liv. V, 35, 2). На юге ареал проживания лигуров распространялся до Этрурии, до совр. Пизы (согласно Юстину, Just. XX, 1, 11) или Пизы и Арртиума (так Полибий, Polyb. II, 16, 1f.), а согласно сложному фрагменту Скилакса (3), лигуры, возможно, проживали и в регионе Арно. Об их присутствии на территории Лациума и Рима рассказано в нескольких источниках (Festus, Serv. Ad Aen. XI, 317, Dion. Hal. I, 10, 3). Противоречива информация о западной границе расселения этих племен. Многие авторы упоминают, что Массалия (совр. Марсель) находится на лигурских территориях (Гекатей у Steph. Byz. s.v., Tim в Skymn 209, Justin. XLIII, 3.4.), а Скилакс (3) сообщает, что лигуры жили вперемежку с иберами на правом берегу реки Роны, в то время как Авьен (Or. Mar. 612) указывает на реку Оранус (совр. Lez близ Монпелье) как границу между иберскими и лигурскими племенами. Лигуров также находят историки и на Пиренейском полуострове, см. библиографию в [Untermann 2006: 1760–1761]. Согласно Филлостосу (Dion. Hal. I, 22, 4f, ср. Steph. Byz. s.v. Sikelia), древние насельники Сицилии – сикелы – являются лигурским народом (ср. [Tagliavini 1972: 84, библ.]), так же как и ранние жители Корсики (Cons. Ad Helv. 7, Solin 3, 3)¹. Для определения территории, занимаемой лигурскими племенами, были использованы

¹ См. [Müllenhoff 1892: 173–177; D'Arbois de Jubainville 1894: 10 ff.; PID: 147–149; Krahe 1936: 249–250; Залесский 1958; Bats 2003: 147–153].

и данные топонимии (см. уже [D'Arbois de Jubainville 1894: 48 ff.]), благодаря чему этот ареал значительно расширился. Так, К. Жулиан находил лигурские следы даже в Нормандии, и лигурское присутствие постулировалось и для ряда территорий юга Германии (см. весьма критическое мнение по этому поводу в [Krahe 1936: 252], где приводится соответствующая библиография). Лигурскую топонимку находили также и в Лузитании; критический обзор соответствующих работ см. в [Curchin 2009: 239 ff.].

Проанализировав исторические свидетельства, хронологическая неоднородность которых очевидна, Г. Барруол [Barrauol 1999: 153–154] предложил следующую схему их анализа, которая – весьма осторожно – может способствовать уточнению географического ареала, занимаемого лигурами в доримскую и римскую эпоху. До основания Массалии это племя (или, скорее, группа племен) было, похоже, уже известно грекам (возможно, благодаря родосцам, осваивающим западно-Средиземноморье уже в VII в. до н. э.). В VI–V вв. их территории простирались, по крайней мере, до устья реки Атакс. Источники последующих двух веков более обильны и позволяют уже очертить более широкую территорию – от западных Альп до Леманского озера, от р. По до р. Арно и долины Роны. И, наконец, после усиления кельтского населения в долине Роны и По, равно как и этрусской экспансии, в работах авторов древности возникает значительно более ограниченная территория (собственно, альпийские земли), изящно названная Барруолем «маленькой Лигурией».

Благодаря нескольким авторам древности известно, что лигуры отличались от соседствующих племен – как от иберов (уже Псевдо-Скилак, *Periplus* 3 и 4), так и от кельтов (Апполоний Родосский, *Аргонавтика* 4, 646–647). Мы, как кажется, не знаем ни одного использования термина «иборо-лигур». Понятие же «кельто-лигуры» мы находим впервые у Псевдо-Аристотеля (*de mir. Ausc.* 85), который в этом же фрагменте упоминает и кельтов. И лигуров, и кельто-лигуров мы встречаем у Плутарха (*Paul-Emile* 5, 6). Оба эти автора не дают никакой точной собственно географической информации. В этой связи представляет значительный интерес следующий фрагмент из Страбона (IV, 6, 3): «Древние греческие писатели называют саллиев “лигиями”, а страну, занимаемую массалиотами, “Лигистикой”; позднейшие писатели называют их “кельтолигиями” и присоединяют к их области всю равнину вплоть до Луериона и Родана, страну, обитатели которой, разделенные на десять частей, выставляли войско, состоящее не только из пехоты, но и из конницы. Эти племена римляне покорили первыми из заальпийских кельтов, хотя им пришлось долго воевать с ними и с лигурами, ибо последние заградили проходы, ведущие в Иберию вдоль побережья»². Хронологический аспект этого свидетельства, как кажется, очевиден, и появление термина «кельто-лигуры / кельто-лигии» необходимо ассоциировать с появлением заальпийских кельтов на этих территориях.

Кроме собственно термина «кельто-лигуры» / «кельто-лигии» в этой связи также следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство: в текстах авторов античности одно и то же племя могло называться и лигурским, и галльским, и даже «полугалльским»; см. ниже обсуждение **sasiām* и приведенные Г. Барруолем [Barrauol 1999: 162–163] ссылки на другие фрагменты работ ранних историков. Конечно, соотношение одного и того же (варварского) племени или группы племен с различными этносами и/или языковыми группами в ранних источниках является достаточно общим местом, касается ли это народов, проживающих на Иберийском полуострове или на Балканах. Также давно и хорошо известно, что языковая и этническая атрибуция племени не стоит в прямой связи с языковой принадлежностью этнонима, в том числе и по той причине, что нередко одним названием обозначается гетерогенное (и лингвистически, и этнически) население одного ареала, лучшей чему иллюстрацией может послужить история скордисков (см. [Фалилеев, в печати]). Можно в этой связи напомнить и о том, что один из фрагментарных древних кельтских языков, данные которого будут рассматриваться ниже, – лепонтийский – в истории филологической мысли назывался

² *Страбон. География* / Пер. Г.А. Стратановского; общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1964. С. 192–193. Ниже переводы даются именно по этому изданию.

кельто-лигурским; см. [PID: 65 ff.] и полную библиографию вопроса в [Schmidt 1983: 68], ср. [Lejeune 1971] и [Evans 1979: 518–520]. Примечательно (и досадно), что сам этноним «лигуры» недавно получил собственно кельтскую этимологию. Рассматривая кельтские племенные названия, отображающие историю племен («history of the tribes involved»), П. Де Бернардо Штемпель приводит здесь же цепочку *Ligures* < *Liguses < *(s)*lig-us-es* и объясняет это название как ‘победившие, выигрывавшие’ ([De Bernardo Stempel 2008: 109]; иную этимологию – к кельтск. **lig-* ‘ударять’ находим в более раннем труде этой исследовательницы [De Bernardo Stempel 2006: 46]). Этот курьез можно, по-видимому, оставить без комментариев; ссылки на (некельтские) этимологии этнонима, по объективным причинам -- более или менее гадательные, представлены в работах [Bats 2003: 148; Thollard 2009: 130]. Рассматривая этот круг вопросов, следует отметить и известный пассаж Плиния (HN III, 17, 124), в котором автор «Естественной истории» не соглашается с взглядом Катона на лигурские ассоциации одного из племен. По этому поводу Г. Барруоль [Barrauol 1999: 162] высказал, как представляется, достаточно разумное предположение: для Катона в рассматриваемом контексте понятие «лигурский» имело скорее географическое, нежели этническое / языковое содержание. Примечательно, что именно географическая составляющая традиционно играла важную роль в определении «лигурского вопроса», ср., например [Pisani 1953: 267]. В этом отношении также немаловажно, что этноним *vertamocogī* имеет отчетливо кельтскую этимологию и означает ‘самые лучшие (или высокие) войска’ *vel sim.* (ср. [De Bernardo Stempel 2008a: 107 (библ.)]), а известное еще Цезарю (Caes BG I, 10, 5) племенное название *vosontii* также позволяет кельтскую интерпретацию, хотя детали остаются не до конца выясненными, см. [DCC, s. vv].

Существует несколько интерпретаций термина «кельто-лигуры». Для части исследователей (как, например, А. Хольдера [Holder I: 976]) он имеет чисто географическую коннотацию – собственно кельты, проживающие на лигурских территориях. Любопытно, что именно на такой интерпретации соответствующих латинских композитов настаивают и лингвисты [Fruyt 2002: 267]. Другие ученые, например [Kretschmer 1905: 111] (ср. уже [Cupo 1873: 195]), являются сторонниками этнической интерпретации и говорят о смешанном кельто-лигурском населении. В этой связи, несомненно, стоит вспомнить и о сопоставимых понятиях «кельтиберы» и «кельтоскифы» и, как представляется, на сегодняшний день первая точка зрения разделяется большинством исследователей. Так, кельтиберы – это группа племен, говорившая на одном из диалектов «древнекельтского» (об этом понятии см. [Калыгин, Королёв 1989: 6]) и находившаяся в Иберии. Хотя в своей письменности кельтиберы использовали так называемый «иберский» алфавит, ни о каком смешении языков (и археологических культур) речи быть не может. При том, что кельты проникали на территорию Скифии³ (возможно, даже на берега Меотиды, см. [Фалилесв 2009a: 287–292]), нам неизвестен ни один памятник «кельтоскифского» языка, а археологи настаивают на том, что признаков смешения соответствующих культур (за исключением комплекса мужских погребений могильника Чаплин) не обнаруживается; см. [Ерёменко, Щукин 1992: 108]. В этой связи представляется уместным привести слова А.А. Королёва: «по-видимому, можно говорить даже о своеобразной моде у таких авторов, как Полибий, Страбон и Диодор Сицилийский, любивших везде усматривать “этнографических кентавров” – кельтиберов, кельтолигуров, кельтоскифов и т. п.» [Калыгин, Королёв 1989: 54]. В каком-то смысле такой подход, конечно, является несколько упрощенным – в последнее время появилось немало работ, посвященных анализу «этнографических кентавров», см., например [Bats 2003: 158 ff.] с приведенной обширной библиографией. Следует также обратить внимание и на то, что, как было отмечено, частотность использования термина «кельто-лигур» значительно уступает частотности использования термина «кельтибер»; см. [Thollard

³ Ср. свидетельство Плутарха (Marius XI): «здесь кельты и скифы смешиваются <...> И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя – кельтоскифы», *Плутарх. Гай Марий* / Пер. С. Ошерова // Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1986. С. 516.

2009: 130], где он назван «анекдотичным». Понятно, что в связи с вышесказанным в работах филологов и историков не может не наблюдаться определенной путаницы, которую многие исследователи пытались преодолеть, см., например [Lejeune 1972; Prosdocimi 1987: 561].

Впрочем, археологи достаточно уверенно выделяют кельто-лигурскую конфедерацию салиев или салувиев (*salyeni, saluvii*) с центром в Энтримонте во французском Провансе недалеко от современного Экс-ан-Прованса (*Aix-en-Provence*), населенного с IV в. и разрушенного римлянами в 125–123 гг. до н. э., см. [Cunliffe 1988: 48–49]⁴. Примечательно, что это племенное название недавно получило кельтскую лингвистическую интерпретацию [De Bernardo Stempel 2006a: 46], в достоверности которой, однако, можно сильно сомневаться, см. ниже. Следует также не упускать из вида и еще один подход к решению этого вопроса, условно называемый «не...не», то есть не кельты и не лигуры, используемый рядом археологов, см. библиографию в [Thollard 2009: 126]. В археологической литературе также частотны упоминания о кельто-лигурском искусстве. При этом нельзя забывать, что археологи связывают «лигурский этнос» с эпохой средней бронзы [Del Lucchese, Gambari 2006 (библиография)], в то время как появление кельтов на этих территориях археологически датируется более поздним временем, см. [Agostinetti 2004 (библиография)].

Что же касается собственно лингвистической составляющей этого вопроса, то следует отметить, что теория о «кельтской» сущности лигуров, появившаяся уже (по крайней мере) в последней трети XIX века (ср. [Cuno 1873]), получила столетие спустя новое развитие. Можно в этой связи также напомнить о том, что еще в прошлом веке многие ученые полагали, что лигуры говорили на том же языке, что и галлы. В веке нынешнем сходные взгляды начали весьма активно высказывать и лингвисты. Так, согласно К. Деламарру [Delamarre 2006: 36–37], термин «лигуры» означает «народы первых кельтских вторжений на юг Европы». Для П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 45–48; 2006a: 47–49] лигурский (кельто-лигурский) и есть ранний диалект кельтского. Согласно взглядам этой исследовательницы, вместе с кельтским диалектом древней Испании «кельто-лигурский» относится к первой фазе истории развития кельтских языков, называемой ею (по географическому признаку) «герцино-секвано-тикинской», которая характеризуется, между прочим, спорадическим сохранением и.-е. **p* и **eu*, а также **kʰ*-. О фонетике лигурского (и кельто-лигурского) речь пойдет ниже. Тут же можно отметить, что падение и.-е. **p*- (или его видоизменения, в том числе, и в интервокальной позиции) продолжает оставаться одним из основных показателей вычленения собственно кельтского из позднеиндоевропейских диалектов (см. библиографию в [Фалилеев 2006] и ср. [Sims-Williams 2007: 310]), и уже поэтому подход Де Бернардо Штемпель к этой проблематике можно расценивать как неудачный. Более того, как будет показано ниже, эта исследовательница предлагает видеть во всех топонимах ареала кельтские географические названия (ср., например [De Bernardo Stempel 2005b: 106], где кельтскими признаны *Dertona* и *Gaumellon*), что сопряжено со значительной произвольностью лингвистического анализа.

Тут следует отметить и еще один традиционный аргумент в пользу кельтского компонента «лигурского этноса» – некоторые имена лигуров, в том числе и их предводителей, рассматривались как кельтские (или сходно выглядящие), как, например, имя вождя салувиев *Teutomalius*, ср. уже [Cuno 1873: 197; Kretschmer 1905: 111]. При этом следует учитывать и то, что еще К. Мюлленгоф [Müllenhoff 1892: 193] отметил, что в отличие от кельтских антропонимов лигурские имена являются по преимуществу односоставными и весьма часто их финальный согласный оказывается удвоенным, ср.

⁴ В других местах этой работы Б. Канлиф говорит о салувиях и лигурах, проживающих в это время и в этом же месте, отдельно, ср. [Cunliffe 1988: 56]. См. недавно по этому вопросу [Gogochategui 2005: 181–182; Thollard 2009: 142–144, и карты на с. 145] и особенно [Bats 2003]. Положение, согласно которому лигуры – это «греческое имя племени саллиев» [Буданова 1991: 122], вызывает недоумение.

Vecco, Donnus, Vlattius, Vippius, Tuellius, Vecco, Mocco, Metellius, Albiccius, Cracca и т. д. Согласно П. Кречмеру [Kretschmer 1905: 124–125], однако, эти данные ни в коем случае не говорят в пользу неиндоевропейского характера лигурского языка. Более того, Кречмер отмечает, что имена лигурских предводителей Donnus и Cottius, упомянутые Страбонам (Strab. IV, 6, 6), напоминают сокращенные формы сложных галльских имен Donnotaurus и Esannekottios. Исследователь также ссылается на кельтский компендий А. Хольдера (см. [Holder s vv.]), где приводится значительное количество аттестаций имени Donnus, а также указывает на частотность использования имени Cotto, Cottus, Cotus в галльской антропонимике. В этой связи можно отметить, что, согласно Кс. Деламарру, имена Vecco, Donnus, Vlattius, Vippius, Vecco, Meltellius, Albiccius, Craccus являются кельтскими по происхождению (см. [Delamarre 2007: 192, 88, 203, 201, 192, 132, 16, 76] соответственно с указанием на источники). Сложность выделения собственно лигурских имен неоднократно подчеркивалась исследователями (ср. [Barrauol 1999: 145 (библ.)], однако благодаря работам, прежде всего, Ю. Унтерманна (см. [Untermann 2006: 1762–1769] и приведенную там библиографию) и в этом направлении исследования лигурских лингвистических остатков был достигнут существенный прогресс. В любом случае наличие кельтских по происхождению антропонимов не делает их носителей автоматически этническими кельтами, или, точнее, людьми, для которых какой-то диалект «древнекельтского» был родным. Как отмечал П. Симс-Уилльямс [Sims-Williams 1998: 7], «едва ли надо напоминать о том, что языковая принадлежность имени не обязательно соответствует языку, на котором говорит его носитель. Этому мы обязаны и многим социальным факторам <...>. Многие Шоны и Квины не говорят по-ирландски, в то время как многие Рианы и Келли говорят по-валлийски. Возможна даже обратная связь между именем и языком, на котором носящий это имя говорит». Аналогичный подход следует применять и при анализе антропонимии на периферии кельтской ойкумены, будь то Восточная Европа или Галатия, ср. [Фалилеев 2003: 214–215] и [Falileyev 2007: 255–256]. При этом следует учитывать и то, что обнаруженные в эпиграфике региона лингвистически кельтские личные имена в реальности отражают присутствие кельтских поселенцев на указанной территории.

Как мы видим, кельтско-лигурские ассоциации регулярно появляются уже более века на всем протяжении изучения лигурского языка и истории лигуров. Можно в этой связи выделить несколько аспектов применения соответствующего термина. Во-первых, «кельто-лигурскими» называли надписи в регионе современного Лугано на востоке «лигурских» территорий, которые на сегодняшний день признаются кельтскими (лепонтийскими). Во-вторых, этот же термин был применен рядом историков и археологов для обозначения результата или процесса сосуществования пришельцев-кельтов и лигуров-автохтонов, и в первую очередь – на западе лигурского мира. И, наконец, именем «кельто-лигуры» (а чаще просто «лигуры») в работах современных исследователей нередко обозначаются собственно кельтские переселенцы из трансальпийской Галлии, осевшие на этих землях. Понятно, что в рамках этой последней концепции не остается места ни для предыстории лигуров, известной по археологическим исследованиям, ни для языковых реалий, ассоциируемых с лигурами.

При этом не стоит забывать, что лигурский язык относится к категории Rest- и Trümmersprachen (об этих понятиях см. [Untermann 1989] и статьи, опубликованные в [Vineis 1983]), корпус его памятников весьма ограничен, а ареал его распространения, как оказалось, является весьма подвижным. Если еще век назад исследователи полагали, что в нашем распоряжении имеются эпиграфические данные (см., например [Kretschmer 1905: 97–108]), то на сегодняшний день эти памятники единодушно интерпретируют как кельтские (собственно лепонтийские; см. выше и ср. [Калыгин, Королёв 1989: 47–53] и [Uhlich 1999]). Впрочем, еще полвека назад ряд ученых достаточно сочувственно относились к допущению, что лигуры, как и другие этносы древней Италии, могли заимствовать систему письма у этрусков, и в этой связи целый ряд надписей, преимущественно в регионе морского побережья (в частности, в районе г. Луна), рассматривался как возможно лигурские, см. [Залесский 1958: 56 (библ.)]. На сегодняшний день у этой

гипотезы иногда и появляются приверженцы, ср. [Lejeune 1971: 144] (противоположное мнение см., например, в работе [Prosdocimi 1987: 561]), однако чтение соответствующих памятников может быть настолько по объективным причинам затруднено, что никакой уверенности в том, что они действительно содержат лигурский материал, не существует, тем более, что читаемые надписи вполне допускают кельтскую интерпретацию, см. [Morandi 2004: 695 ff.] и ср. [De Bernardo Stempel 2006a: 49]. Таким образом, наши знания этого языка (или языков) основываются на достаточно фрагментарных данных: ряде глосс и ономастике.

Лишь несколько «лигурских» слов известно по цитатам из авторов древности. Самое раннее из них по фиксации – это $\sigma\upsilon\upsilon\nu\nu\alpha\iota$ ‘торговцы’, зафиксированное Геродотом (V, 9 «сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев»⁵). Уже К. Мюлленгоф [Müllenhoff 1892: 191] отметил, что это слово не имеет параллелей ни в одном известном языке, а П. Кречмер [Kretschmer 1905: 120] в этой связи резонно обратил внимание на тот факт, что лексемы с этим значением не относятся к индоевропейской древности и возникли независимо друг от друга в отдельных языках, и это (несомненно верное) наблюдение исследователя предполагает, что для него форма $\sigma\upsilon\upsilon\nu\nu\alpha\iota$ является собственно лигурской. Согласно же К. Жулиану [Jullian 1908: 123], в $\sigma\upsilon\upsilon\nu\nu\alpha\iota$ Геродота следует видеть название племени, перешедшее в апеллятив, и в таком случае, как полагает Г. Краэ [Krahe 1936: 248], для изучения лигурского языка эта лексема оказывается бесполезной. Напомню, что в этом же фрагменте Геродот сообщает о народности сигиннов, живущей за Истром, и что жители Кипра называют этим словом копия, ср. [Frisk II: 702] (и ad hoc этимологию в [PID: 159]).

Второй «лигурский» апеллятив известен нам благодаря Плинию (HN XVIII, 141), *secale Taurini sub Alpibus asiam vocant*. Так как у этого автора (HN III, 17, 123) таурини относятся к лигурам, *antiquae Ligurum stripe* (об их лигурской принадлежности сообщает и Страбон, IV, 204), слово рассматривалось как лигурское. Оно было сопоставлено с баскским материалом, что, естественно, могло бы быть существенным аргументом в пользу неиндоевропейского происхождения лигурского языка. Впрочем, этот подход был раскритикован еще на заре лигурских штудий, в частности К. Мюлленгофом [Müllenhoff 1892: 178], а У. Стоукс [Stokes 1873–1875] высказал предположение о кельтском происхождении этого слова и его галльской атрибуции. Стоукс предложил читать его как *sasiam* (гаплография, *Alpibus (s)asiam*, однако см. [OLD: 181]) и сравнил его с скрт. *sasyá-m* ‘Getreide, Feldfrucht’, авест. *hahya* и валл. *heidd* ‘ячмень’, что было с сочувствием воспринято рядом ученых, см., например [Krahe 1936: 248], Ю. Покорный в [IEW: 880; Matasović 2009: 323]; примечательно, впрочем, что мы не находим его в галльском компендиуме Кс. Деламаппа [DLG].

Как полагают (ср. [Krahe 1936: 248]), существуют и экстралингвистические факторы, позволяющие считать *(s)asiam* галльским словом – уже к 218 г. до н. э. племя таурини Тит Ливий (XXI, 38, 5) называет «полугалльским племенем» (*semigalli*). Впрочем, лексема имеет индоевропейский статус, и этот факт не может не поставить вопрос о возможности собственно лигурской атрибуции этого слова. Действительно, схожесть или абсолютная идентичность отдельных лексем в различных индоевропейских языках – явление достаточно распространенное, и, к примеру, мало кто верит, что *porcos* ‘поросенок’ из известнейшей лузитанской надписи (в асс. sg. *porcom*) является латинским, а не лузитанским словом. Согласно Ю. Покорному [IEW: 880], приведенные в свое время Стоуксом слова позволяют восстановить и.-е. протоформу **sasia-*, которая глоссируется в словаре как ‘Feldfrucht’. Впоследствии к этим данным был добавлен и хеттский материал (*sēsa-*). На сегодняшний день исследователи соглашаются в том, что эти индоевропейские слова восходят к общеиндоевропейскому корню со значением ‘сеять’ (**seh₁-* [LIV: 517]), но детали их дальнейшего развития остаются дискуссион-

⁵ Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского; общ. ред. С.Л. Утченко. Л., 1972. С. 241.

ными⁶. Важно в этой связи замечание Э. Хэмпса [Hamp 1985: 12], отметившего семантическое сужение в развитии этого слова в бриттских (кельтских) языках (следует также учесть, что значение хеттской лексемы остается проблематичным). Мы, к сожалению, не знаем, как в лигурском мог бы быть отражен соответствующий индоевропейский этимон (ср. здесь попытки реконструкции в работе [Pisani 1953: 278], где лексема рассматривается как лигурская), тем более, что в продолжениях индоевропейского слова имеются существенные вариации. При этом стоит отметить, что в ряде исследований слово и на самом деле рассматривается как лигурское⁷. Нельзя убедительно доказать и то, что *(s)asiam* является заимствованием в лигурский из кельтского, хотя кельто-лигурские контакты, если даже не говорить о смешении, кажутся несомненными. То, что оно может быть в реальности и кельтским словом, как полагал в свое время Стоукс, абсолютно подтверждается данными внутрикельтского развития.

К этому явно недостаточно впечатляющему списку вслед за многими исследователями лигурского языка можно добавить и фитоним *saliunca*, известный благодаря Диоскуриду (I, 7 (8) σαλιούγκα) *Valeriana celtica*, произраставшего в Лигурийских Альпах. Сопоставление фитонима *saliunca* с галльск. *Salicilla* (ср. лат. *salix*), предложенное Стоуксом, было не принято уже П. Кречмером [Kretschmer 1905: 120], в первую очередь по причинам семантическим, но также с учетом словообразовательного фактора, ср. также [PID: 160–161]. Таким же образом сравнение *saliunca* и топонима *Salionca* не принимается современными исследователями, см. [Gortochategui 2005: 159; Villar, Prósper 2005: 470], где принято иное морфологическое деление топонима. Важно, что слово, скорее всего, содержит типично «лигурский» (и, вероятнее всего, доиндоевропейский) суффикс, о котором см. ниже. Многие исследователи отмечали, что слово может быть как кельтским, так и лигурским, см. еще [Vetter 1926: 526]. Идея о некельтском происхождении фитонима представляется более обоснованной – и в связи с достаточно некельтской конфигурацией лексемы, и учитывая отсутствие каких-либо параллелей как в древне-, так и в новокельтских языках. Дискуссия же о том, принадлежит ли слово доиндоевропейскому слою лигурского или нет, представляется малопродуктивной.

Примечательно, что в поздних рукописях фитоним σαλιούγκα дается без начального *s-* (см. [Tomaschek 1884: 106]), что сразу заставляет нас вспомнить о проблемах рассмотренного выше *(s)asiam*. Можно в скобках напомнить здесь о том, что, согласно некоторым исследователям (ср. [Rubat Borcl 2006: 207]), в данном случае мы имеем дело с языковой закономерностью **s- > 0*. Однако, как мы видели, по крайней мере часть приводимых в этой связи примеров можно объяснить собственно графическими причинами. Следует также учитывать, что итальянский исследователь не приводит в списке иллюстраций этот лигурский апеллятив, так как его интересуют только кельтские фонетические закономерности. Впрочем, с точки зрения собственно кельтской исторической фонетики постулирование этого перехода для столь раннего времени достаточно противоречиво, см. [Фалилсев 2006]. Конечно, можно было бы оторвать это «кельто-лигурское» развитие от бриттского ослабления **s (> h)*, сославшись на его самостоятельность в этом раннем диалекте, однако для такого вывода данных явно недостаточно. С другой стороны, принимая во внимание сходные процессы, наблюдаемые, на первый взгляд, и в лексике, которую принято считать лигурской, в падении (начального) **s-* можно было бы видеть собственно лигурскую закономерность, повлиявшую на фонетику кельтского диалекта этого региона. Однако и в этом случае наличие иных объяснений и общая скудность данных не позволяют прийти к сколь-либо надежным выводам.

Здесь же стоит упомянуть и этноним Ἄμβρωνες, который рассматривался в качестве самоназвания лигуров, и известен только благодаря Плутарху (Marius 19): «самые воинственные из варваров – амброны тоже бросились к оружию <...>, они все ярост-

⁶ Ср., например [Mayrhofer II: 717] и [Matasović 2009: 323], где кельтские формы выводятся из протоформы с нулевой огласовкой **sh₁s-*.

⁷ Ср., например [Vetter 1926: 525], Уотмо [PID: 158]; [Ernout, Meillet 1967: 51] (с сомнениями), [Georgiev 1981: 302] и Д. Адамс в [Mallory, Adams 1997: 236].

но подпрыгивали и выкрикивали “Амброны!” – то ли оклика друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры, первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, стали кричать в ответ, что и они, и предки их из рода в род прозывались амбронами»⁸. Ранние объяснения этого слова, признанного «сомнительным», см. [PID: 161]. Оставляя в стороне дискуссию, связанную с интерпретацией этого пассажа Плутарха, следует только отметить, что этноним вполне допускает кельтскую лингвистическую интерпретацию – в связи с кельтск. **am(b)r-* ‘текущая вода’ (ср. [Mees 2003: 25]).

Некоторые ученые (например [Pisani 1953: 279], ср. [Baldi 1983: 166]), рассматривают в качестве лигурского и апеллятив *lebēris* ‘кролик’⁹. Исследователи (см. ссылки в [PID: 160]) даже делали попытку увидеть лигурск. *lebēris* в топонимике, объясняя им топоним *Lebriemelum*; гипотеза, впервые предложенная в 1928 г., разделяется и ныне многими исследователями, см. [Mariani 2003: 243–244] с полным морфологическим анализом географического названия и библиографией, ср. также [Rubat Borel 2006: 205]. Однако в классической филологии это слово, как и лат. *lepus*, считается заимствованием из иберского, ср. [Frisk II: 94] и см. библиографию в [Vetter 1926: 526–527]. Также лигурским словом считается у некоторых исследователей и гапакс *rauicelos* ‘*Pinus cembra*’, засвидетельствованный у Плиния (Plin. HN XV, 36), см., например [Pisani 1953: 278] и попытки его этимологического объяснения в [PID: 160]. Но и тут не все просто. Редакторы Оксфордского словаря латинского языка, скорее всего, считают его латинским и осторожно предлагают его сопоставление с лат. *rauis* [OLD: 1578]. А. Эрну и А. Мейе допускают его лигурское происхождение, однако тут же указывают на возможность чтения этого слова как *agaucelos* [Ernout, Meillet 1967: 565]. По поводу сложного лигурского или иберского βαλαροί (Paus. X, 17, 9) см. [Vetter 1926: 526–527] и [PID: 161–162]. См. далее [PID: 162 ff.], где приводятся глоссы, которые рассматривались теми или иными учеными как лигурские; какой-нибудь особой уверенности в правильности их языковой атрибуции нет.

На этом список апеллятивной лигурской (и псевдолигурской) лексики, известной по античным источникам, заканчивается, однако сам список лигурских апеллятивов этими примерами по понятным причинам не ограничивается. Как известно, исследователи уже долгое время пытаются выявить аспекты влияния лигурского субстрата на формирование романских языков (см. [Tagliavini 1972: 92–93, 114 ff.] с библиографией), в том числе и в лексическом, ср., например [Vetter 1926: 529–530] и [Hubschmid 1966: 148 ff.]. Понятно, что поиск субстратной лексики (см. в более широком аспекте работу [Сухачев 2002]) в романских языках и диалектах, имеющий уже давнюю традицию, приводит к интересным результатам, однако полной уверенности, что та или иная лексема была заимствована именно из лигурского языка, как представляется, быть не может. Впрочем, разделяемый в этой работе достаточно скептический подход отнюдь не нов. В этой связи кажется уместным привести следующую цитату о сходных взглядах, которых придерживался и известный итальянский филолог эпохи Возрождения: «Клаудио Толмеи высказывает предположение о наличии этрусского слоя лексики, ассимилированного латынью <...>; однако ученый не знает методов и оснований, при помощи которых, как он сам говорит, можно было вычленил этрусский элемент, т. к. не известен исходный материал – этрусский язык» [Степанова 2000: 321]. Сдержанные романисты сходно относились к этому вопросу – достаточно вспомнить, что В. Майер-Любке помещает в одном и том же разделе индекса к своему словарю и кельтские, и «лигурские» формы, отметив, что «die Scheidung zwischen Gallisch und Ligurisch ist nicht streng durchzuführen», и тут же приводит слова с пометой «vortömisch» [Meier-Lübke 1972: 1180]. Скептицизм по этому поводу высказывали и современные итальянские диалектологи, см., например [Azaretti 1977: 5].

⁸ Плутарх. Гай Марий / Пер. С. Ошерова // Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1986. С. 523–524.

⁹ λεβηρίς, ср. Strab. III, 2, 6 о Турдетании: «животных-вредителей здесь немного, за исключением зайчиков-землероск, которых иные называют кроликами, ибо они уничтожают и самые растения и семена, поедая корни. Эти вредители встречаются почти всюду в Иберии, вплоть до Массалии, и угрожают островам» (перевод Г.А. Стратановского, оп. cit., С. 142).

Кроме глосс, некоторые сведения об апеллятивной лексике лигурского языка мы можем получить при анализе памятников сосуществующих кельтских идиомов. Так, слово *pala*, известное в лепонтийском корпусе ([Lejeune 1971: 81–82], ср., например, раннелепонтийскую надпись из Vergiate, PelKui : Pruiam : Teu : kaliTe : Palam ‘Пелкосу (или Белкосу) Дейво надгробие оградой обнес; этот самый поставил надгробный камень’ [Uhlich 1999: 300], перевод дается по работе [Шмидт 2007: 7]), считается заимствованием из лигурского субстрата. Примечательно, впрочем, что оно рассматривалось в свое время и как собственно кельтское образование (ср., например [Kretschmer 1905: 101]), однако эта гипотеза была решительно отклонена, см. [Krahe 1936: 243 (библ.)] и ср. [IEW: 545]. Было отмечено, и это немаловажно, что слово встречается и в лигурских топонимах, как, например, Vindupalis, интерпретируемом как ‘(река) с белыми камнями’¹⁰. Считалось, что лексема является доиндоевропейской, и было высказано предположение о ее заимствовании в романские диалекты, см. [Tagliavini 1972: 115 (библ.)]. Понятно, что о точном и безоговорочном ее соотношении с исключительно лигурским языковым материалом говорить не приходится. Следует, впрочем, отметить, что для многих исследователей «*pala*» все-таки остается индоевропейским словом, ср. греч. πέλλα ‘камень’, см. [Georgiev 1981: 301 (библ.)] и ср. также [Pelligrini 1983: 34–35; Mallory, Adams 1997: 548]. Таким образом, если лексема и на самом деле является лигурской, ее отношение к индоевропейскому «слою» языка отнюдь не исключено, хотя, впрочем, она может оказаться и заимствованием из доиндоевропейского субстрата, ср. также [Lejeune 1971: 87, 115]. Кроме того, лепонтийские надписи сохранили и несколько личных имен с (вероятно) «патронимическим» суффиксом *-alo/-ala-*, который рассматривался рядом исследователей как лигурский, см., например [Калыгин, Королёв 1989: 52]. Действительно, выделение суффиксов с *-l-* в лигурском имеет долгую традицию, ср. уже [Müllenhoff 1892: 183; Kretschmer 1905: 11; Vetter 1926: 528 (библ.)], однако в данном случае лигурский явно не при чем, см. [Markey, Mees 2003: 137–144].

К сожалению, как и век назад, основным нашим источником изучения лигурского языка остается топонимика очерченного выше лигурского ареала. По понятным причинам ее анализ сопряжен со значительными сложностями, вызванными, не в последнюю очередь и хронологической, и, главным образом, лингвистической гетерогенностью топонимического ландшафта. Если даже довериться авторам древности и безоговорочно принять их соотнесение того или иного географического названия с лигурским языковым материалом, то их количество оказывается в действительности весьма ограниченным. Пожалуй, самым известным из этой группы географических названий является раннее название реки По в связи с сообщением Плиния (III, 16, 122): *Ligurum quidem lingua annem ipsum Bodincum vocari, quod significet fundo carentem*. Уже К. Мюлленгоф [Müllenhoff 1892: 191] сопоставил этот гидроним с и.-е. **bhudhno-* ‘Boden’, как в лат. *fundus* [IEW: 174], ср. [Mallory, Adams 1997: 247], и это сопоставление было принято в последующей литературе, см. [Kretschmer 1905: 119; Jullian 1908: 123; Krahe 1936: 248]. Детали реконструкции возводимых к этой индоевропейской протоформе слов в отдельных языках, возможно, и могут позволить рассматривать здесь и анализируемый гидроним, тем более, что для ряда соответствий, например, греч. ποθμῆν, значение ‘река’ хорошо установлено, см. [Mayrhofer II: 228–229; Frisk II: 620–621; Топоров 1978]. Если принять лигурское происхождение этого гидронима, то в таком случае можно выделить суффикс *-ink-* (см., однако, [Pisani 1953: 277] и [Georgiev 1981: 302], где **-ŋ -ko-*; в этой связи ср. [Brugmann 1906: 484] и см. ниже).

¹⁰ См. [Калыгин, Королёв 1989: 52; Pisani 1953: 279; Devoto 1962: 201; Petracco Sicardi 1981a: 75–76] с дальнейшей библиографией. Гидроним заслуживает особого внимания. С точки зрения П. Де Бернардо Штемпель, которая видит практически во всех географических названиях региона реликты самой ранней стадии истории кельтских языков, название реки является кельтским [De Bernardo Stempel 2006a: 49]. Имеются и более сложные подходы к исследованию этого гидронима, см. [Prósper 1998]. Лингвистическая атрибуция этого речного названия, которое я продолжаю считать лигурским, будет подробно рассмотрена в другой работе.

Следует тут также обратить внимание и на тот факт, что гидроним называется по-разному в других известных языковых традициях. Так, название этой же реки Ῥιδανός (см. ссылки на его упоминания в [Pape, Benseler 1911: 471]), согласно одним исследователям – греческого происхождения (так и у Плиния (HN III, 16, 117); ср. др.-греч. ἤριον ‘могильный холм, курган, могила’), однако другие ученые возводили эту форму к гидрониму Rhodanus, или предлагали еще более сложные, в том числе и субстратные, объяснения; см. [Frisk I: 643–644 (библ.)]. Не вызывающую никаких вопросов лингвистического порядка кельтскую интерпретацию этого гидронима мы находим в работе [De Bernardo Stempel 2005b: 105], ср. [Delamarre 2008]. Название же реки Πάδου (ср. попытку этимологически связать его с Vodincus в [PID: 159]) также было объяснено как кельтское П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2000: 96], из галльск. *pādos* (в генитиве). Согласно этой исследовательнице, галльский гидроним может быть возведен к **kʷōd-ós* ‘быстрая (река)’ или **kʷā-do-s* ‘the Bulging / Swelling (river)’. Однако, как уместно замечает П. Симс-Уильямс [Sims-Williams 2006: 200], еще Г. Краэ отметил краткость корневого гласного в этом гидрониме, что полностью перечеркивает возможность предложенной кельтской этимологии.

Рассмотрим в связи с анализом гидронима Vodincus кельтские географические названия этого региона и сопредельных областей, которые могут иметь в своем составе суффикс *-ink-*. Из этого списка следует по формальным признакам исключить целый ряд данных, как, например, кельтский этноним Abrincas (ср. его написания в [DCC: 37]). Согласно Г.Р. Айзаку [PNPG], он означает ‘the unreachables, the untouchables’ и содержит **rinco-* ‘reach, attain’ (ср. др.-ирл. *ro-icc*, *ricc* ‘reach, attain’, < и.-с. **pro-*, *h₂enk’-* ‘reach’ [LIV: 268; IEW 316–318]), но интерпретируется как ‘the confluence people’ П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2008a: 106 (библ.)]. Аналогичным образом сюда не относится Durotincum (близ La Grave во Франции и Villejoubert, Ст. St-Denis-lès-Murs там же), который представляет собой кельтский композит **duro-*, **tinco-*; об этих компонентах см. [DCC: 18, 32]. Что же касается собственно суффикса *-ink-*, то он обнаруживается в целой группе географических названий. На территории современной Франции (в нелигурском ареале) засвидетельствованы следующие. Топоним Agedincum (совр. Sens) упомянут уже Цезарем, ср. Agedinci (Caesar BG 6, 44; Agedinci 7, 10; Agedincum (var. egedincum) 7, 59; 7, 62), и считается кельтским, ср. галльск. **agedo-* (так [PNPG])¹¹. Не исключена галльская этимология и для географического названия *Reginca* (Saint-Malo), хотя компонент **rego-* совсем не обязательно является кельтским. Проблематичным остается и топоним Uguncis (совр. Illzach, Uguncis IA 252, 2, Virincis (var. ogincis, udirincis, utirencis) 349, 5) – известное предложение выводить его из кельтского гидронима Olruna представляется весьма неудачным. Также кельтскую этимологию, похоже, имеет и Lemincum (совр. Chambéry), возводимый к **lēmō-isco-*, однако он находится уже в ареале распространения лигурских географических названий. Сложным для анализа остается топоним Varrincum (Gap), являющийся галльским для Кс. Деламарра, согласно которому [DLG: 438] он образован от галльск. *uero-* ‘говорить’ с помощью суффикса *-isco-* и, возможно, означает ‘lieu des bavards, querelleurs’, что кажется не очень убедительным. В старой литературе это географическое название считается лигурским, ср. [IEW: 1149]. Следует также обратить внимание на то, что в ранней бриттской топонимике суффикс *-ink-*, похоже, не встречается.

Как известно (см. критический обзор в [Pharies 1990: 114 f.]), суффикс *-ink-* был в центре внимания романистов и индоевропейцев уже долгое время. Благодаря его частотности в исторически «лигурских» землях он был признан в свое время (индоевропейским) лигурским, см. [Philipon 1906], и эта теория немедленно получила как своих противников, так и сторонников¹². Индоевропейские основы этого суффикса, известно-

¹¹ Значение и этимологию компонентов кельтских географических названий см. в [DCC].

¹² Сходным образом суффикс *-ank-* в западнороманских языках возводили в свое время к дороманскому индоевропейскому (лигурскому) источнику, см. обзор литературы в [Pharies 1990: 135–153]. Суффикс обнаруживается во многих и.-е. языках, в том числе и в топонимике, ср. [Villar, Prósper 2005: 435–436].

го во многих группах языков, были тщательно проанализированы, см. уже [Brugmann 1906: 484–487], где он рассматривается как распространение основ на назальный. Как мы видим, он не столь частотен в кельтских географических названиях, но весьма продуктивен в топонимии Западного Средиземноморья, в том числе и в Провансе [Philippon 1906: 3 ff]. Хотя территория собственно (итальянской) Лигурии, согласно Дж. Петракко Сикарди [Petracco Sicardi 1981: 25], дает лишь один пример его использования – рассматриваемый гидроним *Bodincus*, как представляется, кельтская этимология этого речного названия (к галльск. **boudo-*, *boudi-* ‘победа, трофеи’), возможность которой нередко упоминается в литературе, должна быть отклонена, в том числе и с учетом морфологического фактора.

В этой связи стоит еще раз обратить самое пристальное внимание на морфологические особенности топонимов в тех регионах, которые населяли лигуры, и в первую очередь на суффиксацию. Как и суффикс *-ink-*, суффикс *-isk-* известен во многих индоевропейских языках. В лигурском, согласно П. Кречмеру [Kretschmer 1905: 123], он используется для выражения принадлежности, в то время как в кельтском мы находим его в этнонимах с темными этимологиями и ряде достаточно сложных топонимов. Это действительно так. Для начала рассмотрим данные, которые исходят из регионов, совершенно точно не связанных с лигурским присутствием. Топоним *Alisca* (близ *Szekszárd* в современной Венгрии) традиционно рассматривался как кельтский именно в связи с суффиксом. Если он в действительности является кельтским, то для этого географического названия вполне возможна цельная кельтская этимология. Однако с точки зрения П. Анрайтера [Anreiter 2001: 205], оно вполне возможно является паннонским по происхождению. Также по этому региону (близ античного *Aquincum*) известен и этноним *Eravisci*, который рассматривался и как кельтский, и как кельтизированный паннонский [DCC: 122]. Географическое название *Isinisca* (локализовано на пути от *Pont Aeni* до *Augusta Vindelicum* в современной Германии) может содержать этот суффикс, но морфологическая структура этого топонима остается загадочной, ср. аттестации *Isunisca* [TP 3,3]; *Isinisca* [IA 236, 3; 258,9]; *Isinisca* (var. *Isinisca*) (257, 3). Находящийся немного к северу от Лугдунума (совр. Лион) *Matisco* (совр. *Mâcon*), по крайней мере, допускает кельтскую интерпретацию, к галльск. **matuli-*, однако существование топонимов *Matasco* (северная Калабрия) и *Matascum* (Пьемонт, см. о них [Hubschmid 1966: 70–71]), равно как и его географическое положение, делает его кельтскую атрибуцию несколько уязвимой, о суффиксе *-ask-* см. ниже. Топоним *Labisco* на территории аллоброгов (ближайшие поселения *Augusta* и *Lemincum*) не вызывает немедленных кельтских ассоциаций (хотя галльская этимология отнюдь не исключена) и также находится в лигурском ареале.

Согласно П. Де Бернардо Штемпель, суффикс *-isk-* (или конгломерация суффиксов) в кельтских этнонимах может использоваться для обозначения выделенной из большего племенного образования группы. Этот тезис исследовательница иллюстрирует примером этнонима *Koniskoi* (Кантабрия), известного благодаря Страбону, который, впрочем, не дает никаких свидетельств о его этнической / языковой принадлежности, лишь отмечая, что племя является кантабрийским¹³. Де Бернардо Штемпель рассматривает это племенное название в связи с этнонимом *Konioi*, см. [De Bernardo Stempel 2008a: 113]. Следует также отметить, что многие исследователи считали это племенное название иберским (см. [Holder, s.v.]). В принципе, предложенный Де Бернардо Штемпель анализ суффикса *-isk-* может быть релевантен и для анализа восточно-европейского племени *Voisci* (см. [Фалилеев 2009a: 289–291]), однако он невозможен для интерпретации двух балканских этнонимов, *Scordisci* и *Taurisci*; см. [Фалилеев, в печати] и приведенную там библиографию. В этой связи следует обратить внимание и на название горного массива в Малой Армении *Skordiscos* (Ptol. V, 6, 7), который, скорее всего, с этнонимом напрямую не связан [Sims-Williams 2009: 463–464]. Как и в Лигурии, целый ряд топонимов на *-isk-* зафиксирован на античной карте Балкан, и многие из них были – в

¹³ См. (Strab. III, 4, 12): «к северу от кельтиберов живут вероны, соседи кантабрийских конисков» (перевод Г.А. Стратановского, op. cit. С. 157); о лингвистическом анализе *Cantabria* см. [DCC, s. v.].

то или иное время – признаны кельтскими. Подобный подход является неоправданным (см. уже [Mihailov 1987]), и эти географические названия могут относиться к различным лингвистическим слоям, выделяемым в этом регионе. Поскольку я планирую детально остановиться на проблеме лингвистической атрибуции этих топонимов в другой работе, здесь я приведу только эти названия, лишь отметив, что кельтскими они не являются и что возможна их интерпретация как латинских или автохтонных образований: *Scretisca* (к югу от совр. Софии), *Securisca* (в районе совр. г. Плевна), *Transmarisca* (Тутракан), древнее название совр. г. Ниш, гидронимы *Oescus* и *Tibiskos fl.* и т. д.

История индоевропейского суффикса **-isko-* (возможно, скорее **-isk'o-*, однако см. [Lubotsky 2001]) уже долгое время занимает исследователей. Его рефлексы находят в целом ряде языков, см. работу [Olsen 1999: 345–347] с недавней библиографией. Также известно, что за последовательностью *-isk-* могут скрываться и другие морфологические конфигурации, как, например, в случае с этнонимами *Falis-ci* и *Vols-ci*. Для данного же исследования важным остается то, что в зоне кельто-лигурского взаимодействия носители обоих этих идиомов располагают в своих языковых арсеналах стратегией использования производных с этим суффиксом. Однако, как было показано выше, предположение Кречмера о сложности интерпретации соответствующих кельтских данных находит подтверждение и на современном уровне сравнительно-исторического изучения кельтских языков. Таким образом, можно еще раз высказать предположение о преимущественно лигурской атрибуции достаточно многочисленных топонимов с искомым суффиксом на рассматриваемой территории.

Однако традиционно «наиболее лигурским» является суффикс *-asc-*, ср. уже [D'Arbois de Jubainville 1894: 48–63] и ср. [Vetter 1926: 528 (библ.)], и именно он оказался в центре дискуссии о предыстории лигурского языка. Индоевропейское его происхождение отстаивалось П. Кречмером, который, между прочим, объяснял его как использование суффикса *-sk-* для распространения *ā*-основ. Согласно Г. Краэ [Krahe 1936: 253], суффикс является неиндоевропейским по происхождению, однако может быть использован в гибридных образованиях. На этот счет существуют и другие мнения. Так, в связи с «древнесвропейскими» построениями Г. Краэ с участием этого форманта было отмечено, что «появление таких суффиксов, как *-asc-*, является всего лишь представлением варианта вокализма приемлемого северо-западного индоевропейского суффикса *-isc-*, а аблаут в суффиксе, вызывающий это чередование, хотя и не реконструируемый для индоевропейского, мы находим, хотя и редко, в северо-западных индоевропейских диалектах» ([Mees 2003: 23], со ссылками на балтийский и германский материал). Для Ф. Бальди [Baldi 1983: 166] суффикс также является индоевропейским; примечательно, что упоминая форму *Vinelasca*, он выделяет в ней суффикс **-sk-*. С точки зрения Дж. Уотмо [PID: 155 (библ.)], *a-* в суффиксе появился благодаря аналогии: речные названия древней Италии нередко содержат суффикс *-sk-*, присоединенный к основам на *a*. Существуют и иные попытки объяснения суффикса как индоевропейского и как субстатного; ссылки на них и их анализ см. в известной работе Й. Хубшмида [Hubschmid 1967: 35–43]. Сам же этот автор, известный апологет теории средиземноморской доиндоевропейской языковой зоны, анализировал *-asco-/-usco-* как неиндоевропейский и сопоставлял с ним баскские данные [Hubschmid 1967: 138–143]. Неиндоевропейским (наряду с *-osca* и *-usca*)¹⁴ считал его и В. Томашек [Tomaschek 1884: 106]. Идея о «средиземноморском» распространении и происхождении суффикса, иногда трактуемого как цепочки суффиксов, отстаивалась и развивалась целым рядом ученых, см. ссылки в работе [Зеликов 2003].

Собственно лигурским и индоевропейским признавал этот суффикс В. Пизани [Pisani 1953: 278], который сопоставил его с данными других, в его терминологии,

¹⁴ Топоним *Tarusco* (совр. *Tarascon-sur-Ariège* во Франции), вероятно содержащий суффикс **-usc-*, иногда рассматривали как кельтский, что представляется маловероятным, см. [Sims-Williams 2006: 198 fn. 27]. Можно также напомнить и о том, что кельтская этимология была предложена и для античного названия Тараскона (см. [DLG: 291]), что также малоубедительно. Вопрос о морфологической структуре этнонима *Ru(i)gusci* в Ретийских Альпах (и его лингвистической принадлежности) остается открытым.

средиземноморских языков. В качестве параллелей итальянский ученый приводит армянский пример (*At'en-açi* 'афинец') и также ссылается на ликийский суффикс *-azi*. Как отмечал в этой связи ярый сторонник теории лигурско-кавказских связей Й. Хубшмид [Hubschmid 1967: 143], в армянском этот суффикс мог бы быть заимствован из субстратного языка, связанного с лигурским. Однако гипотеза о субстратном происхождении армянского суффикса должна быть оставлена – лингвисты настаивают на его индоевропейском происхождении. Действительно, суффикс *-ac'i* etc. (в том числе и с семантикой принадлежности), хорошо засвидетельствован в армянском, ср. также *k'atak'ac'i* 'гражданин' при *k'atak'* 'город', см. собрание примеров в работе Б. Олсен [Olsen 1999: 348 ff.]. Исследовательница связывает его с и.-е. суффиксом **-isk'o-* (о котором см. выше), полагая, что в истории языка он был заменен позднее на *-ask'o-* (ср. историю генетива, датива и аблатива *a-*основ), и приводит в качестве параллели лигурск. *Bergamasco*, впрочем, не углубляясь в лигурскую проблематику, см. [Ibid.: 344–348] с обширной библиографией, учитывающей данные целого ряда и.-е. языков, и ср. также (недавно) [Untermann 2006: 1762; Olsen 2009: 125]. Примечательно, что этот подход к анализу арм. *-ac'i* очень напоминает попытку Кречмера возвести лигурск. *-ask-* к тому же и.-е. **-isk'o-*. Следует, впрочем, учитывать и то, что в качестве альтернативного решения этого вопроса Олсен упоминает также возможность того, что арм. *-c'* может восходить и к и.-е. **-tj-*, но считает возведение армянского суффикса к и.-е. **-isk'o-* более предпочтительным.

Топонимия Западной Европы, содержащая суффикс *-ask-*, была собрана Й. Хубшмидом и проанализирована как средиземноморская. В дальнейшем территориальный фактор позволил выделить группу географических названий предположительно лигурского происхождения с этим формантом. Показательно, что многие из них имеют откровенно производный характер, ср. гидроним *Veraglasca* и этноним *Veragri* (вероятно, кельтский по происхождению, см. [Lejeune 1972: 265]), *Tuleasca* и *Tuledu*, *Neviasca* и *Nevia*¹⁵. Топоним *Vindasca* (совр. *Venasque* во Франции) толковался по-разному, в том числе и как кельтский, и как доиндоевропейский, см. ссылки в [DCC, s.v.] и ср. [Hubschmid 1966: 61]. Географическое положение населенного пункта по крайней мере позволяет соотнести его название с лигурскими языковыми остатками региона. Можно также отметить возможную связь с гидронимом *Vindupalis*, о котором речь шла выше¹⁶. Речное название, как и топоним, может содержать лигурск. **vindV-* 'белый', сопоставимое с кельтск. **vindo-* 'id.' и, возможно, с германскими данными (см. ссылки в [Wodtke et al. 2008: 722]).

Представляется, что попытки лингвистически атрибутировать суффикс *-asko-*, наблюдаемый в (вероятно) лигурских топонимах, а *ргіогі* наталкивается на неразрешимую проблему. Действительно, как свидетельствуют данные других и.-е. языков, и в первую очередь армянского, суффикс может иметь вполне надежную индоевропейскую этимологию. Однако распространение ранних географических названий с этим суффиксом выходит далеко за границы того ареала, для которого мы предполагаем лигурское присутствие. Можно было бы, конечно, высказать гипотезу о существовании в этом значительном географическом регионе в древности иных и.-е. языков (генетически близких к лигурскому – ?), в которых этот словообразовательный формант был также продуктивен. Впрочем, оснований для подобной гипотезы, как видится, нет. В то же самое время очевидно, что отчетливо неиндоевропейские географические названия на *-asko-*, неотделимые от топонимов на *-usko-*, указывают на особый слой топонимии Западного Средиземноморья. То, что суффикс не является индоевропейским, не становится, однако, помехой (в том числе и) для его лигурской атрибуции, что, в частности, хорошо иллюстрируется возможностью оформлять с его помощью и кельтские заимствования.

¹⁵ См. [De Bernardo Stempel 2009: 156]. Примечательно, что в этой же работе П. Де Бернардо Штемпель (loc. cit.) возводит *Belaisca* (в *Contrebia Belaisca*, совр. *Cabezo de las Minas* (Botorríta) в Испании) к **bel-ask-yā*.

¹⁶ Сюда же относится, возможно, и топоним *Vindalium* (совр. *Mourte de Sève*).

Дальнейшая разработка этого круга вопросов сопряжена со значительными сложностями, вызванными, как представляется, с одной стороны, отсутствием сколь бы то ни было точных сведений о генетических связях языков Западного Средиземноморья, а с другой – возможной ассоциацией несопоставимых, но сходно выглядящих формантов. Последнее положение было изящно проиллюстрировано Ю.В. Откупщиковым [Откупщиков 1988: 95] на примере ряда топонимов, имеющих последовательность *-in*, выделение которой как общей морфемы, содержащейся в географических названиях *Дублин*, *Пушкин* и *Берлин* является неоправданной и смехотворной.

Объективные сложности, связанные с интерпретацией лигурских данных, суммарно дают вполне ожидаемый эффект, и скептицизм исследователей, занимающихся этой проблематикой, регулярно выплескивается на страницы академических изданий. Так, как пишет Д. Эллис Эванс, «лигурская проблема <...> до сих пор не находит удовлетворительного решения» [Evans 1979: 517], а, согласно Н.Н. Залесскому [Залесский 1958: 58], «лигурский язык – область еще более темная, чем язык этрусский». Однако, как представляется, причин уж для такого уровня скептицизма, не говоря уже о панике, нет. Рассмотренный выше фрагмент лигурского корпуса показывает, что он, очевидно, отличен от кельтского, и, по крайней мере, часть его допускает индоевропейскую интерпретацию. Другая же часть рассмотренных примеров, похоже, действительно уводит нас в неиндоевропейский мир. Таким образом, в этой работе принимается взгляд тех исследователей, которые видели в лигурском два слоя – неиндоевропейский и индоевропейский (индоевропеизированный). По понятным причинам в этой статье далее речь пойдет именно об индоевропейской стороне лигурского языкознания, анализу которой может способствовать исследование следующего фрагмента лигурского корпуса – этнонимии.

Г. Барруоль [Barrauol 1999: 139–143], собрав все известные этнонимы разного происхождения лигурских территорий на юге современной Франции и, исключив из этого списка латинские племенные названия (например, *Montani*), предложил их лингвистический анализ, уделив особое внимание морфологической структуре, а именно суффиксации. На с. 140 своего важнейшего исследования он приводит сводную таблицу рассматриваемых данных, причем кельтские этнонимы, в выделении которых Барруоль следует советам К. Гуйвонарха, оказываются специально помеченными. По понятным причинам нас не будут интересовать те графы, в которых приводятся однозначно кельтские по происхождению вторые части композитов (а не суффиксы), как, например, *-riges* (*Caturiges*) или *-corii* (*Tricorii*). Сведения же Барруолем в одном месте кельтских этнонимов на *-brigi* (*Segobrigi*) и *brogi* (*Allobroges*) неоправданно, ибо эти составные кельтского ономастикона имеют разные этимологии и, соответственно, значения. Выделение суффикса *-ares* на основании единственного примера – племенного названия *Savares*, которое рассматривается как кельтское, но не обязательно галльское в работе [Gogochategui 2005: 179] – совершенно неправомерно, так как оно возводится к кельтск. **cauaro-*.

Сложности вызывает и включение Барруолем в одну группу – с выделением суффикса *-eri-*, который он считает преимущественно кельтским [Barrauol 1999: 142] – двух этнонимов (*Suetri* и *Suelteri*), рассматриваемых как кельтские. Галльская этимология первого из них, если не сказать большего, весьма проблематична, и, в любом случае, этническое название вряд ли содержит искомый аффикс. Этноним *Suelteri* же, если он действительно является кельтским, не вполне понятен с точки зрения морфологии, см. в этой связи [DCC: 208], где приводится дальнейшая библиография. Что же касается суффикса, то он, несомненно, не является исключительно кельтским (или лигурским), см. [Sims-Williams 2006: 244]. То же самое можно сказать и про этнонимы *Sebaginni* и *Vergunni* (кельтский для Барруоля); и с точки зрения языковой принадлежности, и с точки зрения морфологического анализа эти этнические названия являются энigmatическими, см. [DCC: 197, 233].

Некоторую путаницу мы наблюдаем и при рассмотрении суффикса *-auni*, где приводятся этнонимы *Ligauni*, *Segovellauni* и *Vellauni* – дело в том, что два последних

примера содержат известное галльск. **uellauno-* 'власть, правитель' vel sim. (ср. др.-ирл. *folnathir* 'правит' и, далее, др.-корнск. *gulat gl. patria*, др.-валл. личные имена *Cat-guollaun*, *Iud-guollaun* и *gulat gl. regia*). Первый же из приведенных примеров, также (вероятно) кельтский, действительно содержит рассматриваемый суффикс. Однако происхождение суффикса, которое ряд ученых возводит к кельтскому **-āmn*, продолжает вызывать дискуссии. В этой связи уместно будет вспомнить и об анализе племенного названия *Anauni* (Италия): согласно П. Де Бернардо его следует интерпретировать как 'оставшиеся' (< **anh-mn-oi*, ср. ирл. *anaid*), см. также [De Bernardo Stempel 2008a: 104], где приводится сравнение этого этнонима на семантическом уровне с лигурск. *Statielli*. Однако Г.Р. Айзак (PNPG, s.v. *anauo*) возводит этническое название к галльск. **anauo-*, соответственно 'богатое (племя)'. Однако и в данном случае все не так просто. Если этноним *Ligauni* все-таки не является кельтским, а лигурским («средиземноморским» [Baguol 1999: 141]), то его можно было бы сопоставить с другим племенным названием, считающимся лигурским – *Ingauni* (Strabo IV, 6, 1 и т. д.¹⁷). Если оба они являются лигурскими по происхождению (кельтская этимология последнего, впрочем, предложена в работе [De Bernardo Stempel 2005b: 106]; ср. [De Bernardo Stempel 2006a: 46], однако выглядит недостаточно убедительной), то нам остается только гадать о его морфологической структуре, и в любом случае, выделение на этой основе «лигурского» суффикса *-auni* – как это делает Барруоль – представляется неоправданным.

Сходные вопросы вызывает и выделение суффикса *-turi(i)* – если первый из двух приводимых Г. Барруолем примеров (*Egiturii*) является лингвистически энigmatическим, то этноним *Nemeturii* сразу же заставляет вспомнить об известнейшем галльск. **nemeto-*, хорошо представленным в топонимике, ср. в этой связи племенные названия *Nemetatoi* (Испания) и *Nemetes* (Германия), а также географические названия *Nemetacum* (совр. *Arras* во Франции), *Nemetobriga* (*Trives Viejo* (*Puebla de Trives*) в Испании) или *Nemetodurum* (*Nanterre*, Франция), см. [DCC, s. vv.; De Bernardo Stempel 2005a: 76] в связи с морфологическим анализом галльского слова. Следует, впрочем, отметить, что *-urV-* остается в центре дискуссий (ср. [Villar, Prósper 2005: 32–37]), а компонент **nemet-*, в принципе (см. [Sims-Williams 2007: 309–310]), может быть и некельтским¹⁸. Уместно также напомнить, что Барруоль считает оба эти этнонима некельтскими. Не все однозначно и с приводимыми этим автором этнонимами на *-ntii*: резонно признанный Барруолем кельтский этноним *Sentii* относится все-таки к группе племенных названий на *-ii* (ср. галльск. **sentos* 'путь, дорога'), а *Sogiontii* рассматривался целым рядом ученых как лигурский. Этноним же *Vediantii*, по крайней мере, допускает кельтскую интерпретацию, а в современной кельтологической литературе рассматривается как собственно галльский. Об этих этнических названиях см. [DCC, s. vv.] с приведенной там литературой. Таким образом, в этой подгруппе скорее всего некельтскими оказываются только два этнонима *B(γ)odiontii* и *Sogiontii*. Понятно, что суффикс, с помощью которого образуются эти этнонимы, достаточно распространен в европейской этнонимике. Отметим, что, согласно наблюдениям Г. Барруоля [Baguol 1999: 142], этнонимы с этим суффиксом часто встречаются на юго-востоке Галлии.

В списке Барруоля весьма частотными являются этнонимы на *-ates*, и автор [Ibid.: 141] резонно отмечает, что их присутствие не ограничивается собственно лигурской территорией. Однако сам этот список нуждается в определенной ревизии. Часть этих племенных названий может иметь кельтское происхождение¹⁹, а приводимое автором

¹⁷ Согласно В.П. Будановой [Буданова 1991: 100], «ингавны» – «жители италийского города Альбингаунума»; это положение не нуждается в комментариях.

¹⁸ Соответствующее имя в надписи *Mi Nemeties* на камне из Генуи (V в. до н. э.) считается многими исследователями кельтским, ср. [De Bernardo Stempel 2006a: 49]. См., впрочем, более осторожный подход, например, в работе [Agostinetti 2004: 231] и собственно этрусский в [Bats 2003: 152 (библ.)].

¹⁹ См. [DCC, s. vv.] *Deciates*, *Dexivates*, *Edenates*, *Quariates*; два первых признаны безоговорочно кельтскими Г. Барруолем. Примечательно, что Плиний (HN III, 5, 47) считает первое из приведенных здесь племен лигурским.

Gaesates не является, собственно говоря, этнонимом (см. [Фалилеев 2009б: 520–522]). Рассмотренные здесь Adunicates и Savincates могут, на первый взгляд, свидетельствовать в пользу выделения компонента сложных имен *-cates*; впрочем, морфологический облик второго из приведенных здесь этнонимов скорее свидетельствует о суффиксальном его образовании, см. в этой связи выше по поводу суффикса *-ink-*. Нельзя не согласиться с Барруолем, что этнонимы с суффиксом *-ates* не являются эксклюзивно лигурскими; о суффиксе в кельтском см. [Фалилеев 2009б: 522] и приведенную там дальнейшую библиографию и ср. в более широкой перспективе [Тохтасьев 2005: 72–78]. Согласно Г. Барруолю, «в отличие от этнических названий на *-enses* <...> обозначающих только обитателей данного города, в Галлии этнонимы на *-ates* означают собственно племена, даже если в их основе лежит название населения по названию населенного пункта» [Barrauol 1999: 141]. Суффикс *-enses* встречается в целом ряде этнонимов, например, Samnagenses, Caenicensis (приведенная Барруолем форма Vaigientes по понятным причинам сюда не относится), и вычленение аффикса позволяет выделить еще целый ряд некельтских лексем. С помощью еще одного распространенного суффикса *-ani(i)-* образована другая группа этнических названий: Bormani, Briciani, (V)esubiani и Comani, которые рассматриваются Барруолем (за исключением последнего) как кельтские. В этой связи следует отметить, что лингвистическая атрибуция этнонима (V)esubiani остается спорной (см. [DCC: 234]), а этническое название Comani может иметь и кельтское происхождение, к префиксу **kom-*. Об этой модели в кельтском топонимическом ландшафте см. [PNPG, Possible Celtic elements, s.v. *coto-*]. Таким образом, и эта подгруппа остается достаточно проблематичной.

Большее количество материала для исследования представляет собранная Барруолем группа этнонимов на *-ini(i)*, однако и здесь нужно внести некоторые поправки. Так, Ecdinii, contra Барруоль, может быть рассмотрено как кельтское племенное название (ср. [De Bernardo Stempel 2008a: 107 fn. 67 (библ.)]), а Segusini, похоже, следует анализировать как производное от топонима Segusio. Компонент **sego-*, несомненно, весьма частотен в континентальной кельтской топонимике, но в этой связи следует обратить внимание на особенности морфологии рассматриваемого топонима. Дело в том, что модель на *-sio* в кельтских географических названиях достаточно проблематична. Так, Akousion (Montélimar во Франции) хотя и допускает кельтскую этимологию, но рассматривается как некельтский индосвропейский Кс. Де Хозом [De Hoz 2005: 178–179]. Avisio (обычно ассоциируемый с Cale St-Laurent), может также быть кельтским по происхождению (к галльск. **au-*), но это отнюдь не обязательно. Elusio (Montferrand), остается в любом случае проблематичным, а Salisio (Bad Salzig, Германия), где поиск лигурских топонимов неоправдан, теоретически может быть возведен к кельтск. **sal-* (который может, вероятно, быть атрибутирован и иным наречиям), однако ср. здесь и личное имя Salius [CIL XII, 4469]. Топоним Alision интерпретируется как **ali-sya* одними исследователями [De Bernardo Stempel 2005a: 88], но как **alis-ya* другими (ср. [DLG: 38f.] и см. по поводу суффикса в кельтском [Villar, Prósper 2005: 173–176]). Этноним Taurini, вопреки Барруолю (однако см. попытку доказать обратное в работе [De Bernardo Stempel 2008a: 102 (библ.)]), которая, впрочем, не встретила поддержки у большинства исследователей), скорее всего, не является кельтским, в то время как Vegusini, действительно скорее лигурский, может иметь и кельтскую этимологию. Таким образом, эта группа дает нам Memini и Veaminii, а также, возможно, Segusini и Vegusini; Taurini остаются загадочными.

При рассмотрении этнонимов на *-oni(i) / -ones*, приводимых Барруолем [Barrauol 1999: 142], который, между прочим, отмечает, что суффикс известен, кроме лигуров, германцам и кельтам, необходимо учесть следующие замечания. Во-первых, все приведенные формы за исключением Usenii и Nemaioni(i) допускают кельтскую интерпретацию, и в любом случае эти оставшиеся два племенных названия, скорее, относятся к группе на *-ii*. В эту группу, согласно исследователю, входит целый ряд некельтских этнонимов, но в реальности они все (Anatili, Nerusii, Oxubii, Reii, Sallivii) могут быть теоретически и кельтскими по происхождению, и часть из них построена по иной

модели. Так, согласно П. Де Бернардо Штемпель ([De Bernardo Stempel 2006a: 46] со ссылками на ее более ранние работы), *Nerūsii* < *ner-usii 'the manly ones', *Salluvii* < *Sallui* < *Salues* < **s/wes* 'the own ones' (ср. *Sucbi*, о сходной мотивации в кельтских этнонимах ср. недавно [Фалилеев 2006: 306–310]), *Oxubii* 'обитатели высоких мест' (или 'олени-убийцы'). Эти этимологии вызывают ряд сомнений. Так, в случае с салувиями исследовательница выпускает из вида то, что используемые ею варианты названия относятся к разным традициям (см. в связи с этим – недавно – [Thollard 2009: 127]), и без тщательного анализа засвидетельствованных форм, учитывающего особенности и вокализма, и консонантизма, и самой мофологической конфигурации, предложенный анализ выглядит достаточно произвольным. Выделение этой исследовательницей последовательности *-usii* в этнониме *Nerūsii* не находит параллелей в кельтском корпусе – можно в этой связи напомнить, что А. Хольдер анализировал его как *Nēr-ūs-īi*, ссылаясь на Д'Арбуа по поводу его лигурской атрибуции [Holder II: 726]. В связи с кельтской этимологией *Oxubii* ср. также (лигурский – ?) этноним *Orobii* (*Ogumobii*, *Ogumbovii*), см. [Petracco Sicardi 1981: 60] и ср. свидетельство Плиния (HN III, 5, 47) о его лигурской атрибуции.

В список этнонимов на *-ici-* Г. Барруоль включает единственный, с его точки зрения, некельтский *Camatulici*, однако кельтская этимология остальных племенных названий (*Albicci*, *Avatici*, *Avantici* и тем более *Bodiontici*) хотя и возможна, но необязательна. При этом следует учитывать то, что эта модель достаточно частотна в собственно кельтской этнонимике, ср. *Celtici*, *Limici*, *Mediomatrici*, *Vindelici*, *Volcae Agescomici*; см. [DCC, s. vv.]. С предложением автора [Barruol 1999: 142] видеть в этом суффиксе повсеместно «латинизацию» первоначального *-ii* (*Brodiontii* > *Brodiontici*) трудно согласиться. Барруоль также выделяет в особую группу несколько этнонимов с суффиксами, не попадающими в другие разделы. Сюда он относит и кельтский этноним *Gallitae*. Обоснование тому прозрачно и лежит на поверхности – галльск. **gallo-*, представленное в таких известных этнонимах, как *галлы* и *галаты* давно и хорошо известно. Впрочем, при анализе данного племенного названия как кельтского возникает ряд сложностей, который следует всецело учесть. Во-первых, во всех аттестациях (*Gallitae*, var. *-tre* (Plin. HN III, 20, 137), *Gallitae* [CIL V, 7817]) этноним содержит *-i-*, что заставляет вспомнить о латинизированных (исходно кельтских) географических названиях, таких как *Gallicum*, *Gallicum Fretum*, *Gallicum Mare* или *Oceanus Gallicus*. Суффикс же *-itV-*, достаточно редкий, мы, возможно, находим в этнониме *Samnitai*, который, согласно Г.Р. Айзаку [PNPG], восходит к *samno-itá, однако выделение компонента *samno-* в качестве возможно кельтского компонента (из и.-е. **sm-ni-*, cf. готск. *samana* 'вместе') на сегодняшний день не подтверждается ни рудиментарными данными древнекельтских языков, ни островными кельтскими параллелями. Более того, в этой связи следует обратить внимание и на этноним *Samnites* (*Tarentum*), кельтская языковая принадлежность которого исключена. Этноним же *Cogiosolitae*, несмотря на видимую схожесть, сюда не относится, см. [DCC: 108]. Можно также вспомнить в этой связи и о *Gallitalutae*, помещаемых авторами древности на берегу Персидского залива и никакого отношения к *галлам/галатам* не имеющих. Из признанных некельтскими Барруолем этнонимов несколько допускают все-таки кельтскую интерпретацию, хотя однозначно считать их кельтскими достаточно затруднительно: *Graiocelli*, *Medulii*, *Tricastini* и *Tritolli* (см. [DCC s. vv.]). Исходя из лингвистической некельтскости к лигурскому слою этнонимии региона можно, таким образом, отнести целую группу племенных названий (например, *Albieis*, *Menimi*, *Nearchi*, *Nemaionii*, *Oratelli*, *Sogiontii*, *Triulatti(i)*, *Suetri*, *Segusini*, *Veamini*, *Verucini*, *Ucemi*, возможно *B(r)odiontii*, *Ligauni*, *Salyes* и т. д.).

Расширение территории поиска некельтских этнических названий лигурского географического ареала несомненно увеличивает их количество, ср., например, *Binbelli*, *Caudalasci* или *Dectunines* из итальянской Лигурии (о них см. [Petracco Sicardi 1981: 38, 43–44, 48] соответственно), однако материала для собственно лингвистического анализа лигурского языка оно не дает. Как мы видим, оформление (возможно) лигурских этнонимов в большинстве случаев сопоставимо с кельтскими и несомненно имеет

параллели в иных и.-с. языках. Можно, впрочем, отметить использование суффиксов *-uri*, *-usi* или *-asca* (в *Caudalasca*, о суффиксе см. выше), или суффикса на *-ell-*, традиционно выделяемого лигуроведами (ср. [Ibid.: 24]). Впрочем, в последнем случае, как представляется, быть совершенно уверенным в правильности избранного словоделения (Binbelli, Maielli, Statielli, в том числе и в связи с постулируемым для этого региона **ya > ye*) нельзя. Столь же опасным может быть и вычленение общих частей для композитов – так, на первый взгляд, было бы резонно выделить компонент **cini* на основании этнонимов *Verucini* и *Larucini* или **mini* – на основании *Memini* и *Veamini*. И тот, и другой компонент может в принципе иметь индоевропейскую этимологию, однако никаких гарантий в правомерности их выделения быть, как представляется, не может. Знание морфологической структуры лигурских этнонимов, конечно, позволяет выделить, насколько это возможно, лигурские апеллятивы (этнические названия, образованные от топонимов, здесь, естественно, не рассматриваются), однако любая попытка их этимологизации а priori будет всего лишь направлена на поиск созвучного индоевропейского корня в [IEW] или [LIV], и о степени гадательности таких построений, равно как и об их релевантности, можно рассуждать долго. Аналогичным образом обстоит дело и с этимологическим анализом лигурских топонимов. Однако в этом случае, как будет показано ниже, несколько более продуктивным может оказаться исследование ряда гидронимов.

Несмотря на объективные сложности интерпретации лигурских данных, исследователи упорно делают попытки установить хотя бы некоторые особенности исторической фонетики этого рудиментарного языка²⁰. Достаточно подробно останавливается на вопросах (исторической) фонетики лигурского Дж. Петракко Сикарди [Pettracco Sicardi 1981a]. Анализ древней топонимики северной Италии позволил выделить, согласно этой исследовательнице, несколько фонетических черт лигурского, отличающего его от кельтского. Ими являются: 1) чередование *ē* и *ī*, а также тенденция к переходу первого звука во второй перед назальным; 2) долгое **ē*, давшее галльское *ī*, соответствует *ae* в лигурском; 3) долгое **ō* сохраняется, как сохраняются и дифтонги на *-i*, дифтонг *ei*; особое развитие имеет дифтонг **oi*; 4) в консонантизме особенностями считаются сохранение **st* и **p*, и переход **g^{wh}* в *b*; вопрос о судьбе и.-е. **k^u* в лигурском остается открытым (см. [Pettracco Sicardi 1981a: 91–93]). Рассмотрим несколько подробнее эти выводы в увязке с топонимическими свидетельствами *sup specie celto-liguricae*.

Первая из приведенных особенностей иллюстрируется примерами, для которых вполне вероятна лигурская принадлежность, однако их анализ требует некоторого комментария. Действительно, *Vindupale / Vendupale* (о котором см. выше) может в принципе служить для иллюстрации перехода *i* в *e* перед сочетанием назального с согласным, и лигурская языковая принадлежность этого гидронима является общепринятой. Однако противопоставление этого фонетического развития кельтскому представляется неоправданным – для галльского (и других ранних кельтских языков) известно чередование *i/e* в этой позиции, см. [McCone 1996: 55–56 (библ.)]. Приводимые в этой связи лигурские топонимы *Vitunia* и *Vittelus*, которые, согласно предположению Дж. Девото (ср. [Devoto 1962: 205–206]), содержат историческое краткое *e*, также несколько проблематичны: географические названия на *bitu-* очень распространены в кельтском ономастическом ландшафте, и хотя морфология именно этих топонимов остается с кельтской точки зрения несколько затемненной, возможность их переосмысления на галльской почве нельзя не принимать во внимание. Однако самым важным в этой связи остается вопрос: а действительно ли эта пара топонимов содержит историческое краткое *e*, и этот

²⁰ См. например [PID: 589–590], где приводятся ссылки на еще более ранние работы, достаточно некритическую попытку комплексного представления звукового состава лигурского в статье [Nigunima 1986: 209–211], не учитывающей значительный пласт литературы, но все-таки опубликованной в престижном и.-е. журнале, исследование Дж. Девото [Devoto 1962] и ответ на него М. Лежена [Lejeune 1972] или краткую сводку данных в работе Дж. Петракко Сикарди [Pettracco Sicardi 1981: 26–27].

же вопрос не может не возникать при анализе остальных приводимых здесь примеров (гидроним *Trebia / Triuca* и т. д.).

Вторая особенность лигурского материала – переход долгого *ē (давшего галльское ī) в *ae*, ср. также [Petracco Sicardi 1981: 26] – иллюстрируется целым рядом примеров. Примечательно, что некоторые из них, на первый взгляд, заставляют задуматься о возможности позиционно обусловленного явления: *Laeui*, *Lacuelis*, *Laeuia* (с отмеченным автором *a* в *Λάοι*; следует учесть отличный последующий звук). Приведенный автором в этой статье единственный пример, где мы находим *-ae-* не в позиции L__U – а именно *Caertiema* – вызывает множество вопросов. Петракко Сикарди разделяет предложенную ранее этимологию этого географического названия, согласно которой оно восходит к *kēpto-iema, см. [Petracco Sicardi 1981a: 74 (библ.)] Выделение суффикса *-iema* в связи с вышесказанным кажется весьма правдоподобным; сомнение же вызывает этимология основы, которая была возведена к и.-е. **kəp-* (признанном апофоническим вариантом известного корня) и сопоставлена с лат. *campus*. По понятным причинам, в первую очередь из-за отсутствия возможности верификации в данном случае едва ли представляется возможным анализировать этот топоним в связи с рассматриваемым явлением, а список лигурских форм с *-ae-*, публикуемый в [Petracco Sicardi 1981], содержит еще несколько топонимов с этим дифтонгом (например, *Craedilium*, *Caenia*), чья этимология также может быть сомнительной. В связи с этим следует обратить внимание на кельтские географические названия, содержащие *-ae-*.

Досье кельтских форм с *-ae-* достаточно ограничено и в целом противоречиво. Понятно, что по определению в него должны входить географические названия, восходящие к апеллятивам, содержащим дифтонг *ai*. Так, сюда относится галльск. **cae/ito-*, **cēto-* ‘лес’ (о котором см. [DCC: 12]), однако соответствующие топонимы преимущественно отображают вариант с монофтонгом, ср., впрочем, дублетные написания раннего названия современного города *Setúbal* в Португалии, *Κατόβριξ* (Ptol. II, 5, 2) и *Catobrica* [IA 417, 1], *Cetobricca* (Rav. 4, 43). Этноним *Baetasii* (Германия и Нидерланды, ср. *Baetasi* Plin. HN IV, 17, 106) еще Турнейзенем сопоставлялся с др.-ирл. *baith* ‘глупый’, однако известна и его германская этимология, к герм. *baita, cf. готск. *baitrs* ‘горький’. Другой этноним – *Caecosi* (Галлия, *Caecosos* (var. *caecoesos*, *cecosos*) Caesar BG II, 4.10) – был проинтерпретирован как ‘пастухи’, *caer-* + *-ōsī* (ср. др.-ирл. *caera*, лат. *caper*), см. [IEW: 519, DLG: 97]. Понятно, что известны и чисто графические смешения, как в случае с античным названием современного *Vieux* во Франции – *Agaegenue* [TP 1, 2], которое этимологически восходит к кельтск. **are-* и *geniā, и ошибочное написание топонима с *ae* в этой аттестации подтверждается и свидетельством текста «Географии» Птолемея (Ptol. II, 8, 2). Речное название *Aenus* (совр. *Inn* в Австрии и Германии, ср. также *Pons Aeni*, *Pfaffenhofen am Inn*), если оно является кельтским, возможно, восходит к кельтскому *Enos (< *penos, cf. др.-ирл. *en* ‘вода’), но оно может быть и докельтским по происхождению. Очень сложным для интерпретации остается этноним *Saevates* (Австрия и Италия), в том числе и с географической точки зрения. Согласно Г.Р. Айзаку [PNPG (комментарий s.v. *Seoiakes*)], его следует анализировать как **seuo-ak-*. Впрочем, этот исследователь не дает комментариев к предложенной реконструкции, и этноним все-таки остается без достаточно обоснованной интерпретации. Гораздо больше примеров дает испано-кельтский материал – можно в этой связи вспомнить об известном кельтиберском суффиксе *-aik-*, встречающемся в местных топонимах (см. [DCC: 6] и также ср. [DCC: s. vv.] *Brigaecium*, *Callaeci Bracari*, *Callaeci Lucenses*, *Callaecia*, с библ.). Однако имеются более сложные случаи (см. их обсуждение в [DCC s. vv. *Alebaece Reiorum Apollinarium*, *Laeetania*, *Praestamarci*, *Salaeni* и *Uxama (Argaela)*]). В любом случае частотность использования дифтонга (диграфа) *-ae-* в корнях географических названий, признаваемых лигурскими, существенно выше, чем в соответствующих кельтских. Конечно, этимология лигурских топонимов остается загадочной, однако эта черта лигурского материала действительно оказывается достойной внимания.

Тут же можно обратить внимание на то, что, как отмечает Дж. Петракко Сикарди, в лигурском материале наблюдается дифтонг *-ei-*, сохранившийся в кельтиберском и

лепонтийском, но монофтонгизированный в галльском. Справедливости ради следует отметить, впрочем, и то, что исследователь указывает и на варианты аттестации этих географических названий с монофтонгами, *Veiturios / Vituries, Veituris / Veturis* [Pettracco Sicardi 1981a: 92], что значительно осложняет картину. При этом нельзя упускать из вида и тот факт, что в галльских текстах мы находим написания с *ei* для обозначения целого ряда фонем; см. в этой связи важные соображения А.А. Королева в [Калыгин, Королёв 1989: 79–80], ср. [Sims-Williams 2007: 314]. Сохранение старого *-ei-* в лигурском (в противопоставлении галльск. *-oi-*), похоже, также не может быть признано отличительной чертой лигурского материала, см. для галльского [Калыгин, Королёв 1989: 80; Фалилеев 2003: 213–214] и ср. [De Bernardo Stempel 2006b: 47]. Некоторые наблюдения над судьбой дифтонга *-oi-*, собственно, некорректны, так как приводимые данные являются по большей части кельтскими по происхождению, см. [DCC: s.v. Genua]. Количество же приводимых автором примеров написаний *-oi-/ai-* в этимологически кельтских топонимах можно значительно увеличить, ср., например, *Lausonna* (Rav. 4, 26), совр. Лозанна и *vikanor Lousonnensium* [CIL 13, 5026] или *Sidoloucum* [IA 360, 3], возможно, совр. *Saulieu* во Франции и *Sedelaucum* (var. *scde lauco, sedes leucorum*) (Amm. Marc. 16, 2, 3).

Положение, согласно которому в лигурском, в отличие от галльского, долгое **ō* сохраняется, кажется весьма проблематичным, и в первую очередь в связи с примерами, которые должны, по мнению автора, иллюстрировать это фонетическое развитие. Так, первая иллюстрация – ороним *Iouentiōnem* (асс.) – показывает включение этого географического названия в латинскую грамматическую систему, и не надо забывать и о том, что согласно Дж. Бонфанте, он сопоставим с лат. *iucnis*; см. [Pettracco Sicardi 1981a: 74 (библ.)]. Второй же приводимый здесь пример – *Tuledōnem* – между прочим, позволяет и кельтскую интерпретацию. Для первой части этого композита ср. реконструкцию галльск. (в топонимике) **tullo-* ‘дыра’ (< **tuk-slo-* < **teuk-*) Г.Р. Айзаком [PNPG], что, впрочем, несколько проблематично, но ср. также галльск. эпитет в *Mars Tritullos* etc. Во второй части же этого географического названия можно увидеть написание известного галльского топоформанта **-dūno*, возможность чего подтверждается целым рядом сходных аттестаций, как например *mutatio Cardono* [IB 562,3] (*Gradina* в Хорватии, ср. *Καρρόδουνον* (Ptol. 2,14,4)); *Lugdunum* (var. *lugdono, ludunum*) [IA 358,5] (античное название Лиона), *Virodunum* (var. *virodonum*) [IA 364,3]; *Ciuitas Uerodunensium* (var. *uerodentium, uirdoninsium, uerudunensis, uerudunensium, uereduninsium, uerdonensium, uerodonensium, ueredinensium*) [NG 5, 5] (*Verdun* во Франции) или *Singidunum* (var. *Singidonium*) (Iord. Get. 55, 282) (Белград). Нельзя полностью исключить и возможность того, что существенно искаженным может оказаться и какой-нибудь иной галльский топоформант, см. в этой связи написание *Octodonum* (совр. *Martigny* в Швейцарии) вместо *Octodorum* (var. *Octodoro, Iuctodorum, Ocrodorus, Ucrodoro, Ortodorus*) в (NG 10, 3), или даже (хотя и менее вероятно) галльск. **donno-* ‘благородный’; см. в этой связи [DCC: s.v. *Turedonnum*]. При этом не следует, конечно, забывать и о возможности нескельтского происхождения первого компонента этого топонима, ср. в связи с этим спорность в этимологии таких географических названий как этноним *Tuliassi* (к северо-востоку от *Trento* в современной Италии), *Tullonium* (*Castillo de Henayo (Alegría)* в Испании) или *Tullum* (*Toul*, Франция); см. [DCC: s.vv]. Гипотеза же о переходе **ō* в *ī* в закрытых слогах в лигурском [Devoto 1962: 201f.; Lejeune 1972: 266] основывается на возведении топонима *Blustiemelus* к **bhlō-*, что может быть и ошибочным.

Неверным представляется и вывод автора о рефлексе индосвропейского слогового **n* в лигурском как *en* в отличие от галльского *an* [Pettracco Sicardi 1981a: 92]. Это положение проиллюстрировано тремя примерами – *Argentia, Drucntia* и *Iouentionem*, и даже если бы они и на самом деле могли серьезно быть ассоциированы с лигурским языковым материалом, то предложенный Петракко Сикарди анализ вызывает естественное недоумение, ср. в этой связи неоспоримо кельтские географические названия с территории Галлии *Darentiaca* (совр. *Saillans*) или *Derventum* (*Drevant*). На следующей странице автор делает вывод о том, что в отличие от галльского, лигурский сохраняет

сочетание *st*; тут следует заметить, что этот кластер встречается в кельтской топонимике и что приводимое автором как лигурское географическое название *Clastidium* является, скорее всего, кельтским; см. [DCC: s. vv. *Tolistobogii* и *Clastidium*]; по поводу же отражения и.-е. **st* в кельтском см. удачный обзор (с дальнейшими ссылками) в [Markey, Mees 2003: 128]. Подобным же образом постулируемый автором переход **g^{wh}*- в *b* в лигурском иллюстрируется, как представляется, собственно кельтскими и имеющими совсем другую этимологию данными, см. [DCC: 10–11]; данные с лигурских территорий были подробно обсуждены в работе Д'Арбуа де Жубанвиля, который также считал их лигурскими [D'Arbois de Jubainville 1894: 117–123], ср. также [Prosdocimi 1987: 568]. Как отмечает Дж. Петракко Сикарди, судьба и.-е. **k^w*, давшего в галльском *p*, остается проблематичной. В этой связи следует отметить, вероятно, два момента. Во-первых, сохранение и.-е. **k^w* в галльском давно уже отмечено (ср. гидроним *Sequana*), и тому существует целый ряд объяснений, см., например [Калыгин, Королёв 1989: 83–84] и [Sims-Williams 2007: 327–329]. Во-вторых, приводимые автором топонимы на *-celo* вряд ли могут считаться показательными лигурскими, а не кельтскими, см. анализ идентичного галльского топоформанта в [DCC: 14]. К вопросу о развитии этого и.-е. согласного в лигурском см. также [Prosdocimi 1987: 579 (библ.)]. Таким образом, единственное безоговорочное отличие лигурского на уровне исторической фонетики от галльского из всего списка, представленного итальянским исследователем, – это сохранение начального *p*- (ср. *Porcobera*), что отмечалось еще на заре лигурских штудий, см. [PID: 590].

В связи с представленным списком лигуро-кельтских отличительных черт, который, в конце концов, чуть не стал практически списком лигуро-кельтских параллелей, здесь же следует рассмотреть вопрос и о переходе безударного **yo* в *ye*. Для собственно лигурского материала он обычно иллюстрируется парой топонимов *iugo Blustiemelo* и *fontem Lebriemelum* (оба из *Sententia Minuciorum* [CIL V, 7749]). Это фонетическое развитие, определенное для географических названий лигурского региона, было отмечено еще Дж. Девото и М. Лежёном (см. [Lejeune 1972: 265–267]). Однако П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 45–46 ff.], отстаивающая идею лингвистически кельтского «кельто-лигурского», посчитала эту черту примером регионального кельтского развития. Для иллюстрации этого явления исследовательницей были использованы три топонима с лигурских территорий: *Nitielum* был сопоставлен с отчетливо галльским этнонимом *Nitiobroges*, Βαδιέννων – с Βα(δ)ιοκασσες, а ороним *montem Berigieta* возведен к более раннему кельтскому **Bérigomā*. Последний из приведенных примеров нарушает правила исторической фонетики и вряд ли здесь релевантен: ороним издавна считался лигурским, а не кельтским, см. ниже. Первый же из примеров, скорее всего, основывается на случайном созвучии: географические названия на *-elium* хорошо известны в некельтской топонимике региона, а суффикс **-el(i)o-* распространен и в собственно лигурском, см. [Pettracco Sicardi 1981: 24–25]. И, наконец, предложенная Де Бернардо Штемпель кельтская этимология для Βαδιέννων кажется несколько гадательной. Сопоставляемый с этими данными испано-кельтский материал, вероятно, требует некоторой ревизии, однако то, что мы наблюдаем, – это развитие в собственно лигурских топонимах, представляется достаточно реальным, по крайней мере, более подтвержденным, чем падение **s*, о котором см. выше.

Анализ лигурской фонетики *sub speciae indogermanicae* позволил в свое время исследователям (см., например [Devoto 1962; Lejeune 1972; Pettracco Sicardi 1981: 26–27]) выделить несколько черт этого языка, которые не рассматривались выше *sub specie celto-liguricae*. К ним, между прочим, относится и чередование *δ/ϣ* в открытых слогах перед лабиальным, установленное при анализе двух лигурских топонимов. Я рассматриваю это явление в отдельной работе, посвященной гидрониму *Vindupalis*. Здесь же можно только отметить, что существуют и другие попытки объяснения этого феномена. Не вызывает сомнений постулирование перехода **b^h* в *b* и (в отличие от лепонтийского) сохранение старого **-nd-*. Попытка же установить рефлексы слоговых **r* и **n* в лигурском основывается на *ad hoc* этимологиях привлеченных для этих целей топонимов. По этой же причине представляется недоказуемым развитие **-tw-* > *-tt-*.

Как видно из вышеизложенного, попытки выделения морфологических и фонетических особенностей лигурского языка, в частности, в сравнении с кельтским, по известным причинам не приводят к каким-либо весомым результатам. Впрочем, представляется, что не до конца была использована еще одна возможность некоторого приближения к реконструкции истории лигурского, отмечавшаяся (но, как кажется, не до конца использованная) на всех этапах истории «лигуристики». Я имею в виду анализ географических названий, преимущественно из северной Италии и южной Франции, которые могут иметь индоевропейскую, но не кельтскую этимологию. В этой связи в ранней литературе обычно привлекались композиты. Конечно, многие из них остаются весьма проблематичными, что можно проиллюстрировать анализом топонима *Eturamina* (совр. *Piégut*). Географическое название не зафиксировано в античных источниках – самая ранняя его аттестация датируется 442 г., *Conc. Vasense civit. Eturamine*. Исследователи предлагали лигурскую интерпретацию топонима, и по понятным причинам ни одна из этих гипотез не может быть верифицирована. Однако, с точки зрения Кс. Деламарра [DLG: 168, s.v. (*etu-* ‘*prairie*’)], топоним может быть и кельтским. Деламарр предлагает морфологический анализ этого топонима, **ētu-rò-mīnā*, и переводит его (впрочем, со знаком вопроса), как ‘*Prairie-très-Douce*’. Даже принимая во внимание позднюю (и может быть, искаженную) аттестацию этого топонима, можно отметить некоторые проблематичные аспекты этой этимологии, в частности, связанные с вокализмом и общей морфологической конфигурацией. Иными словами, перед нами достаточно распространенный случай, когда лигурский анализ географического названия этого региона остается гадательным (естественно, в силу характера самих лигурских данных), а кельтский подход к его интерпретации сопряжен с рядом манипуляций, которые могли бы быть и уместны при анализе поздно зафиксированных данных в «собственно кельтском» анклав, но вызывают обоснованные сомнения в случае недостаточно уверенной лингвистической атрибуции материала.

Следует отметить, что многие композиты, традиционно рассматриваемые в этой связи, могут интерпретироваться по-разному, о чем будет сказано ниже. Более надежный анализ, как представляется, позволяет ряд гидронимов региона. Первый пример, который я планирую рассмотреть, действительно является композитом. Гидроним *Porcobera* [CIL V, 7749] var. *Procobera*, ср. *Porcifera* (Plin. HN III, 5, 48) практически единодушно интерпретируется как ‘лосось (с собой) несущий’ (ср. [Шмидт 2007: 7 (с библиографией)]). В скобках можно отметить, что попытка увидеть в варианте написания *Procobera* пример метатезы в лигурском (так [PID: 590]) кажется не вполне оправданной, а объяснение формы гидронима у Плиния может быть и иным, чем предложено в работе [Petrasco Sicardi 1981: 67]. Уже долгое время его рассматривают как композит, в первой части которого видят рефлекс и.-е. **porko-* ‘лосось’, а во второй – известное и.-е. **bher-* ‘нести’²¹. В связи с сохранением и.-е. **p-* композит, вопреки мнению П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 47, 2006a: 49], не может быть кельтским. Как полагают (см. [Devoto 1962: 199–200; Tagliavini 1972: 91 (библиография)]), по этой же модели образован и гидроним **Gandobera*, в первой части которого видят доиндоевропейское название камня, гальки (см. [Meier-Lübke 1972: 314 (библиография)]). Впрочем, П. Де Бернардо Штемпель интерпретирует и этот гидроним как кельтский и полагает, что в первой его части находится слово ‘корабли’ [De Bernardo Stempel 2006a: 46]; о галльск. **ganda-* < **g^hn^sd^h-o-s* (ср. [IEW: 437 f.]) см. [De Bernardo Stempel 2005a: 81, 91].

Примечательно, что рефлекс и.-е. **bher-* (возможно, в значении ‘течь’, как было предложено в известной работе Э. Хэмпа; ср. также [Delamarre 2006: 29], где кельтские формы, приведенные ниже, рассматриваются в увязке с и.-е. **bher(w)-* ‘*bouillonner*’ > ‘*source*’) исследователи находят и во второй части композита *Comberanca* [CIL V, 7749], собственно **kom-bero-*, ‘*confluvium*’ (ср. [Kretschmer 1905: 118; Krahe 1936: 254; Шмидт

²¹ Ср. [Kretschmer 1905: 118; Krahe 1936: 254; Pisani 1953: 279; Petrasco Sicardi 1981a: 75]; и.-е. основы морфологической структуры гидронима подробно рассмотрены в работе [Magiani 2003: 221 ff.].

2007: 7]). Это название ручья уже долгое время сопоставляется с этимологически тождественными кельтскими данными (ирл. *comtar*, валл. *cymmer*, брет. *kemper*) и сравнивается с лат. *aquas conferre*. Немаловажно, что рассматриваемая модель («префикс» + рефлекс и.-е. **bher-*) весьма частотна именно в кельтском гидронимическом ландшафте (см., впрочем, [Wodtko et al. 2008: 25]). Композит оформлен (поздне)латинским суффиксом *-āneo-*, ср. [Mariani 2003: 223], и лигурская лингвистическая атрибуция этого названия, которая принята значительным количеством исследователей (см. [Petracco Sicardi 1981: 46]), в связи с вышесказанным кажется мне не самоочевидной.

В третьем лигурском композите, традиционно рассматриваемом в кругу данных, чья интерпретация кажется более или менее правдоподобной – орониме *Berigieta* [CIL V, 7749] – уже долгое время выделяется рефлекс и.-е. **g'heiem* ‘снег’ [IEW: 425 f.], однако интерпретация географического названия целиком может различаться. Так, большинство исследователей видит в первой его части рефлекс и.-е. **bher-* ‘нести’, соответственно ‘снег несущий’; так [Kretschmer 1905: 118; Krahe 1936: 253; Шмидт 2007: 7]. Другая точка зрения предлагает выводить ороним из известного и.-е. **bhergh-* ‘гора’ с использованием суффикса *(i)eta* или *-ie-ma* (ср. *Sacptieta* выше и см. ссылки в [Petracco Sicardi 1981: 37–38; Mariani 2003: 241 ff.; Wodtko et al. 2008: 169]). Синтез этих подходов мы, похоже, находим у Ф. Бальди, который переводит это географическое название (впрочем, со знаком вопроса) как ‘snow-mountain’ [Baldi 1983: 166]. Кроме того, известен и «кельтский» подход к анализу оронима. Согласно П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 46, 2008a: 188], его нужно возводить к более раннему кельтскому **Bérgiomā*, однако этот подход, очевидно, наталкивается на целый ряд сложностей (см. выше) и не может быть принят.

Как представляется, достаточно непротиворечивые этимологии могут иметь и некоторые несоставные речные названия, в первую очередь благодаря их более узкой семантической мотивации. К примеру, это гидроним *Магга* (совр. *Магра* на севере Италии в собственно Лигурии), хорошо засвидетельствованный в трудах античных авторов, см. ссылки в [Petracco Sicardi 1981: 61]. Сходные названия мы находим и в других ареалах древней Европы, см. (неполную) подборку примеров в [Pape, Benseker 1911: 845–846], к которой можно добавить, к примеру, и параллели из Австрии или Ломбардии, см. [Anreiter 1997: 37–39]. Речное название уже долгое время считается лигурским и возводится (наряду со ст.-слав. *мокръ*) к и.-е. **mak-* ‘наб, feuchten’ [IEW: 698]. Рефлексы этого и.-е. корня, похоже, неизвестны в кельтском, а подобное речное название, насколько мне известно, не зафиксировано на территории «латинской» Италии. Несколько сложнее обстоит дело с гидронимом *Roudelium* [Petracco Sicardi 1981: 69], содержащем весьма распространенный в лигурском ареале суффикс и традиционно возводимом к и.-е. **h₁reud^ho-* [IEW: 872]. Рефлексы этого индоевропейского корня в галльской ономастике идентичны, ср. *Roudius*, *Ande-roudus*, однако морфологическая конфигурация может говорить в пользу лигурской атрибуции. Однако эта этимология противоречила бы достаточно распространенной идее о сохранении и.-е. **-eu-* в лигурском.

Приведенный выше анализ материала, как кажется, позволяет все-таки выделить некоторые особенности фонетической истории лигурского, или, по крайней мере, индоевропейского его слоя. В консонантизме лигурский отличается от кельтского сохранением и.-с. **p-* (ср. **porco-* в *Рогсовсга*) и совпадает с ним (и многими другими языками) в развитии и.-е. **b^h > b* (ср. уже [PID: 590]), см. рассмотренные выше географические названия, отражающие и.-с. **bher-* ‘нести’. Если *Vodincus* действительно восходит к и.-с. **bhudhno-*, то этот пример подтверждает переход **d^h > d*. Эти же названия могут свидетельствовать о сохранении в лигурском и.-е. **k* (в том числе и перед *r* в случае с *Магга*), а также сонантов **r*, **m* и **n*. В отличие от лепонтийского (и как в галльском), старая комбинация **-nd-* сохраняется. Вопрос о судьбе слоговых и.-е. сонантов в лигурском остается, несмотря на попытки ряда ученых доказать обратное, открытым. Таким образом, придыхательные согласные придыхание утратили, а палатализованный ряд согласных, скорее всего, совпал с рядом непалатализованных. Можно также очень осторожно предположить, что и.-с. **k^h* утратил в лигурском лабиализацию. В вока-

лизме можно отметить сохранение (кратких) и.-е. *a и *e и, возможно, спорадическое сохранение *o (с учетом низкой частотности графемы o во всем лигурском корпусе). Переход (позиционно обусловленный - ?) *u в o может быть поддержан этимологией гидронима *Vodincum*. Как кажется, имеются также свидетельства в пользу чередования i/e; понятно, что какие-либо объяснения этого явления могут быть только гадательными. Отличительной особенностью лигурского корпуса можно признать частотность использования дифтонга (диграфа) -ae-, но его предыстория остается темной. К этому списку можно добавить и переход *yo в ye; рассмотренная же выше гипотеза о переходе *s- > 0 вызывает слишком много вопросов.

В плане морфологии можно отметить, что лигурскому свойственен ряд типов композитов, реконструируемых и для индоевропейского. Развита в нем и суффиксация, в том числе и для морфологического оформления заимствований. Среди используемых суффиксов можно выделить имеющие индоевропейское происхождение: -ink-, -isk-, суффиксы на -l-, -jo- (см. подборку сведений о последних в работе [Petrasco Sicardi 1981: 24–25]). Лигурский *rag excellence* суффикс -ask- теоретически может быть возведен к индоевропейскому прототипу (что имеет надежные параллели в армянском), однако особенности распространения географических названий с этой морфемой в Западной Европе говорит все-таки в пользу его более раннего (вероятно, доиндоевропейского) происхождения. Вопрос о префиксации в лигурском (см. в этой связи анализ гидронима *Eniseca* в [Ibid.: 49–50], где приводится дальнейшая литература) остается открытым.

На первый взгляд, выделение столь минимального количества отличительных черт отдельного и.-е. языка может показаться парадоксальным. Однако здесь нельзя забывать о том, что мы имеем дело с ономастическим языком, и сама природа языкового материала не позволяет делать никаких далеко идущих обобщений. С другой стороны, сопоставление лигурского материала с более хорошо известным галльским (и лепонтийским) действительно, на первый взгляд, указывает на минимальные между ними различия, но этот вывод основывается лишь на анализе достаточно микроскопического фрагмента лигурской языковой системы (или, возможно, одной из систем, если в том, что мы называем здесь «лигурским» действительно сочетаются до- и индоевропейский слои). В этой связи можно напомнить и о том, что, к примеру, выделенные П. Анрейтером [Anreiter 2001] отличительные особенности другого языка, относящегося к категории *Rest- и Trümmersprachen*, – паннонского – находят удивительные параллели во фракийском, и это при том, что фракийский корпус языковых остатков лингвистически достаточно четко отличим от паннонского («иллирийского»); см. об этом [Falileyev 2002: 123–124]. Одно, впрочем, остается ясным: из-за сохранения старого *p- лигурский (или индоевропейский слой лигурского, или «индоевропеизированная» часть лигурского корпуса) не может считаться какой-либо ветвью кельтского. Кроме того, эта же фонетическая черта, которую он разделяет, между прочим, и с лузитанским, не позволяет, как представляется, видеть в нем так называемый язык «пакельтского» круга (или даже собственно общекельтского: в связи с этими понятиями см. [Sims-Williams 2007: 310]). Высказываться же в пользу промежуточного положения лигурского между итальянскими и кельтскими языками, как это было принято в свое время (ср. [PID: 590 (библ.)], было бы необоснованно: это положение не находит достаточного на сегодняшний день материального подтверждения. Однако отрицание самого факта существования индоевропейского (или индоевропеизированного) лигурского языка, отличного от кельтского, становится общим местом в трудах многих кельтологов последнего десятилетия, что представляется неприемлемым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буданова 1991 – В.П. Буданова. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1991.
- Ерёменко, Щукин 1992 – В.Е. Ерёменко, М.Б. Щукин. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // М.Б. Щукин, О.А. Гей (ред.). Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992.

- Залесский 1958 – *Н.Н. Залесский*. Этруски в Лигурии // Вестник древней истории. 1958. № 1.
- Зеликов 2003 – *М.В. Зеликов*. Генитивно-релятивные отношения суффикса *-ko-* в контексте баскско-кельтских отношений // Язык и культура кельтов. Материалы IX коллоквиума. СПб., 2003.
- Калыгин, Королёв 1989 – *В.П. Калыгин, А.А. Королёв*. Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
- Степанова 2000 – *Л.Г. Степанова*. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. СПб., 2000.
- Сухачев 2002 – *Н.Л. Сухачев*. Теория стратов, языковое смешение и «объясняющая лингвистика» // Н.Н. Казанский (ред.). *Colloquia classica et indogermanica III*. СПб., 2002.
- Тохтасьев 2005 – *С.Р. Тохтасьев*. Проблема скифского языка в современной науке // V. Cojocaru (ed.). *Ethnic contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea from the Greek colonization to the Ottoman conquest*. Iași, 2005.
- Откупщиков 1988 – *Ю.В. Откупщиков*. Догреческий субстрат. Л., 1988.
- Топоров 1978 – *В.Н. Топоров*. Еще раз об и.-е. **budh-* (: **bheudh-*) // Этимология 1976. М., 1978.
- Фалилсев 2003 – *А.И. Фалилеев*. *Miscellanea onomastica* // Н.Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология 7. СПб., 2003.
- Фалилеев 2006 – *А.И. Фалилеев*. Галльск. *s*, и.-с. **p* и некоторые аспекты интерпретации континентальных кельтских данных // Н.Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология 10. СПб., 2006.
- Фалилсев 2009а – *А.И. Фалилеев*. Кельтские лингвистические остатки юго-восточной Европы: некоторые результаты и перспективы исследования // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. 5. Ч. 1. (= *Н.Л. Сухачев* (ред.). Балканское языкознание. Итоги и перспективы. Материалы румынско-русского симпозиума.) СПб., 2009.
- Фалилсев 2009б – *А.И. Фалилеев*. Γαίζατος из Аполлонии: галлы на Балканах и некоторые вопросы кельтского именного словообразования // Н.Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология 13. СПб., 2009.
- Фалилсев, в печати – *А.И. Фалилеев*. Некоторые вопросы лингвистической истории Нижней Галатии // *Acta Linguistica Petropolitana*, в печати.
- Шмидт 2007 – *К.-Х. Шмидт*. К концепции сравнительно-исторического анализа кельтского словаря // ВЯ. 2007. № 1.
- Agostinetti 2004 – *P. Agostinetti*. *Celti d'Italia. I. Archeologia, lingua e scrittura*. Roma, 2004.
- Anreiter 1997 – *P. Anreiter*. *Breconen, Genaunen und Fokunaten*. Innsbruck, 1997.
- Anreiter 2001 – *P. Anreiter*. *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest, 2001.
- Azaretti 1977 – *E. Azaretti*. *L'evoluzione dei dialetti liguri*. Sanremo, 1977.
- Baldi 1983 – *P. Baldi*. *An introduction to the Indo-European languages*. Carbondale, 1983.
- Barruol 1999 – *G. Barruol*. *Les peuples pré-romains du sud-est de la Gaule. Etude de géographie historique*. Paris, 1999.
- Bats 2003 – *M. Bats*. *Ligyens et Salyens d'Hécatec à Strabon* // *Peuples et territoires en Gaule méditerranéenne*. Montpellier, 2003.
- Brugmann 1906 – *K. Brugmann*. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Bd. II/1. Strassburg, 1906.
- Cunliffe 1988 – *B. Cunliffe*. *Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of interaction*. London, 1988.
- Cuno 1873 – *J.G. Cuno*. *Die Ligurer* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1873. Bd. 28.
- Curchin 2009 – *L.A. Curchin*. *Toponymy of Lusitania: myth and reality* // *Lusitânia romana: entre o mito e a realidade*. Cascais, 2009.
- D'Arbois de Jubainville 1894 – *H. D'Arbois de Jubainville*. *Les premiers habitants de l'Europe*. V. 2. Paris, 1894.
- De Bernardo Stempel 2000 – *P. De Bernardo Stempel*. *Ptolemy's Celtic Italy and Ireland: a linguistic analysis* // *Ptolemy. Towards a linguistic atlas of the earliest Celtic place-names of Europe*. Aberystwyth, 2000.
- De Bernardo Stempel 2005a – *P. De Bernardo Stempel*. *Ptolemy's evidence for Germania Superior* // *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.
- De Bernardo Stempel 2005b – *P. De Bernardo Stempel*. *Additions to Ptolemy's evidence for Celtic Italy* // *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.

- De Bernardo Stempel 2006a – *P. De Bernardo Stempel*. From Liguria to Spain: unaccented *yo > (y)e in Narbonensic Votives ('Gaulish' δεκαντεμ), Hispanic coins (Iberian -(sk)en) and some theonyms // *Palaeohispanica*. 2006. T. 6.
- De Bernardo Stempel 2006b – *P. De Bernardo Stempel*. Language and the historiography of Celtic-speaking peoples // *Celtes et Gaulois. L'archéologie face à l'histoire 1. Celtes et Gaulois dans l'Histoire, l'historiographie et l'idéologie moderne*. Glux-en-Glenne, 2006.
- De Bernardo Stempel 2008a – *P. De Bernardo Stempel*. Linguistically Celtic ethnonyms: towards a classification // *Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca, 2008.
- De Bernardo Stempel 2008b – *P. De Bernardo Stempel*. Celtic settlements in the south of Germania Magna // *Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca, 2008.
- De Bernardo Stempel 2009 – *P. De Bernardo Stempel*. La ricostruzione del celtico d'Italia sulla base dell'onomastica antica // *L'Onomastica dell'Italia antica*. Rome, 2009.
- Del Lucchese, Gambari 2006 – *A. Del Lucchese, F.M. Gambari*. L'area alpine sud-occidentale e il mondo ligure // *Celtes et Gaulois. L'Archéologie face à l'Histoire, 2. La préhistoire des Celtes*. Glux-en-Glenne, 2006.
- De Hoz 2005 – *J. De Hoz*. Ptolemy and the linguistic history of the Narbonensis // *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.
- De Hoz 2010 – *J. De Hoz*. L'écriture gréco-ibérique et l'influence hellène sur les usages de l'écriture en Hispanie et dans le sud de la France // *Grecs et indigènes de la Catalogne à la Mer Noire*. Paris, 2010.
- Delamarre 2006 – *X. Delamarre*. Gallo-Brittonica (suite: 11–21) // *ZCP*. Bd. 55. 2006.
- Delamarre 2007 – *X. Delamarre*. Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique. Paris, 2007.
- Delamarre 2008 – *X. Delamarre*. Ἡριδανός, le 'fleuve de l'ouest' // *Études Celtiques*. T. 36. 2008.
- Devoto 1962 – *G. Devoto*. Pour l'histoire de l'indo-européanisation de l'Italie septentrionale: quelques étymologies lépontiennes // *Revue de philologie, de littérature, et d'histoire anciennes*. T. 36. 1962.
- Evans 1979 – *D. Ellis Evans*. Labyrinth of Continental Celtic // *Proceedings of the British Academy* V. 65. 1979.
- Ernout, Meillet 1967 – *A. Ernout, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-e éd. Paris, 1967.
- Falileyev 2002 – *A. Falileyev*. [Rec.:] *P. Anreiter*. Die vorrömischen Namen Pannoniens // *Acta Onomastica* 2002. V. 43.
- Falileyev 2007 – *A. Falileyev*. [Rec.:] *P. Freeman*. The Galatian language // *Celtica*. V. 25. 2007.
- Frisk 1954–1972 – *H. Frisk*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Heidelberg, 1954–1972.
- Fruyt 2002 – *M. Fruyt*. Constraints and productivity in Latin nominal compounding // *TPhS*. V. 100. 2002.
- Georgiev 1981 – *V. Georgiev*. Introduction to the history of the Indo-European languages. Sofia, 1981.
- Gorrochategui 2005 – *J. Gorrochategui*. Establishment and analysis of Celtic toponyms in Aquitania and the Pyrenees // *New approaches to Celtic place names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.
- Hamp 1985 – *E.P. Hamp*. Indo-European 'Gerste, orge, barley' // *KZ*. Bd. 98. 1985.
- Hirunuma 1986 – *T. Hirunuma*. The dialects of ancient northern Italy: their positioning and significance // *JIES*. V. 14. 1986.
- Hubschmid 1966–1967 – *J. Hubschmid*. Die asko-/usko- Suffixe und das Problem des Ligurischen // *Revue Internationale d'onomastique*. T. 18, 19. 1966–1967.
- Jullian 1908 – *C. Jullian*. Histoire de la Gaule. T. I. Paris, 1908.
- Krahe 1936 – *H. Krahe*. Ligurisch und Indogermanisch // *Germanen und Indogermanen*. Heidelberg, 1936.
- Kretschmer 1905 – *P. Kretschmer*. Die Inschriften von Ornavasso und die ligurische Sprache // *KZ*. Bd. 37. 1905.
- Lejeune 1971 – *M. Lejeune*. Lepontica. Paris, 1971.
- Lejeune 1972 – *M. Lejeune*. Un problème de nomenclature: Lepontiens et Lépontique // *Studi Etruschi*. T. 40. 1972.
- Lubotsky 2001 – *A. Lubotsky*. Reflexes of Proto-Indo-European *sk in Indo-Iranian // *Incontri linguistici*. T. 24. 2001.
- Mallory, Adams 1997 – *J.P. Mallory, D.Q. Adams*. Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.

- Mariani 2003 – *M. Mariani*. Riflessi di tipi composizionali indoeuropei nella toponomastica ligure di epoca antico-romana: ipotesi sul tipo a primo membro verbale reggente // *Toponomastica ligure e preromana*. Recco, 2003.
- Markey, Mees 2003 – *T. Markey, T. Mees*. Prestino, patrimony and the Plinys // *ZCP*. Bd. 53. 2003.
- Matasović 2009 – *R. Matasović*. Etymological dictionary of proto-Celtic. Leiden; Boston, 2009.
- Mayrhofer 1986–2001 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoeuropäischen. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–2001.
- McCone 1996 – *K. McCone*. Towards a relative chronology of Ancient and Medieval Celtic sound change. Maynooth, 1996.
- Mees 2003 – *B. Mees*. Stratum and shadow. A genealogy of stratigraphy theories from the Indo-European west // *Language contacts in prehistory*. Amsterdam; Philadelphia, 2003.
- Meier-Lübke 1972 – *W. Meier-Lübke*. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1972.
- Mihailov 1987 – *G. Mihailov*. Le suffixe *-sk-* en Thracie // *Linguistique balkanique*. V. 30. 1987.
- Morandi 2004 – *A. Morandi*. Celti d'Italia. T. 2. Epigrafia e lingua dei Celti d'Italia. Roma, 2004.
- Müllenhoff 1892 – *K. Müllenhoff*. Deutsche Altertumskunde. Bd. III. Berlin, 1892.
- Olsen 1999 – *B.A. Olsen*. The noun in Biblical Armenian. Berlin; New York, 1999.
- Olsen 2009 – *B.A. Olsen*. [Rec.:] *J. Matzinger*. Untersuchungen zum altarmenischen Nomen // *Kratylos*. Bd. 54. 2009.
- Pape, Benseler 1911 – *G. Pape, G.E. Benseler*. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. 1–3. Braunschweig, 1911.
- Pelligrini 1983 – *G.B. Pelligrini*. Osservazione lessicali sulle lingue preromane dell'Italia superiore // *Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione*. Pisa, 1983.
- Petracco Sicardi 1981 – *G. Petracco Sicardi*. La toponomastica preromana e romana della Liguria // *G. Petracco Sicardi, R. Caprini*. Toponomastica storica della Liguria. Genova, 1981.
- Petracco Sicardi 1981a – *G. Petracco Sicardi*. Liguri e Celti nell'Italia settentrionale // *I Celti d'Italia*. Pisa, 1981.
- Pharies 1990 – *D. Pharies*. The origin and development of the Ibero-Romance *-nc-/-ng-* Suffixes. Tübingen, 1990.
- Philipon 1906 – *E. Philipon*. Provençal *-enc*; Italien *-ingo, -engo* // *Romania*. T. 35. 1906.
- Pisani 1953 – *V. Pisani*. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. Torino, 1953.
- Prodocimi 1987 – *A.L. Prodocimi*. Celti in Italia prima e dopo il V secolo a. C. // *Celti ed etruschi nell'Italia centro-settentrionale dal V sec a. C. alla romanizzazione*. Bologna, 1987.
- Prósper 1998 – *B.M. Prósper*. Indogermanisches bei einem ligurischen Wort: «Ex rivo Vindupale» // *BzNF*. Bd. 33. 1998.
- Rubat Borel 2006 – *F. Rubat Borel*. Nuovi dati per la storia delle lingue celtiche della Cisalpina // *Celtes et Gaulois. L'Archéologie face à l'Histoire*, 2. La préhistoire des Celtes. Glux-en-Glenne, 2006.
- Schmidt 1983 – *K.H. Schmidt*. Grundlagen einer festlandkeltischen Grammatik // *Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione*. Pisa, 1983.
- Sims-Williams 1998 – *P. Sims-Williams*. Celtomania and celtoscepticism // *CMCS*. V. 36. 1998.
- Sims-Williams 2006 – *P. Sims-Williams*. Ancient Celtic place-names in Europe and Asia Minor. Oxford, 2006.
- Sims-Williams 2007 – *P. Sims-Williams*. Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic // *P.–Y. Lambert, G.–J. Pinault* (eds). *Gaulois et celtique continental*. Genève, 2007.
- Sims-Williams 2009 – *P. Sims-Williams*. Celto-Iranica // *Exegisti monumenta*. Wiesbaden, 2009.
- Stokes 1873–1875 – *W. Stokes*. A conjectural emendation to Pliny // *Revue Celtique*. T. 2. 1873–1875.
- Tagliavini 1972 – *C. Tagliavini*. Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1972.
- Thollard 2009 – *P. Thollard*. La Gaule selon Strabon: du texte à l'archéologie. Paris, 2009.
- Tomaschek 1884 – *W. Tomaschek*. Miscellen // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. Bd. 9. 1884.
- Untermann 1989 – *J. Untermann*. Zu den Begriffen 'Restsprache' und 'Trümmersprache' // *Germanische Rest- und Trümmersprachen*. Berlin; New York, 1989.
- Untermann 2006 – *J. Untermann*. Ligurisches // *Studi linguistici in onore di Roberto Gusmani*. Alessandria, 2006.
- Vetter 1926 – *E. Vetter*. Ligures. Die Sprache der Ligurer // *RE*. Bd. XIII/1. 1926.
- Villar, Prósper 2005 – *F. Villar, B.M. Prósper*. Vascos, Celtas e Indoeuropeos: Genes y Lenguas. Salamanca, 2005.
- Vincis 1983 – *E. Vincis* (ed.). Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione. Pisa, 1983.
- Wodtko et al. 2008 – *D. Wodtko, B. Irslinger, C. Schneider*. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CIL – *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berolini 1863–
DCC – *A. Falileyev (in collaboration with A.E. Gohil, N. Ward)*. Dictionary of Continental Celtic place-names. Aberystwyth, 2010.
DLG – *X. Delamarre*. Dictionnaire de la langue gauloise. Paris, 2003.
Holder – *A. Holder*. Alt-celtischer Sprachschatz. Bd. I–III. Leipzig, 1896–1910.
IA – *O. Cuntz*. Itineraria Romana. Volumen primus. Itineraria Antoninini Augusti et Burdigalense. Leipzig, 1929.
IB – Itinerarium Burdigalense; см. IA.
IEW – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1959.
LIV – *H. Rix et al.* Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 2001.
NG – *O. Seeck (ed.)*. Notitia Dignitatum. Berlin, 1876.
OLD – Oxford Latin dictionary. Oxford, 1968.
PID – *J. Whatmough*. The Prae-Italic dialects of Italy. V. 2. The Raetic, Lepontic, Gallic, East-Italic, Messapic and Sicel inscriptions. Cambridge, 1933.
PNPG – *G.R. Isaac*. Place-names in Ptolemy's geography. CD-ROM. Aberystwyth, 2004.
TR – *E. Weber*. Tabula Peutingeriana. Kodex Vindobonensis 324. Graz, 1976.

Сведения об авторе:

Александр Игоревич Фалилеев
Институт лингвистических исследований РАН
Department of Welsh, Aberystwyth University,
Aberystwyth SY23 2AX

© 2011 г. Б.Б. ХОДОРКОВСКАЯ

ДЕПОНЕНТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (по текстам Тацита)

В латинском языке есть группа глаголов, около 500, которые характеризуются тем, что они имеют формы пассивного залога, но значения активного залога. В статье дается описание лексики и функционирования депонентных глаголов на фоне залоговых отношений. Можно сделать вывод, что в латинском языке есть три залога: активный, пассивный и депоненс.

Депонентные глаголы характеризуются тем, что имеют формы только пассивного залога, но выполняют семантико-синтаксические функции форм активного залога. Это несоответствие между морфологической формой и синтаксической функцией отличает эти глаголы и заставляет считать их особым классом в латинском языке. Несколько лет тому назад статья о латинских депонентных глаголах была опубликована в книге, посвященной явлению депонентности. Авторы статьи [Zheng Xu et al. 2007] ставят вопросы: почему некоторые латинские глаголы депонентны? Почему в латинском языке имеется такой анти-иконический феномен как депоненс? Почему маркер пассива маркирует активные, более того транзитивные глаголы? Они не дают ответа на эти вопросы и лишь отмечают, что в классической латыни депонентные глаголы имели функцию маркировать, что они являются неканонически активными.

Число депонентных глаголов достаточно велико, среди них есть и корневые глаголы, и отыменные. По семантическим признакам они могут быть разделены на несколько больших групп: глаголы действия, глаголы речевой и умственной деятельности, глаголы состояния и особенно психического состояния. Вот списки наиболее употребительных депонентных глаголов:

Глаголы действия:

sequor, secutus, sequi 'следовать, сопровождать'
 gradior, (e-)gressus, gradi 'шагать'
 conor, conatus, conari 'напрягаться, пытаться'
 metior, mensus, metiri 'мерить, отмерять'
 ordior, orsus, ordiri 'начинать'
 fungor, functus, fungi 'выполнять', defungor 'завершить, окончить'
 ariscor и adipiscor, adeptus, adipisci 'достигать, добиваться'
 utor, usus, uti 'пользоваться, употреблять'
 nitor, nixus и nisus, niti 'опираться, упираться, взбираться'
 populor, populatus, populari 'опустошать, разорять'
 potior, potitus, potiri 'завладевать, владеть' (potis, e 'могущественный')
 largior, largitus, largiri 'щедро давать' (largus, a, um 'щедрый, богатый')
 opperor, oppertus, opperiri 'выжидать' и experior, expertus, experiri 'пробовать, испытывать'
 (periculum, i 'проба, опасность')
 scrutor, scrutatus, scrutari 'обыскать, обшарить' (scruta, orum 'старье, хлам')
 aemulor, aemulatus, aemulari 'соперничать' (aemulus, i 'соперник')
 imitor, imitatus, imitari 'подражать, изображать' (imago 'изображение')
 tucor, tuitus, tueri и tutor, tutatus, tutari 'рассматривать, заботиться, защищать'

molior, molitus, moliri 'с усилием приводить в движение' (*moles* 'масса')
complector, complexus, complecti 'обхватывать, постигать' (композит глагола *plecto, plectere* 'плести, сплести')

Глаголы умственной и речевой деятельности:

loquor, locutus, loqui 'говорить, называть'
for (только в грамматиках), *fatus, fari* 'говорить'
precor, precatus, precari 'просить, умолять'
hortor, hortatus, hortari 'побуждать, уговаривать'
polliceor, pollicitus, polliceri 'обещать'
queror, questus, queri 'жаловаться'
minitor, minitatus, minitari 'угрожать' (*minae* 'угрозы')
fateor, fassus, fateri 'признавать(ся)'
percontor, percontatus, percontari и *percunctor* 'исследовать, расспрашивать'
recordor, recordatus, recordari 'вспоминать' (*cor, cordis* 'сердце, ум')
paciscor, pactus, pacisci 'договариваться' (*pacis* 'мир, мирный договор')
ueneror, ueneratus, uenerari 'смирно просить богов'
testor, testatus, testari 'свидетельствовать, утверждать' (*testis* 'свидетель')
interpretor, interpretatus, interpretari 'толковать, объяснять' (*interpres* 'посредник')
solor, solatus, solari 'утешать'
geor, ratus, geri 'считать, думать' (*ratio* 'счет, мышление')
meditor, meditatus, meditari 'обдумывать'
arbitror, arbitratus, arbitrari 'полагать, считать'

Глаголы состояния, особенно глаголы, обозначающие естественное состояние живого существа и психическое состояние:

nascor, natus, nasci 'рождаться'
morigor, mortuus, mori 'умирать'
patior, passus, pati 'терпеть, страдать, позволять'
fatiscor, fessus, fatisci 'утомляться, слабеть, изнемогать'
origor, ortus, oriri 'подниматься, происходить, рождаться'
labor, lapsus, labi 'скользить, опускаться, заблуждаться'
cunctor, cunctatus, cunctari 'медлить, колебаться'
fruor, fruitus и fructus, frui 'наслаждаться'
spatior, spatatus, spatari 'прохаживаться'
miror, miratus, mirari 'удивляться, восхищаться(ся)'
obliviscor, oblitus, oblivisci 'забывать'
vereor, veritus, vereri 'робеть, чтить'
veneror, veneratus, venerari 'чтить, почтительно просить'
miseror, miseratus, miserari '(со)жалеть, сочувствовать'

Референт субъекта действия или состояния, выраженного депонентным глаголом – предикатом предложения, – чаще всего человек: этот человек шагает *progređitur*, рассматривает что-то *intuetur*, жалуется *queritur*, признает свою ошибку *fatetur*, разговаривает *colloquitur*, обдумывает *meditatur*, медлит *cunctatur*, страдает *patitur*, забывает *obliviscitur* и т. д.

Исторически латинский депоненс восходит к индоевропейскому медиальному залoгу [Sihler 1995: 449, Meiser 1998: 219], в частности к глаголам *media tantum*, например, *meditatur* 'обдумывает, размышляет': др.-греч. *medomai* 'размышляю', *moritur* 'умирает': др.-инд. *mriyate* 'умирает', *sequitur* 'следует, сопровождает': др.-греч. *hepetai*, др.-инд. *sacate* и т. д.

Депонентные глаголы имеют ту же систему времен и наклонений и тот же синтаксис, как и нормальные недепонентные латинские глаголы. И все же есть особенности их функционирования. В исследовании использовались тексты классической латыни, главным образом текст Тацита «Анналы».

Тас. II 3,2 *eius filius Artaxias ... seque regnumque tutatus est*. «его сын Артаксий защитил и себя и царство».

Депонентный глагол *tutor, tutari* 'защищать', как и многие другие депонентные глаголы, переходный.

- Тас. II 13,2 *unus hostium ... coniuges et agros ... Arminii nomine pollicetur*. «один из врагов обещает (солдатам) от имени Арминия жен и землю»;
- Тас. II 15,1 *Orationem ducis secutus militum ardor, signumque pugnae datum*. «За речью полководца последовало воодушевление солдат, и был подан сигнал к сражению»;
- Тас. II 60,3 *iussus e senioribus sacerdotum patrium sermonem interpretari referebat...* «старший из жрецов, получив приказание объяснить язык их предков (= древние египетские надписи), сообщил...»;
- Тас. II 75,2 *Pisonem ... nuntius adsequitur excessisse Germanicum*. «Весть о смерти Германика догнала Пизона»;
- Тас. II 82,4 *cursant per urbem, moliuntur templorum fores*. «(Люди) непрерывно носятся по городу, взламывают двери храмов»;
- Тас. I 75,2 *Pius Aurelius senator questus ... labefactas aedis suas...* «Сенатор Пий Аврелий, жалуюсь, что расшаталось его здание...»;
- Тас. II 42,3 *ut ... imperium adeptus est* «когда он (Тиберий) получил верховную власть»;
- Тас. II 15,1 *nec Arminius aut ceteri Germanorum proceres omittebant suos quisque testari...* «ни Арминий, ни остальные вожди германцев не переставали убеждать каждый своих...»;
- Тас. II 20,1 *peditum aciem ita instruxit, ut ... pars obiectum aggerem eniteretur*. «пехотинцев он так построил, чтобы... часть их взбиралась на вал, находящийся впереди...»;
- Тас. II 38,5 *neque miseratus est Tiberius, quamvis domus Hortensii pudendam ad inopiam delaberetur*. «Тиберий не сочувствовал, хотя род Гортензиев скатывался к позорной нищете»;
- Тас. II 44,1 *...Tiberius seque tutiorem rebatur* «Тиберий считал себя более защищенным»;
- Тас. II 48,3 *...prodigos ... movit senatu aut sponte cedere passus est*. «расточителей он удалил из сената или не возражал, чтобы они ушли из него добровольно»;
- Тас. II 88,3 (*Arminius*) *Graecorum annalibus ignotus, qui sua tantum mirantur* «Арминий неизвестен анналам греков, так как они желают знать только свое»;
- Тас. III 4,2 (*homines*) *... versique ad caelum ac deos integram illi subolem ... precarentur*. «(люди), обращаясь к небу и богам, просили сохранить ее (Агриппины) детей в неприкосновенности»;
- Тас. III 16,3 *deos immortales testor vixisse me ... cum fide adversum te* «Я призываю бессмертных богов в свидетели, что я был верен тебе»;
- Тас. III 17,4 *magistratus eo etiam munere fungebantur* «магистраты еще выполняли эту обязанность».

Депонентный глагол *fungor, fungi* 'выполнять, исполнять' в предложении связан с аблативом в функции инструмента, ср.: *gaudio fungi* 'выражать радость', *lacrimis fungi* 'плакать'.

- Тас. III 18,3 *Messalinum quidem L. Asprenas senatu coram percunctatus est, an prudens praeterisset* «Л. Аспренат спросил Мессалина перед всем сенатом, умышленно ли пропустил он его»;
- Тас. III 15,2 (*Piso*)... *durat mentem senatumque rursus ingreditur ... adversa et saeva cuncta perpessus* «(Пизон), собрав силы духа, снова идет в сенат ... вынеся все обвинения и угрозы».

Как показывает приведенный материал, многие депонентные глаголы характеризуются транзитивностью. Предложение строится таким образом, что направленность действия субъекта на объект выражается падежной конструкцией, или инфинитивным оборотом *accusativus cum infinitivo*, или придаточным предложением. Следует обратить внимание на то, что референт субъекта в предложении чаще всего – человек.

Есть и непереходные депонентные глаголы: как *nascitur* 'рождается', *moritur* 'умирает', *fatiscitur* 'изнемогает', *utitur* 'пользуется', *oritur* 'возникает', *cunctatur* 'медлит', *fruitur* 'наслаждается', *progreditur* 'шагает' и др.

- Lucr. 5,308 (*non... cernis*) *...delubra deum simulacraque fessa fatisci* «Ты не видишь, что ...храмы ветшают богов и кумиры приходят в упадок» (перевод Ф.А. Петровского);

Cic.Brut. 2,8 *tum arma sunt ea sumpta, quibus illi ipsi, qui didicerant eis uti gloriose, quem ad modum salutariter uterentur non reperiabant.* «тогда было взято то оружие, которым сами те, кто учился пользоваться им со славою, не понимали, как разумно пользоваться им»;

Cic.Brut. 2,9 *ei mihi videntur fortunate beateque vixisse ... quibus ... sapientiae laude perfrui licuit.* «те прожили жизнь, как мне кажется, счастливо, кому можно было наслаждаться славой мудрости»;

Tac.III 1.4 *postquam (Agrippina) ... feralem urnam tenens, egressa navi* «после того как (Агриппина) ... сошла с корабля, держа погребальную урну»;

Tac.II 60,2 *proximum amnis os dicatum Herculi, quem indigenae ortum apud se ... perhibent* «ближайший рукав реки посвящен Геркулесу, о котором местные жители говорят, что он родился в этих местах» (букв. «у них»).

Неличные формы депонентных глаголов имеют, как правило, активную конструкцию, в том числе причастие перфекта, которому свойственно пассивное значение у недепонентных глаголов.

Tac.I 75,2 *Pius Aurelius senator questus ... labefactas aedis suas...* «Сенатор Пий Аврелий, жалуясь, что расшаталось его здание...».

Причастие перфекта *questus* глагола *queror* 'жаловаться' имеет в предложении активную конструкцию 'жаловаться на что', представленную в тексте синтаксическим оборотом *accusativus cum infinitivo*.

Tac.I 68,2 *Igitur orta die prouunt fossas, iniciunt crates...* «На рассвете они устремляются к рвам, заваливают валезником».

В конструкции *ablativus absolutus* *orta die* 'когда начался день' причастие перфекта глагола *orior* 'подниматься, начинаться' *orta* не имеет значения пассивного залога.

Tac.II 42,5 *per idem tempus ... regibus defunctis turbabantur nationes* «в то же время, ... когда умерли цари, происходили волнения народов».

Причастие перфекта *defunctus* глагола *defungor* 'доводить до конца, завершать' получило значение 'умерший'.

Tac.II 55,4 *(Piso) vix diei moram perpessus linquit Germanicum* «Пизон, едва переждав один день (букв. "вытерпевший задержку на один день"), покинул Германику».

Причастию перфекта *perpessus* глагола *perpetior* 'терпеть' свойственна активная конструкция: *diei moram perpessus* 'вытерпевший задержку на день'.

Tac.II 63,1 *(Maroboduus) transgressus Danuvium, ... scripsit Tiberio...* «Маробод, переправившись через Данувий (букв. "перешагнувший Данувий") ... написал Тиберию»;

Tac.II 42,5 *provinciae Syria atque Iudaea fessae oneribus deminutionem tributii orabant* «провинции Сирия и Иудея, изнемогавшие от налогов, просили снижения податей»;

Tac.II 75,1 *At Agrippina, quamquam defessa luctu et corpore aegro, ... ascendit classem ...* «Агриппина, хотя изнемогала (букв. "изнемогавшая") от горя и болезни, поднялась на корабль...».

Причастия перфекта *fessa, defessa* глагола *fatiscor* 'изнемогать, ослабевать' в сочетании с существительным в форме аблатива, который указывает причину состояния лица ('изнемогавшая от чего'), имеют значение активного залога. Глагол *fatiscor* и причастие перфекта употребляются не только в рассказе о лице, но и о предмете. Ср. пример, приведенный выше: *delubra deum simulacraque fessa fatisci*. Когда же аблатив в составе причастной конструкции имеет значение инструмента или средства, то причастие перфекта имеет менее ясное залоговое значение:

Prop.I 3,42 (*Cynthia*) *Orpheaе carmine fessa lyrae* «(Кинфия) утомленная песней орфеевой лиры» или «ослабевшая от песни»;

Tac.II 54,1 *provincias internis certaminibus ... fessas refovebat*. «он поддержал провинции, изнуренные внутренними раздорами...» или «ослабевшие от раздоров».

Причастия презенса и будущего времени депонентных глаголов сохраняют значения активного залога, присущие им вообще в латинском языке.

Tac.I 74,6 *paenitentia patiens tulit absolvi reum criminibus maiestatis*. «страдающая от досады, он (Тибериус) позволил снять с подсудимого обвинение в оскорблении величия»;

Tac.I 80,3 (*Tiberius*) *mandaverit quibusdam provincias, quos egredi urbe non erat passurus*. «(Тибериус) поручал провинции тем, кого не согласился бы выпустить из города»;

Tac.II 65,3 *Cotyn ... deos ... obtestantem* «Котиса, призывающего в свидетели богов»;

Cic.Tusc. 5,115 *Polyphemum Homerus cum ariete colloquentem facit* «Полифема Гомер изображает разговаривающим с бараном».

Из неличных форм только герундив депонентных глаголов постоянно имеет пассивное значение, как и герундив недепонентных глаголов.

Tac.III 12,4 *si incerta adhuc ista et scrutanda sunt* «если до сих пор это недостоверно и должно быть расследовано»;

Tac.II 54,2 *quaeque ibi varietate fortunae ... veneranda...* «(Германик, осмотрев) все, что требовало там почитания из-за изменчивости судьбы...».

Субъект в предложении, имеющем предикат в форме депонентного глагола, неагентивный. Уже одно то, что при пассивных формах глагола субъект, как правило, совмещен с объектом, показывает, что субъект не может быть в роли агенса. Что касается объекта в предложении, то отсутствие у депонентных глаголов каузативной конструкции, в которой объект действия обязателен, показывает, что роль объекта в предложении занижена.

Сопоставление некоторых близких по лексическому значению глаголов – депонентных и недепонентных – дает дополнительные сведения об их семантике:

loquor : *dico*. *Loquor, loqui* ‘говорить, разговаривать’, в уничижительном смысле ‘болтать’, отсюда производные слова *loquax* ‘болтливый’, *loquentia* ‘словоохотливость’. В отличие от *loquor* глагол *dico, dicere* ‘говорить, объявлять’ стал употребляться в классической латыни в языке религии и права: *ius dicere* ‘вершить суд’, *dicere dictatorem* ‘избирать диктатором’.

(in)-gredior : *eo*. Глагол *gradior, gradi* ‘шагать’ (*gradus* ‘шаг’, *adgredibor* ‘я подойду’ Plt.Pers.15). В предложении, предикатом которого является депонентный глагол *-gradior*, субъект чаще всего одушевленный. *Eo, ire* ‘идти, двигаться’; в предложении, содержащем глагол *eo, ire*, подлежащим может быть как одушевленное существительное, так и неодушевленное, ср.: Cic.Att. 14,15 *incipit res melius ire quam putaram* «дело начинает лучше двигаться, чем я думал».

tueor : *defendo*. *Tueor, tueri* ‘смотреть, заботиться, охранять’, ср.: Varr.L.L. 7,12 *tueri duo significat, unum ab aspectu ... alterum a curando ac tutela...* «глагол *tueri* имеет два значения: ‘смотреть, видеть’ и ‘заботиться и охранять’». *Defendo, defendere* ‘отражать, защищать, охранять’, ср.: Enn.Sc. 6 *serva civis, defende hostis, cum potes defendere* «заботься о гражданах, отражай врагов, когда можешь отражать»; но *defendere prata a pecore* «охранять луга от скота» [Meillet, Ernout 1939: 344]. В своих первоначальных значениях эти глаголы различны: *tueri* ‘смотреть’, *defendere* ‘отражать’, но в своем последующем развитии они семантически сблизались.

dedignor : *sperno*. *Dedignor, dedignari* «не признавать достойным, презирать кого (о человеке)». *Sperno* ‘отвергать, презирать’, ср.: Hor. *qui pocula Massici non spernit* «кто не отвергает массийского вина».

labor : cado. Labor, labi «скользить, катиться вниз, падать», ср.: Cic.Mil. 25,68 *omnis ... rei publicae partis aegras et labantes...* «все части государства больные и приходящие в упадок...». *Cado, cadere* «падать, рушиться», ср.: Cic.Brut. 185 *...quibus vitiis orator aut non adsequatur haec aut etiam in his labatur et cadat* «из-за каких-то промахов оратор может или не достичь этого, или скользить и падать».

В этих сопоставлениях глаголов обнаруживается, что отличие депоненса от недепонентных глаголов состоит в том, что он чаще всего обозначает действие одушевленного существа, причем человека, тогда как у недепонентных глаголов такого ограничения нет.

Поскольку признак одушевленности исполнителя действия, выраженного депонентным глаголом, постоянный, то, очевидно, он связан с залоговой характеристикой депонентных глаголов.

Каков залог депонентных глаголов? По определению, депонентные глаголы имеют формы пассивного залога, но семантико-синтаксические функции форм активного залога. Такое соотношение формы и функции не позволяет отнести эти глаголы ни к активному залого, ни к пассивному. По своей лексической семантике депонентные глаголы разнообразны. Выше были перечислены семантические группы депонентных глаголов: глаголы действия (*progredior* 'шагаю', *sequor* 'следую, сопровождаю' и др.), глаголы речевой и умственной деятельности (*loquor* 'разговариваю', *recordor* 'вспоминаю' и др.), глаголы состояния и психического состояния (*fatiscor* 'изнемогаю', *laetor* 'радуюсь').

Залог (в более широком понимании – диатеза) определяется как соответствие между участниками ситуации, обозначаемой глаголом, и их синтаксическими позициями. [Падучева 2004: 424; Тестелец 2001: 411]. Иначе говоря, это соответствие между единицами семантического уровня и синтаксического уровня. К единицам синтаксического уровня относятся прежде всего подлежащее и дополнение в предложении. «Основная роль в формировании залоговых значений принадлежит подлежащему, ... оно формирует залоговые значения своей функцией, своим соотношением с единицами семантического уровня; прямое дополнение участвует в формировании залоговых значений фактом своего наличия или отсутствия» [Перельмутер 1995: 23]. Для характеристики депонентных глаголов существенно, что референтом подлежащего, как указывалось выше, чаще всего является человек. Этот фактор определяет и семантику предложения, и синтаксическую его конструкцию. Залог как грамматическая категория глагола служит выражению отношения субъекта действия к объекту, причем объект может отсутствовать, быть выражен только субъект. Выше было отмечено, что в ситуациях, выраженных депонентными глаголами, участниками чаще всего являются люди. Эта ограниченность единиц семантического уровня характерна для ситуаций, обозначенных депонентными глаголами, а в плане языковом характерна для залога. Очевидно, следует считать, что в латинском языке не два, а три залога: активный, пассивный и депоненс. При этом активный и пассивный залого образуют одну систему с двумя подсистемами (активные и пассивные парадигмы и соотносительные активные и пассивные синтаксические конструкции с возможным переходом актива в пассив и пассива в актив). Но депоненс – не третий член той же системы латинского глагола, а отдельная система с особыми морфологическими признаками и с особой ограниченной лексикой (глаголы только нескольких семантических групп), которая предопределяет синтаксические позиции в предложении для участников обозначаемой глаголом ситуации.

Это позволяет считать, что депонентность глаголов в латинском языке была семантически мотивирована.

Следует отметить, что депонентные глаголы были широко представлены в классический период истории латинского языка. В эпоху Римской империи они стали постепенно исчезать. Романские языки их не унаследовали.

Античные грамматики рассматривают депонентные глаголы как особый класс глаголов и кладут в основу описания исходную форму: I лицо единственного числа настоящего времени и ее грамматическое значение. Так, Харисий [Grammatici latini, 1: 165 sq.] различает пять классов глаголов: активный, пассивный, средний, общий, депонентный – *verborum genera sunt quinque: activum (lego, scribo), passivum (legor, scribor), neutrum*

(*sedeo, curro*), *commune (adulor)*, *deponens (luctor)*. Описание депонентных глаголов дается следующим образом: «Deponens verbum intellegitur quod “r” littera terminatur et eandem nunquam amittit et habet potestatem agentis, ut *luctor, irascor*» («Депонентный глагол определяется тем, что оканчивается на букву “r” и никогда ее не теряет, и имеет силу действующего лица, как *luctor* ‘я состязаюсь’, *irascor* ‘я гневаюсь’»).

Объяснение происхождения термина «*verbum deponens*» дает Присциан [Grammatici latini, 2: 374, 378], рассматривая депонентные глаголы среди других образований глагола, имеющих пассивные формы: «In “-or” terminantia tres species habent: passivam, quae ex activis nascitur et semper passionem significat...; communem, quae una terminatione tam actionem quam passionem significat; deponentem, quae ...deponens vocatur..., quod per se ponitur, vel quae deponit alteram significationem et unam per se tenet...» («Глаголы, оканчивающиеся на *-or*, имеют три вида (разновидности): пассивный, который производится от активных форм и всегда обозначает страдание; общий, который при одних и тех же окончаниях обозначает как действие, так и страдание; депонентный, который называется депоненс..., так как он формируется (*ponitur*) сам собой или так как он отбрасывает (*deponit*) второе значение и сохраняет только одно значение»). Комментарий: *per se ponitur* ‘формируется сам собой’, т. е. является неприменным образованием; *deponit alteram significationem* ‘отбрасывает второе значение’, т. е. из двух значений, посредством которых описывает Присциан каждый вид глагола: *significat actionem* или *passionem* ‘обозначает действие’ или ‘страдание’, – депоненс сохраняет только одно значение.

«Verba ...quae passivam semper habent formam nec ab activis nata unam dumtaxat habent significationem, sed non omnia eandem, haec deponentia vocamus, cum quaedam activam vim possident, ut “*conspicor te*”, “*sequor te*”» («Глаголы, которые всегда имеют пассивную форму и не образованы от активных форм, имеют только одно значение, но не все глаголы одно и то же, их мы называем депонентными, так как они имеют активный смысл, как *conspicor te* ‘я смотрю на тебя’, *sequor te* ‘я провожаю тебя’»).

Итак, признаки депонентных глаголов:

1. Они имеют пассивную форму, но значение активного залога.
2. Число депонентных глаголов в латинском языке ограничено, их около 500.
3. В канонической парадигме латинского глагола параллельны два ряда форм: активные и пассивные. В парадигме депонентных глаголов только один ряд форм, причем пассивные формы имеют активное значение. Такая парадигма дефектна.

Депонентность является морфологическим показателем класса глаголов, которые объединены общим референциальным статусом: референт исполнителя действия, выраженного депонентным глаголом, большей частью – человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Диатеза как метонимический сдвиг // В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской школе. М., 2004.
- Перельмутер 1995 – И.А. Перельмутер. Залог древнегреческого глагола. СПб., 1995.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Grammatici latini – Grammatici latini / Ex recensione H. Keilii. V. I, II. Lipsiae, 1857.
- Meillet, Ernout 1939 – A. Meillet, A. Ernout. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1939.
- Meiser 1998 – G. Meiser. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998.
- Sihler 1995 – A. Sihler. New comparative grammar of Greek and Latin. New York; Oxford, 1995.
- Zheng Xu et al. 2007 – Xu Zheng, M. Aronoff, F. Anshen. Deponency in Latin // M. Baerman, G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds.). Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007.

Сведения об авторе:

Беатриса Борисовна Ходорковская
Московский лингвистический университет
solovyevasv@gmail.com

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2 000 единиц. М., 2010. 639 с.

Созданный Санкт-Петербургскими славистами Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко и О.И. Трофимкиной «Толковый словарь библейских выражений и слов» относится к числу «светских библейских» словарей. Он подводит своеобразный итог многочисленным попыткам описания библеизмов в специальных словарях, предназначенных для широкого круга читателей вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Пик этого «словарного библейского бума» приходится на последнее десятилетие прошлого и первое десятилетие текущего столетия, когда были опубликованы справочники, различные и по характеру отбора библейского материала, и по принципам его лексикографического описания¹.

Новый словарь отличается от всех своих «предшественников» по многим параметрам, и, прежде всего – по количеству анализируемых единиц. Поставив целью «максимально полное описание слов, устойчивых выражений

и афоризмов различного типа, которые восходят к Библии и употребляются в переносном значении» (с. 2), авторы объявили, что в словаре описано около 2 000 однословных и сверхсловных библеизмов. Эта цифра может удивить читателя, знакомого с лингвистическими работами, в которых ранее (не только в послеоктябрьский, но даже в более благоприятный – дореволюционный – период) фиксировалось гораздо меньше крылатых единиц (КЕ) библейского происхождения. Так, «Сборник замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ», в разделе под названием «Цитаты и изречения изъ Священнаго Писанія» содержит лишь 253 КЕ [Рѣдниковъ 1883: 1–18]; около 300 библейских крылатых выражений описано в двухтомном собрании «Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии», опубликованном десятью годами позднее [Михельсонъ 1902–1903]. Справочник цитаты и афоризма С.Г. Займовского, отражавший состояние фонда КЕ первой четверти XX в., содержит немногим более 80 [Займовский 1930], а претендовавший на роль «совершенно нового, советского» толковый словарь общелитературной фразеологии В.З. Овсянникова – около 100 библеизмов [Овсянников 1933]; 115 библейских идиом, как указывается в рецензируемой книге (с. 11), попало во фразеологический словарь, изданный под редакцией А.И. Молоткова [Молотков 1967/1986]; рекордное для советских справочников число библеизмов – свыше 200 – подвергнуто лексикографическому описанию в собрании «Крылатые слова» Н.С. и М.Г. Ашукиных [Ашукины 1955/1960/1966/1986/1987].

Количественный состав библеизмов русского языка оценивался по-разному. Назывались цифры – от 300 [Николаюк 1998] до 800 [Колесов 1995: 24]. В «Энциклопедическом словаре

¹ См., например, справочник «Библейские афоризмы» [Горбачёв 1991], «Толковый и справочный библейский словарь» [Кондратьев 1991], «Популярный библейский словарь» [Павловский 1994], словарь-справочник «Библеизмы в русской словесности» [Матвеева 1993–1996], этюды «Евангельский текст и фразеология русского языка» [Шанский 1995], словари-справочники «Библейское слово в нашей речи» [Николаюк 1998] и «Чаша библейской мудрости» [Познин 1998/2000], сборник «Библейская цитата» [Арапов, Барботько, Мирский 1999], «Словарь библейских крылатых слов и выражений» [Иоффе 2000], «Словарь имен и крылатых выражений из Библии» [Грановская 2003], «Краткий словарь библейских фразеологизмов» [Кочедыков 2006], «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» [Дубровина 2010].

библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной содержится 500 словарных статей. Авторы «Толкового словаря библейских выражений и слов» представили корпус сверхсловных библейских единиц, намного превышающий тот, что был описан К.Н. Дубровиной, и дополнили его почти 500 однословными КЕ: именами собственными и нарицательными (*Авель, Вавилон, Варавва, Голгофа, Голиаф, Иуда, Лазарь, Суламифь; блудница, вертоград, возделение, видение, знамение, иордань, исчадие, праотец* и пр.), глаголами (*алкать / взалкать [чего], возлюбить, животворить, кадить, святиться* и пр.), прилагательными (*бессмертный, бранный, заблудший, первородный, старозаветный* и др.).

Вторая особенность Словаря, отличающая его от предыдущих лексикографических библейских изданий, – совмещение гнездового и алфавитного принципов расположения языкового материала, что позволило авторам избежать повторов и излишних отсылок, нередких при строго выдержанном алфавитном порядке. Третья особенность – комплексное системное описание русских библеизмов. Большинство словарных статей состоит из шести пересекающихся зон: 1) инициальной (заголовочной); 2) стилистической; 3) семантической; 4) справочной; 5) иллюстративной и 6) отсылочной. Кроме того, при необходимости толкование библеизма дополняется грамматическими замечаниями и характеристикой ситуаций, в которых уместно его употребление. После контекстных иллюстраций нередко приводится блок языковых единиц, возникших на основе описываемого библеизма и отмеченных современными толковыми словарями.

Инициальная зона начинается с опорного компонента библейской КЕ, играющего роль субвокабулы; за ним следуют в качестве вокабул сверхсловные библеизмы, количество которых может колебаться от одной до пятнадцати:

РУКА.

ДЕЛО РУК СВОИХ [чьих]. См. ДЕЛО.

ЛЕВАЯ РУКА НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАЕТ ПРАВАЯ.

РУКА ДАЮЩЕГО ДА НЕ ОСКУДЕЕТ.

РУКА ПРОМЫСЛА.

СВОЯ РУКА ВЛАДЫКА.

НЕ С ПУСТЫМИ РУКАМИ (приступить к чему).

ПРИХОДИТЬ / ПРИЙТИ (ЯВЛЯТЬСЯ / ЯВИТЬСЯ) С ПУСТЫМИ РУКАМИ.

УХОДИТЬ / УЙТИ С ПУСТЫМИ РУКАМИ.

НОСИТЬ НА РУКАХ.

ВОЗДЕТЬ (ПОДНЯТЬ) РУКИ ГОРЕ.

ПРЕДАВАТЬ / ПРЕДАТЬ [кого] В РУКИ [кого, чего, чьи].

УМЫВАТЬ / УМЫТЬ РУКИ.

ПРОСТИРАТЬ / ПРОСТЕРЕТЬ РУКУ (РУКИ).

ПРОСТИРАТЬ / ПРОСТЕРЕТЬ РУКУ [на кого].

ВСЁ В РУЦЕ БОЖИЕЙ.

В инициальной части помещаются все варианты субвокабулы и сверхсловных библеизмов:

ИУДА, ИУДА ИСКАРИОТ, ИСКАРИОТ.

У глагольных субвокабул и у процессуальных сверхсловных вокабул при необходимости указываются видовые формы и (с помощью соответствующих местоимений) управление:

БЛАГОСЛОВЛЯТЬ / БЛАГОСЛОВИТЬ [кого].

ВОЗДЕЛЫВАТЬ / ВОЗДЕЛАТЬ [что].

РАСТОРГАТЬ / РАСТОРГНУТЬ УЗЫ (ОКОВЫ) [чью].

В стилистической зоне библеизмы дифференцируются с хронологических и функциональных позиций. Пометы конкретизируют семантику КЕ с точки зрения сферы их функционирования (*разг., книжн., нар.-поэтич., образно-поэтич., публ., устар., ц.-сл.*) и экспрессивно-эмоциональной окраски (*высок., шутл., ирон., неодобр., осуд., презр., экспр.*).

Значения языковых единиц представлены в **семантической зоне** Словаря. Учитывая «широкий структурно-синтаксический диапазон» библеизмов – «от отдельного слова до развернутой цитаты-афоризма», составители разработали оригинальную типологию дефиниций для семи структурных разновидностей описываемых КЕ (с. 19–21).

В **справочной зоне** содержится не только указание на соответствующий текст Священного Писания, к которому восходит крылатое слово или крылатое выражение. Авторы обычно сопровождают фрагменты Нового или Ветхого Завета своими комментариями, позволяющими высветить спектр семантических возможностей рожденного данным фрагментом библеизма. Справочная зона (иногда) дополняется сведениями о языковом источнике библеизма: **геенна** (др.-греч. *geenna*), а **отсылочные статьи** внедряются в библейское гнездо после субвокабулы (с пометой См.) наряду с вокабулами описываемых в данном гнезде единиц, если таковые есть:

СВЯТОЙ¹ (-ый, -ая, -ое); **СВЯТ** (-а, -о) <...>

КАК БОГ СВЯТ! См. БОГ.

Особого внимания заслуживают **контекстные иллюстрации**, свидетельствующие о

«широком временном и жанровом диапазоне» (с. 22). Словарь проиллюстрирован примерами употребления библеизмов в художественных текстах конца XVIII в., классической литературы XIX в. (проза, поэзия, мемуары); в произведениях советских писателей и в творчестве российских эмигрантов; в языке СМИ, публицистики и исторических трактатов эпохи перестройки и постсоветского периода. Иллюстрации «подкрепляют приводимые дефиниции, являются обоснованием стилистической маркировки описываемых единиц и – что особенно значимо – демонстрируют активность употребления и трансформационный динамизм библеизмов в текстах разного типа» (с. 22). См., например, на с. 446:

ЗАСНУТЬ (УСНУТЬ, ПОКОИТЬСЯ, ПОЧИТЬ) ВЕЧНЫМ (ПОСЛЕДНИМ) СНОМ.
Книжн. высок. эвфем. Умереть, скончаться <...>

☞ А если кто от старости или от какой-нибудь застарелой болезни и почил вечным сном, то там долго после того не могли удивиться такому необыкновенному случаю. И. Гончаров. Обломов. Но там, увы, где неба своды // Сияют в блеске голубом, // Где тень олив легла на воды, // Заснула ты последним сном. А. Пушкин. Для берегов отчизны дальней... В просторной братской могиле <...> покоится вечным сном железный командир Леонтий Щёткин. Д. Фурманов. Красный десант. ☞ *эллиптически.* Брат и мать не признавали за Дуняшей никаких прав, кроме постоянной работы. Аркадий только и понукал ее <...> и она, измаянная, часто засыпала с молитвой о вечном сне. И. Акулов. Касьян Остудный.

Рецензируемый Словарь являет собой комплексный труд, в котором решается важнейшая научная проблема историко-филологического и лингвокультурологического описания корпуса КЕ русского литературного языка, восходящих к текстам Священного Писания.

Однако не все теоретические установки и частные замечания авторов кажутся бесспорными. Так, из-за стремления к «лексикографической полноте» и недостаточно строгой трактовки термина «библеизм» в Словарь оказались включенными крылатое выражение *С милым рай и в шалаше* (с. 400), обязанное своим происхождением песне Н.М. Ибрагимова-отца (1778–1818) «Вечерком красна девица»; античный афоризм, встречающийся еще у Цицерона и Сенеки, *Надежда умирает последней* (с. 327); русские разговорные обороты *бабы басни* (*сказки, рассказы, байки, сплетни*) (с. 55); название Богоматери у католиков, возникшее в эпоху Средневековья из

молитвенного обращения к Богородице, *Мадонна* (с. 302); поговорка *понимать, как сазан в Библии* (с. 412); пословица *Рад бы в рай, да грехи не пускают* (с. 401); имя героя апокрифического мифа позднего западноевропейского Средневековья *Агасфер* и его прозвище *Вечный Жид* (с. 31); слова *безводный* (с. 58–59), *безумец* (с. 62), *бессребреник* (с. 67), *благодарить* (с. 75), *святой* (с. 412), *семя* (с. 424), *стыд* (с. 458) и пр.

При упоминании единиц, освоенных литературным языком задолго до публикации (1876 г.) русского варианта Священного Писания, в некоторых случаях делаются ссылки на тексты синодального перевода, в то время как иллюстративные зоны содержат примеры из художественных произведений первой половины XIX в. Речь в таких случаях может идти не о влиянии синодального перевода Библии на русский литературный язык, а, напротив, об использовании переводчиками средств русского литературного языка XIX столетия. Что же касается отсылок типа «По христианскому учению...», «Выражение из Молитвословов...», то они не кажутся убедительными доказательствами отнесения тех или иных слов или оборотов к библеизмам.

Очень часто, характеризуя источники библейских КЕ, авторы Словаря вполне резонно оперируют церковнославянским текстом Священного Писания. (Кстати, вопрос о соотношении между библеизмами и церковнославянизмами при этом не поднимается, а ведь далеко не все церковнославянизмы восходят к Библии.) Однако ни с точки зрения орфографии, ни с точки зрения графики церковнославянские цитаты не унифицированы. И если в целом Словарь достаточно хорошо откорректирован, то именно в этих фрагментах Словаря наблюдаются технические погрешности (непоследовательное использование ъ, пропуски редуцированных, замена ъ буквой я и т. д.). См., например, с. 36, 38, 245, 302, 303, 306, 308, 310, 324, 393, 405, 447, 505 и др.

Словарь бы очень выиграл, если бы этимологические справки к однословным библеизмам, в особенности к именам библейского происхождения, давались не избирательно, а стали бы обязательным элементом справочной зоны соответствующих словарных статей.

Тем не менее, отвечая на множество вопросов, касающихся происхождения каждой зафиксированной библейской единицы, ее прямых и переносных значений, стилистических и грамматических характеристик, сферы ее использования, коннотативного потенциала, связи с дохристианской символикой, с национальными традициями и т. д., рецензируемый Словарь, несомненно, даст импульс для дальнейших исследований. По данным Словаря

можно изучать процессы десакрализации и ресакрализации библеизмов в современном русском языке; выявлять результаты взаимодействия библейской символики народов разных христианских конфессий; исследовать пути обогащения корпуса библеизмов новыми единицами и ухода некоторых из них в пассивный запас; устанавливать причины утраты крылатыми словами и выражениями их связи с сакральным источником и, наконец, определить тенденции развития русского корпуса КЕ, восходящих к Ветхому и Новому Завету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапов, Барботько, Мирский 1999 – *М.В. Арапов, Л.М. Барботько, Э.М. Мирский* (сост.). Библейская цитата: словарь-справочник. М., 1999.
- Ашукины 1955/1960/1966/1986/1987 – *Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина*. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. М., 1955; 2-е изд. М., 1960; 3-е изд. М., 1966; В.В. Вомперский (ред.). М., 1986; 4-е изд., доп. М., 1987.
- Горбачёв 1991 – *Н.А. Горбачёв*. Библейские афоризмы. Саратов, 1991.
- Грановская 2003 – *Л.М. Грановская*. Словарь имен и крылатых выражений из Библии: Ок. 400 имен; Более 300 крылатых выражений. М., 2003.
- Дубровина 2010 – *К.Н. Дубровина*. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010.
- Займовский 1930 – *С.Г. Займовский*. Крылатые слова: справочник цитаты и афоризма. М.; Л., 1930.
- Иоффе 2000 – *Г.А. Иоффе* (сост.). Словарь библейских крылатых слов и выражений. СПб., 2000.
- Колесов 1994 – *В.В. Колесов*. Славянорусский и церковнославянский в древних переводах Евангелия // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян: Материалы международной Библейской конференции, посвященной 75-летию Русской Библейской комиссии. СПб., 1994.
- Кондратьев 1991 – *И.К. Кондратьев* (сост.). Толковый и справочный библейский словарь. М., 1991.
- Кочедыков 2006 – *Л.Г. Кочедыков*. Краткий словарь библейских фразеологизмов. Самара, 2006.
- Матвеева 1993–1996 – *Н.А. Матвеева*. Библеизмы в русской словесности: Словарь-справочник // Русская словесность. М., 1993. № 2–5; 1994. № 1–5; 1995. № 2–5; 1996. № 1–3.
- Михельсон 1902–1903 – *М.И. Михельсон*. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: В 2 т. СПб., 1902–1903.
- Молотков 1967/1987 – *А.И. Молоткова* (ред.). Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 слов. М., 1967; 4-е изд. стереотип. М., 1987.
- Николаюк 1998 – *Н.Г. Николаюк*. Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник. СПб., 1998.
- Овсянников 1933 – *В.З. Овсянников*. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. М., 1933.
- Павловский 1994 – *А. Павловский*. Популярный библейский словарь. Книга для чтения. М., 1994.
- Познин 1998/2000 – *В. Познин*. Чаша библейской мудрости. Крылатые слова из Ветхого и Нового Завета: словарь-справочник. СПб., 1998; 2-е изд. Ростов н/Д, 2000.
- Ръдниковъ 1883 – *Ил. Ръдниковъ*. Сборник замѣчательныхъ изречений, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ. Вятка, 1883.
- Шанский 1995–1996 – *Н.М. Шанский*. Евангельский текст и фразеология русского языка // РЯШ. 1995. № 3–6.

С.Г. Шулежкова

Сведения об авторе:

Светлана Григорьевна Шулежкова
Магнитогорский государственный университет
cathphil@masu.ru

S. Wichmann, E. Holman. Temporal stability of linguistic typological features. Munich: LINCOM EUROPA, 2009. (LINCOM Studies in Theoretical Linguistics. № 42) 88 p.

Рецензируемая монография является, пожалуй, одним из самых ярких на сегодняшний день примеров применения типологических баз данных. В ней впервые предложена количественная оценка степени стабильности типологических свойств, получаемая на основе большой типологической базы данных и примененная

к большому числу свойств. Многочисленные утверждения о стабильности или нестабильности тех или иных грамматических свойств, появляющиеся в типологической литературе, носят, по большей части, субъективный характер. Появление в 2005 г. хорошо известной базы данных The World atlas of language structures

(WALS) [Haspelmath et al. (eds.) 2005], содержащей описания более чем 2,5 тысяч языков по 140 типологическим параметрам, создало основу для широкомасштабных количественных исследований в типологии.

Монография суммирует результаты ряда предшествующих работ авторов [Wichmann, Kamholz 2008, Holman et al. 2007, Wichmann et al. 2007] по использованию WALS для количественной оценки стабильности. Книга содержит 8 глав, включая введение и заключение, и обширные математические приложения, содержащие все необходимые специальные пояснения и вычисления.

Во введении сформулированы цели исследования. Это, прежде всего, введение числовой меры стабильности типологических свойств и затем применение ее к получению конкретных эмпирических результатов, касающихся как отдельных свойств, так и общих закономерностей скорости изменения типологических признаков.

Во второй главе описывается предыстория вопроса, представлены взгляды Сепира, Гринберга, Николс. Первая серьезная попытка изучения стабильности на основе массива эмпирических данных была предпринята Николс в хорошо известной работе [Nichols 1992]. Затем в [Nichols 1995] Николс представила уточненную процедуру измерения стабильности, включающую 5 метрик. Недостатком работ Николс является то, что используемая ей база данных невелика по объему и, к тому же, не опубликована, что не позволяет проверить ее расчеты. В этой же главе упоминаются важные работы в указанном направлении Масловой [Maslova 2000; Маслова 2004], Парквала [Parkvall 2008] и Даля [Даль 2009], но, к сожалению, не приводится тщательный сопоставительный анализ методологии этих работ. Это было бы важно сделать, особенно для работ Масловой, учитывая идеологическую близость ее подхода к подходам Николс и самих авторов. На мой взгляд, в некоторых аспектах Маслова более глубоко учитывает природу стабильности грамматических признаков. Изложить ее точку зрения в этой рецензии не представляется возможным ввиду значительной технической сложности. Кроме того, статья с подробным изложением ее концепции стабильности опубликована в ВЯ и вполне доступна российскому читателю.

В конце этой главы приводится список из нескольких десятков свойств, относительно которых в литературе имеются утверждения об их стабильности / нестабильности. Именно к ним в дальнейшем будет применена методика авторов, и полученные результаты будут сравниваться с опубликованными.

В третьей главе определяется предмет исследований – стабильность свойства как вероятность его изменения в языке за 1000 лет. Введены три меры стабильности: А, В и С.

Меры А и В (отличающиеся деталями) основаны на простом соображении, что свойство тем стабильнее, чем более широко оно распространено. Численную оценку стабильности заданного свойства можно получить, подсчитав для каждой генеалогической группы языков (представленной в используемой базе данных) частоту в этой группе наиболее распространенного значения свойства и суммировав полученные числа. Меры А и В близки к одной из мер Николс [Nichols 1995]. Более подробно о них можно не говорить, так как оказалось, что они уступают мере С.

В основе меры С лежит та идея, что если из двух свойств одно чаще имеет одно и то же значение в двух родственных языках, чем другое, то оно стабильнее. Эту идею можно формализовать следующим образом. Для данного свойства f и семьи V найдем долю пар языков из V (из всего множества пар языков из V), таких, что свойство f в обоих языках пары принимает одинаковое значение. Затем найденная величина усредняется по всем семьям пропорционально числу языков в них. Обозначим ее R . Далее рассмотрим множество всех пар неродственных языков (т. е. из разных семей с точки зрения общепринятой классификации – разного рода гипотезы дальнего родства не учитываются) и, проделав с ним аналогичные вычисления, получим число, обозначенное U . Мера стабильности S подсчитывается по формуле: $S = (R - U) / (1 - U)$. Показано, что мера S близка к мере стабильности, предложенной Парквалом [Parkvall 2008]. Авторы указывают, что идеи, заложенные в этом определении, восходят к работе [Thomas 1960] в области лексикостатистики, а также используются и в других исследованиях (см., например [Hawkins 1983]).

В четвертой главе введенные меры сравниваются с помощью метода компьютерного моделирования. Моделирование основано на данных WALS и осуществляется следующим образом. Модель имитирует эволюцию 134 свойств в 458 языковых группах уровня ветви индоевропейской семьи (именно столько их в WALS). Несколько свойств в WALS не рассматривались, т. к. они являются фактически производными от остальных. Выбранный уровень родства восходит к Драйеру и принят в WALS. Моделирование осуществляется по дискретным шагам, в начальный момент времени существуют протоязыки для всех 458 групп родственных языков.

Каждая группа порождается из протоязыка в результате процессов появления и исчезнове-

ния языков в соответствии с моделью эволюции, разработанной первоначально в биологии [Slowinski 1989] и затем применявшейся в лингвистике Масловой [Маслова 2004] и Драйером [Dryer 2000]. В начальный момент времени случайным образом выбираются значения всех типологических свойств в протоязыках и стабильности свойств. На каждом шаге значения свойств меняются с выбранными вероятностями, фиксированными для всего процесса. При изменении значения свойства новое значение выбирается случайным образом. К получившимся в итоге значениям применяются меры А, В, С, и стабильности, полученные по этим мерам, сопоставляются с выбранными перед началом процесса моделирования. Оказалось, что наилучшее совпадение дает мера С.

Вопросы формального определения мер стабильности и компьютерного тестирования проработаны в монографии весьма тщательно и в рамках выбранного подхода представляются надежно обоснованными.

В пятой главе ставится вопрос: существует ли вообще стабильность типологических свойств. Для ответа на этот вопрос стабильность свойств (далее рассматривается только мера С) рассчитана отдельно для языков Западного и Восточного полушарий. Оказалось, что полученные числовые значения в высокой степени коррелируют между собой. Авторы монографии интерпретируют это таким образом, что степень стабильности внутренне присуща типологическим свойствам и не зависит от географического положения и исторических случайностей. Этот вывод является весьма естественным и, кажется, такое положение дел подразумевается в исследованиях по исторической типологии.

С другой стороны, в этой же главе аналогичные расчеты проводятся для способности типологических свойств заимствоваться, и оказывается, что значимых корреляций между заимствованиями типологических свойств в Западном и Восточном полушариях нет. Т. е. в разных полушариях чаще заимствуются разные свойства.

Этот результат, наоборот, является весьма удивительным. Например, кажется, что фонологические свойства заимствуются легче, чем синтаксические. Представляется, что выводы авторов слишком категоричны и сделаны поспешно на основании ограниченного исследования. Данному вопросу в монографии посвящено всего два параграфа, точные численные данные, которые могли бы быть верифицированы, не приведены. В целом весьма высокий уровень компетенции и добросовестности авторов не позволяет просто отбросить этот результат как какую-то ошибку. Возможное

объяснение состоит в том, что при отсутствии корреляции уровня заимствований для отдельных типологических свойств одновременно с этим существует корреляция степени заимствований на уровне целых групп признаков (фонетика, морфология и т. д.). Исследование для целых групп признаков в монографии не проводилось. В этом направлении требуются дальнейшие исследования, в том числе с использованием других баз данных и других методологий.

В шестой главе приводятся численные значения меры стабильности для всех свойств, присутствующих в WALS. Меры стабильности рассчитаны как для свойств, так и для отдельных значений свойств. Для получения качественной характеристики стабильности и большей обозримости результатов числовые значения стабильности разбиты на четыре равные по размерам группы: очень стабильные, стабильные, нестабильные, очень нестабильные. Авторы отмечают, что свойства, чувствительные к семантическим и прагматическим факторам, менее стабильны, чем базисные морфосинтаксические свойства.

Далее, полученные численными методами характеристики сравниваются с высказывавшимися в литературе. В большинстве случаев свойства, оцениваемые исследователями как стабильные, оказывались в данной классификации стабильными или очень стабильными, свойства же, оценивавшиеся в литературе как нестабильные здесь также оказывались нестабильными или очень нестабильными. Приведем несколько наиболее важных примеров совпадения и расхождения оценок.

Совпадение оценок.

Очень стабильны: позиции предлогов и послелогов в составе именной группы [Nichols 1995; Croft 1996], порядок SVO [Croft 1996; Nichols 2003], порядок SOV [Croft 1996], синкретизм падежей [Nichols 2003], число родов [Nichols 1995], порядок числительного и существительного [Hawkins 1983], порядок генитива и существительного [Hawkins 1983].

Нестабильны: наличие определенных артиклей [Croft 1996], посессивные классификаторы [Croft 1996].

Несовпадение оценок.

Присутствие контрастивных назальных гласных очень стабильно по WALS (точнее, по данной методике с использованием именно базы данных WALS) и нестабильно по [Croft 1996; Greenberg 1978], место маркирования в клаузе нестабильно по WALS и стабильно по [Nichols 1995], пассивная конструкция нестабильна по WALS и стабильна по [Nichols 1995], эргативно-абсолютивная маркировка местоимений очень стабильна по WALS и

оценивается как маловероятно стабильная в [Nichols 2003].

Несовпадение оценок может послужить стимулом для дальнейших исследований спорных случаев, что важно для принятия или не принятия данной методики в целом.

В этой главе обсуждается также следующий вопрос. Как известно, некоторые типологические свойства связаны друг с другом и изменение одного из них влечет изменение других. Как такие связи влияют на стабильность? Априори это не очевидно. Строгие расчеты с использованием данных работы Холмана [Holman 2008] по независимости типологических свойств показали, что в таких группах взаимосвязанных свойств стабильность повышается.

Седьмая глава посвящена вопросам оценки стабильности свойств по временной шкале. Для этих целей вновь применяется метод компьютерного моделирования, причем авторы подбирают параметры модели так, чтобы максимально точно имитировать данные WALS. В итоге получены чрезвычайно любопытные результаты по средней скорости изменения типологических свойств. Компьютерные расчеты показывают, что вероятность типологического свойства измениться за 1000 лет составляет в среднем 19 %.

Это очень близко к темпам изменения лексики. Как известно, слова из ядра лексики – 100-словного списка Сводеша – изменяются за 1000 лет с вероятностью 14 %. Следует отметить, что список Сводеша является наиболее стабильной частью лексики. Представляется естественным ограничиться и наиболее стабильной частью грамматики. И действительно, значение 19 % получено при рассмотрении всех свойств из WALS, если же ограничиться 80 самыми стабильными, то для них вероятность изменения составит как раз 14 %. Другими словами, грамматика и лексика меняются практически с одной и той же скоростью.

Если этот вывод подтвердится дальнейшими исследованиями, то он окажет серьезное влияние на наше понимание когнитивных механизмов функционирования языка. Такое точное совпадение не может быть случайностью и означает, что и лексика, и грамматика обрабатываются одними и теми же когнитивными механизмами, что противоречит идее Хомского о независимости и генетической обусловленности грамматического модуля.

Это исследование было продолжено и на скорость эволюции с учетом заимствований. Методом компьютерного моделирования авторы показывают, что из 19 % изменений на заимствования приходится лишь 7 %, а остальные 12 % – на изменения под действием внутренних когнитивных механизмов эволюции

грамматики. Для лексики имеет место иное соотношение внутренних изменений и заимствований. В [Бурлак, Старостин 2001] показано, что из 14 % изменений (по Сводешу) на долю исконных приходится всего 5 %, а остальные 9 % – на заимствования. Действительно ли заимствования играют большую роль в эволюции лексики, чем грамматики? Если так, то грамматические свойства можно будет эффективно использовать для реконструкции праязыковых состояний. Этот вопрос обсуждается в заключении книги.

На перспективы использования типологических свойств для установления отношений родства между языками влияют два фактора. С одной стороны, большинство типологических свойств из WALS стабильны в той же мере, что и ядро лексики. Самые стабильные типологические свойства несут информацию о состоянии протоязыков и могут быть полезны для установления более глубоких отношений родства между языками по сравнению с традиционными методами. На это ранее обращала внимание и Николс [Nichols 2007], предлагая шире использовать типологическую информацию в исторических реконструкциях. Но с другой стороны, все, даже самые стабильные типологические свойства, подвержены изменениям, механизмы которых не вполне понятны, что препятствует установлению родства.

Книгу завершает ряд приложений, в которых дается подробное описание используемых математических методов и моделей.

Оценивая рецензируемую монографию в целом, следует обратить внимание на инновационность (модное ныне слово) применяемых в ней методов и подходов. Столь широкое разнообразие компьютерно-математического инструментария: типологические базы данных, имитационные модели, статистические методы – встречается редко и выделяет книгу из потока лингвистической литературы. Методология стоит в центре внимания авторов монографии, и это то, ради чего с ней стоит ознакомиться.

Авторами предпринята, безусловно, смелая и амбициозная попытка исследовать и количественно оценить такие явления, как стабильность и подверженность заимствованиям типологических свойств. Фактически впервые получены значимые лингвистические результаты с использованием типологической базы данных широкого профиля и компьютерного моделирования. К числу наиболее значительных полученных результатов можно отнести следующие: введение меры стабильности и ее тестирование на компьютерной модели; хорошее совпадение оценок стабильности, рассчитанных по данным WALS, с опубликованными

в типологической литературе; численная оценка средней скорости изменений типологических свойств и ее близость к темпам изменения лексики; отсутствие корреляций в степени подверженности заимствованиям различных типологических свойств.

Не все выводы монографии могут быть безоговорочно приняты. Новизна используемой методологии и неожиданность некоторых результатов диктуют необходимость проведения дальнейших независимых исследований в этом направлении. Такие исследования начаты автором данной рецензии на материале базы данных «Языки мира» в [Соловьев, Фасхутдинов 2009], где, в частности, показано, что мера С и мера стабильности Масловой [Maslova 2000] дают близкие результаты. Некоторые из данных монографии были уже перепроверены и подтверждены в [Polyakov et al. 2009].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак, Старостин 2001 – С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.
- Даль 2009 – Э. Даль. Возникновение и сохранение языковой сложности. М., 2009.
- Маслова 2004 – Е.С. Маслова. Динамика типологических распределений и стабильность языковых типов // ВЯ. 2004. № 5.
- Соловьев, Фасхутдинов 2009 – В.Д. Соловьев, Р.Ф. Фасхутдинов. Методика оценки стабильности грамматических свойств // ИАН СЛЯ. 2009. №4.
- Croft 1996 – W. Croft. Typology and universals. Cambridge, 1996.
- Dryer 2000 – M. Dryer. Counting genera vs. counting percentages // Linguistic typology. 2000. № 4.
- Greenberg 1978 – J. Greenberg. Diachrony, synchrony and language universals // J. Greenberg, C. Ferguson, E. Moravcsik (eds.). Universals of human languages. V. III. Stanford, 1978.
- Hawkins 1983 – J. Hawkins. Word order universals // Quantitative analysis of linguistic structure. New York, 1983.
- Holman et al. 2007 – E. Holman, C. Schulze, D. Stauffer, S. Wichmann. On the relation between structural diversity and geographical distance among language: observations and computer simulations // Linguistic typology. 2007. № 2.
- Holman 2008 – E. Holman. Approximately

independent typological features of languages // International journal of modern physics. 2008. № 2.

- Maslova 2000 – E. Maslova. A dynamic approach to the verification of distributional universals // Linguistic typology. 2000, №4.
- Nichols 1992 – J. Nichols. Linguistic diversity in space and time. Chicago; London, 1992.
- Nichols 1995 – J. Nichols. Diachronically stable structural features // H. Andersen (ed.). Historical linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Nichols 2003 – J. Nichols. Diversity and stability in languages // B. Joseph, R. Janda (eds.). The handbook of historical linguistics. Oxford, 2003.
- Nichols 2007 – J. Nichols. Typology in the service of classification. http://aalc07.psu.edu/papers/jn_typol_class3.pdf. Stanford, 2007.
- Parkvall 2008 – M. Parkvall. Which parts of language are the most stable? // STUF – Language typology and universals. 2008. V. 61.
- Polyakov et al. 2009 – V. Polyakov, V. Solovyev, S. Wichmann, O. Belyaev. Using WALS and Jazyki mira // Language typology. 2009. V. 13.
- Slowinski, Guyer 1989 – J. Slowinski, C. Guyer. Testing the stochasticity of patterns of organismal diversity: An improved null mode // American naturalist. 1989. V. 134.
- Thomas 1960 – D. Thomas. Basic vocabulary in some Mon-Khmer languages // Anthropological linguistics. 1960. № 3.
- Haspelmath et al. (eds.) 2005 – M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). The World atlas of language structures. Oxford, 2005.
- Wichmann, Kamholz 2008 – S. Wichmann, D. Kamholz. A stability metric for typological features // STUF – Language typology and universals. 2008. V. 61.
- Wichmann et al. 2007 – S. Wichmann, D. Stauffer, F. Wellington, S. Lima, C. Schulze. Modelling linguistic taxonomic dynamics // Transactions of the philological society. 2007. 105.2.

В.Д. Соловьев

Сведения об авторе:

Валерий Дмитриевич Соловьев
Казанский (Приволжский) федеральный университет
maki.solovyev@mail.ru

Сборник «Южнославянские дискурсивные частицы» представляет собой собрание статей, каждая из которых рассматривает избранные дискурсивные маркеры в одном из южнославянских языков. Таким образом, книга преследует сразу две цели: узкую – описание и интерпретацию некоторых единиц особого класса слов, и более общую – выработка теоретического подхода к этим словам. Сборник состоит из теоретического введения, написанного М. Дедаич (Университет Джорджтауна, США) и М. Мишковиц-Лукович (Университет города Крагуевац, Сербия), и шести глав, каждая из которых посвящена одному из южнославянских языков. Главы следуют по географическому принципу – от болгарского на востоке до словенского на западе.

Введение в целом посвящено второй, т. е. более общей, цели и делится на несколько частей: обзор терминологии, история вопроса, очерк «теории релевантности» и описание социолингвистической ситуации в южнославянских странах. Оно может служить очень хорошим введением в проблематику. В настоящее время нет согласия в том, как следует называть «маленькие слова», которые связывают разные элементы дискурса: вариативна каждая из двух частей термина «discourse particles» ‘дискурсивные частицы’, на котором остановились авторы сборника. В частности, делая попытку обосновать свой выбор, авторы описывают противопоставление дискурсивный / прагматический, а также ряд терминов «частица / маркер / коннектор / ограничитель» (particle / marker / connective / constraint). Впрочем, понятно, что ставить точку в дискуссии о терминологии пока еще рано¹. В настоящей рецензии используется термин «дискурсивный маркер», чтобы избежать проблемы амбивалентности значения английского слова particle (русс. ‘партикулы / частицы’)².

Достижение более узкой цели – описание дискурсивных маркеров в южнославянских языках – также связано со значительными проблемами. В частности, до сих пор не до конца

¹ Даже внутри сборника, в главе, посвященной боснийскому маркеру *ono*, А. Премиловац использует как термин «дискурсивная частица» (discourse particle), так и термин «прагматический маркер» (pragmatic marker), не обсуждая возможных различий между ними.

² Об этой терминологической проблеме см. [Николаева 2008].

ясен статус так называемых новых южнославянских литературных языков, возникших на основе сербскохорватского, прежде всего сербского, хорватского и боснийского. Поэтому решение, принятое авторами сборника, можно назвать соломониным: каждый из южнославянских языков, имеющий статус государственного, описывается носителем соответствующего идиома в качестве отдельной самостоятельной системы³. По крайней мере для дискурсивных маркеров, название которых эксплицитно указывает на связь с живой звучащей речью, такой подход можно признать оптимальным⁴.

Мнения авторов сборника по вопросу о том, какое из существующих направлений в лингвистике позволит добиться наиболее адекватных результатов, разделились между двумя: «теорией релевантности» Д. Спербера и Д. Уилсон [Sperber, Wilson 1986] и «теорией аргументации и топосов» Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро [Anscombre, Ducrot 1983] и др. работы. Таким образом, каждая из глав, помимо описания языкового материала, представляет собой и этюд, показывающий особенности практического приложения одной из этих теорий.

Г. Филдер начинает главу, посвященную болгарскому маркеру *ама* ‘а, но, однако’ с хорошо известной исследователям «маленьких слов» проблемы: несоответствий в словарных описаниях, когда авторы словарей относят одно и то же слово к разным частям речи в зависимости от его функций в структуре текста. Аппарат теории релевантности используется для того, чтобы показать, что по крайней мере для болгарского *ама* можно выделить некоторое общее значение. Для этого решается несколько задач: выделяются и перечисляются функции *ама* (в том числе и в зависимости от позиции, которую он занимает в предложении), затем этот маркер сравнивается с близким по значе-

³ За исключением главы, посвященной болгарскому языку, написанной Г. Филдер, которая не является его носителем. Отсутствие в книге главы, посвященной черногорскому материалу, объясняется тем, что составителям не удалось найти автора, который смог бы его собрать и обработать.

⁴ В то же время, следует предостеречь от экстраполяции этого метода на другие объекты лингвистического исследования, поскольку он может привести к чрезмерному упрощению сложной социолингвистической ситуации на Балканах.

нию *но*, после чего рассматривается влияние разных (стилевых) регистров на его употребление. В качестве материала выбраны корпус болгарского разговорного языка К. Алексовой и популярный в американской лингвистической болгаристике роман А. Константинова «Бай Ганю».

В главе о македонском маркере *камо* А. Севиньи привлекает материал малоизвестного македонского идиома – языка македонских переселенцев из Египта в Канаду (восходящего к тетовскому македонскому диалекту). Конструкции с *камо* имеют интересную структуру: в то время, как употребление глагола-связки (*je* ‘быть_{3sg}’) в экспрессивно нейтральных предложениях обязательно, в конструкциях с *камо* связка опускается (кроме третьего лица множественного числа: *Камо са студентити?* ‘Ну и где же студенты?’). В то же время в вопросах с определенным референтом (который используется с артиклем) обязательным является использование краткого местоимения винительного падежа *го/га* (*Камо га мачката?* ‘Ну и где же кошка?’).

А. Севиньи предлагает когнитивный сценарий употребления *камо*, на основании которого это слово можно определить как маркер, указывающий на недостоверность информации, которая получена путем логического вывода (inference) из слов собеседника (*Камо го кучето?* ‘Ну и где же собака?’ = ‘Собеседник сказал, что здесь находится собака, но ее здесь нет. Следовательно, эта информация недостоверна’). Как кажется, это слово могло бы представлять интерес для исследователей семантических зон эвиденциальности, эпистемической модальности и авторской позиции (stance), которые кодируются неграмматическими средствами (здесь можно вспомнить активизировавшиеся в последнее время исследования по лексическому маркированию эвиденциальности, см., в частности, сборник [Wiemer, Plungian 2008])⁵.

М. Мишкович-Лукович рассматривает два сербских дискурсивных маркера: *baš* и *kao*, которые имеют сходные функции: оба используются как семантические ограничители (semantic constraints) для составляющих, находящихся в их сфере действия. Однако если *baš* ‘именно, как раз; действительно, в самом деле’ имеет значение прагматического сходства (pragmatic resemblance; в некоторых контекстах и прагматического усиления), то *kao* ‘словно, как будто’ расширяет границы потенциальных

⁵ Остается открытым вопрос, насколько близко употребление конструкций с *камо* в рассматриваемом идиоме, в тетовском диалекте и в македонском литературном языке.

значений составляющих. Для объяснения семантики этих маркеров М. Мишкович-Лукович опирается на работы Р. Карстона (в частности [Carston 2002]), который считал, что предложения естественных языков кодируют не пропозиции, а шаблоны (templates). На основании этих шаблонов слушающий затем формулирует ментальную репрезентацию на своем «языке мысли» (language of thought), которая и будет иметь пропозицию. Маркеры наподобие сербских *baš* и *kao* указывают на соотношение ментальной репрезентации с шаблоном – в первом случае более строгое, во втором – более свободное. С этим связано и использование *kao* как эвиденциального (репортативного) маркера.

А. Премиловац анализирует употребление и семантику боснийского дискурсивного маркера *ono* ‘то’ в высказываниях типа *Jučer sam ono spavao do podne* ‘Вчера я *ono* спал до полудня’ с позиций теории релевантности. На первый взгляд это слово может показаться словом-паразитом (ср. употребление русского *это самое* в высказываниях типа *Вчера я спал, это самое, до полудня*), однако в боснийском, с точки зрения А. Премиловац, оно указывает на более свободное соотношение ментальной репрезентации с шаблоном (как и сербское *kao*) и по семантике близко к английскому дискурсивному маркеру *like* ‘так сказать, как бы’. К сожалению, в исследовании не решается вопрос о том, насколько *kao* и *ono* соотносятся в боснийском, и используется ли *ono* в таком же значении в сербском⁶, а также, как интерпретировать конструкции типа *baš ono*. Совершенно верно указывается, что это только один из аспектов более широкой проблемы: как соотносятся в сербском, хорватском и боснийском языках совпадающие по форме маркеры (*baš, dakle, kao, ono*). В свою очередь, отметим, что на самом деле эта проблема еще шире, поскольку аналогичные проблемы возникают при анализе лексических эвиденциальных маркеров, совпадающих по форме в разных балканских языках [Makartsev 2010]. Остается надеяться, что через какое-то время будет выработан интегральный подход к этой проблеме.

Исследование М. Дедаич, посвященное хорватскому дискурсивному маркеру *dakle* ‘итак, следовательно, таким образом, значит’, дает дополнительный материал для размышле-

⁶ Что касается хорватского языка, то в хорватско-русском словаре [Dautović 2007] *ono* представлено в нескольких словарных статьях, из которых релевантна с точки зрения *ono* как дискурсивного маркера одна: «1. это; što sam ~ htio kazati? что это я хотел сказать?; gdje sam ~ ga vidio? где я это < sic > его видел? <... 2. (doduše) правда, по правде (сказать)>».

ний о связи между исследованиями отдельных языков и типологической лингвистикой. В типологии лексических маркеров, используемых для передачи значений, традиционно относимых к области грамматики, пока достигнуты не такие впечатляющие результаты, как в типологии грамматической, и до сих пор бóльшая часть исследований посвящена английскому материалу. В какой мере полученные на этом материале результаты приложимы к другим языкам? Для ответа на этот вопрос М. Дедаич анализирует материал Хорватского национального корпуса. *Dakle* является коннектором, соединяющим два последовательных фрагмента дискурса, второй из которых переформулирует, суммирует и подводит к заключению то, о чем говорится в первом. В этом его использование во многом совпадает с английским *so*. При анализе функций *dakle* автор последовательно обращается к работам, посвященным похожим маркерам в других языках (английскому *so*, французским *alors* и *donc*, японскому *dakara*), что близко подводит к проблеме лексической типологии, однако не является ею в строгом смысле. Хотя утвердительный ответ на поставленный вопрос, безусловно, получен: результаты, достигнутые в настоящее время в исследованиях лексических маркеров на материале некоторых языков, приложимы и к другим языкам.

И. Жагар в главе о словенском *pa* 'и, но' поднимает другую важную проблему: как дискурсивные маркеры могут модифицировать друг друга (в частности, какую роль *pa* играет в семантике сложных соединителей *ker pa* 'но поскольку' и *sicer pa* 'во всяком случае'). Как и в других главах, исходным пунктом исследования является обращение к существующей лексикографической практике (многие современные исследования по лексическим маркерам являются настолько новаторскими, что для них библиография предшествующих работ состоит только из словарей). Однако, хотя в Словаре словенского литературного языка выделяется 29 различных случаев употребления *pa*, все они относятся к *pa* как пропозиционному / грамматическому оператору. В то же время, корпус современного словенского языка содержит в себе не описанные в словарях употребления, на основании которых это слово можно описать как усилитель значения и модификатор ожиданий, связанных с дальнейшим развитием нарративной структуры. Для интерпретации семантики *pa* привлекается аппарат теории топосов и аргументации О. Дюкро. Оказывается, что *pa* непосредственно связано со «вторым планом» дискурса и используется для того, чтобы отойти от основной линии дискурса и дать дополнительную информацию. И. Жагар

считает, что таким образом *pa* раскрывает полифоническую структуру⁷ данного фрагмента дискурса. В конце главы предлагается когнитивный сценарий *pa*.

С точки зрения описанного материала рецензируемая книга, безусловно, представляет собой новое слово в южнославянской лексикографии. При том, что это сборник, главы которого написаны разными авторами, он читается как единое исследование. Даже то, что авторы используют разные теоретические подходы к языковым фактам, не создает диссонанса, потому что главное, что представлено в книге – это языковой материал. Теоретические искания авторов отражают общее состояние исследований по дискурсивным маркерам: эта новая и, безусловно, важная для лингвистики тема пока еще только начинает входить в научный оборот. Сборник решает поставленные задачи в «минималистской» манере (из каждого языка берется один, максимум два маркера). Мы надеемся, что это открывает дорогу к созданию масштабной панорамы дискурсивных маркеров в южнославянских / балканских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Anscombre, Ducrot 1983 – J.-C. Anscombre, O. Ducrot. L'Argumentation dans la langue. Bruxelles, 1983.
- Carston 2002 – R. Carston. Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication. Oxford, 2002.
- Dautović 2007 – M. Dautović. Hrvatsko-ruski priručni rječnik. Zagreb, 2007.
- Ducrot et al. 1980 – O. Ducrot, D. Bourcier, S. Bryxelles, Ch. Sirdar-Iskandar. Les mots du discours. Paris, 1980.
- Makartsev 2010 – M. Makartsev. The common Balkan lexical evidential markers // Societas Linguistica Europaea. 43rd Annual Meeting. 25 September 2010. Book of Abstracts. Vilnius, 2010. (Доступно на http://marivs.com/pdf/abstracts_lz.pdf, проверено 13 октября 2010).

⁷ Термин «полифоническая структура» был впервые приложен к дискурсу в работах О. Дюкро [Ducrot et al. 1980], в свою очередь будучи заимствован из работ М.М. Бахтина. При анализе дискурса как полифонической структуры такие традиционно единые понятия, как говорящий (*speaker*), рассматриваются как комплексные.

Wiemer, Plungian 2008 – *B. Wiemer, V.A. Plungian* (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 72). München; Wien, 2008.

Sperber, Wilson 1986 – *D. Sperber, D. Wilson*. *Relevance: communication and*

cognition. Oxford (UK); Cambridge (MA), 1986.

М.М. Макарецев

Сведения об авторе:

Максим Максимович Макарецев

Институт славяноведения РАН

makarcev@bk.ru

R.-J. Anyanwu. *Tense, aspect, and mood in Benue-Congo languages*. Köln: Rüdiger Köppe, 2010. 116 p.

Монография, вышедшая в свет в издательстве «Rüdiger Köppe» в 2010 году, привлекает прежде всего своим названием. До настоящего времени в африканистической литературе было немного достойных работ, посвященных комплексному анализу системы видо-временных и модальных показателей (далее для краткости именуемой английской аббревиатурой TAM) в языках семьи бенуэ-конго. Семья эта является одной из крупнейших в мире, насчитывая около тысячи языков (по данным сайта Ethnologue: <http://www.ethnologue.org>), и любой ее анализ – как типологический, так и сравнительный – затрудняется в первую очередь необъятностью языкового материала.

Вместе с тем задача исследования аспектно-темпоральных систем в языках бенуэ-конго хорошо вписывается в канву исследований других семей нигеро-конголезских языков, проводимых в течение последних десятилетий. Масштабный сравнительный и сопоставительный анализ TAM-систем в языках семьи банту (входящей в состав бенуэ-конголезских языков) проведен в книге [Nurse 2007], чуть позже вышла работа аналогичной тематики по сопоставлению языков семьи ква [Ateka, Kgorr Dakubu (eds.) 2008]. Ранее было опубликовано пока единственное серьезное сравнительное исследование TAM-системы языков кру [Marchese 1986]. С точки зрения типологического анализа систем TAM в языках Западной Африки значительную роль сыграли работы [Creissels 2005] и [Güldemann 2008], продолжающие традицию широко известной монографии [Welmers 1973] (ср. более подробный обзор этой проблематики в [Плунгян 2003]). В свете этих исследований обобщение и систематизация данных о видо-временных и модальных системах языков бенуэ-конго стали бы серьезным шагом вперед в мировой африканистике.

Тем печальнее констатировать, что монография Р.-Дж. Аньяну вовсе не оправдывает этих надежд. Книга представляет собой краткое описание систем выражения TAM-значений в четырех языках бенуэ-конголезской семьи,

относящихся к различным группам. Автор рассматривает материал двух языков восточной ветви (хоне, джукуноидная группа, и кана, группа реки Кросс) и двух – западной ветви (игбо, игбоидная группа, и йоруба, дефоидная группа). Материал языка хоне представляет собой компиляцию работы [Storch 1999], материал кана полностью заимствован из работы [Ikegami 1996]. Данные языков игбо и йоруба взяты из полевых исследований автора.

Сама выборка языков для сопоставления представляется весьма удачной как с точки зрения их места в генетической классификации языков бенуэ-конго, так и в типологической перспективе: строение видо-временных систем в них действительно отражает основные модели, распространенные в языках Западной Африки.

Между тем детального сравнительного или сопоставительного анализа материала всех четырех указанных языков монография практически не содержит: раздел «Вывод» занимает лишь одну страницу, в остальном же тексте сопоставления и выводы довольно скудны. В предисловии (с. 33) автор отмечает, что категории наклонения и вида являются более «центральными» для грамматики языков бенуэ-конго, чем категория времени. Именно поэтому в качестве методической основы для описания TAM-значений глагола в четырех указанных языках автор использует бинарную иерархическую модель INFL (с. 35), следуя стандартам языкового описания генеративных теорий. Данная модель в приложении к африканским языкам заимствована автором из работы [Kgorr Dakubu 2008], где она используется для описания аспектуальных значений языков семьи ква.

Сразу же вслед за воспроизведением схемы модели автор справедливо отмечает, что она в лучшем случае лишь частично может отразить реалии системы глагольных значений в описываемых бенуэ-конголезских языках. Это действительно так, но не только потому, что, по словам автора, в некоторых языках семьи сильнее выражены временные значения в до-

полнение к аспектуальным. В большинстве языков региона, в том числе, несомненно, и в исследуемых языках, категории вида, времени и модальности часто настолько тесно сплетены в рамках одного глагольного показателя, что можно говорить лишь о «значениях конструкций», говоря словами У. Уэлмерса, или кластерах универсальных значений, в терминологии В.А. Плунгяна [Плунгян 2011].

Уэлмерс был прав, когда писал, что глагольные системы нигеро-конголезских языков лучше всего описывать в терминах линейной шкалы конструкций с конкретными, пусть и сложными значениями, нежели с помощью таблиц или матричных схем [Welmers 1973: 343]. Кластеры ТАМ-значений – например, имперфектив – могут покрывать собой сразу несколько значений в бинарной генеративистской дендрограмме, в результате чего данная модель теряет всякую ценность для описания глагольной системы языка. Это очень хорошо видно и на примерах, приводимых автором в тексте монографии, – ср., в частности, материал языка игбо (с. 50), где конструкция хабитуалиса аналогична конструкции прогрессива.

Явление совпадения ТАМ-значений в рамках одного кластера автором, кажется, не замечено (ср. с. 34). Между тем взаимозависимость грамматических категорий времени, вида и наклонения хорошо видна на материале глагольных конструкций йоруба, приводимых в монографии (с. 87 и сл.). Отнесение той или иной конструкции к прошедшему времени возможно только с дополнительными разъяснениями аспектуальных и модальных оттенков значения, однако автор, к сожалению, ограничивается лишь краткими комментариями, а зачастую дает определения значений и вовсе без каких-либо пояснений. Анализ и сопоставление кластерных ТАМ-значений в языках бенуэ-конго именно после прочтения книги кажутся интересной целью: в этом смысле, безусловно, монографию Р.-Дж. Аньянву можно считать некоторой формой постановки задачи. Так, кластерные значения в языках игбо и йоруба, безусловно, близки, к ним можно отнести и ряд значений языка хоне. Можно говорить о значительных типологических сходствах и в способах маркирования языковых значений: суффиксального, префиксального, а также с помощью вспомогательных глаголов. Все это может заметить читатель, но не замечает сам автор монографии.

Трудность, а подчас и невозможность объяснения языковых явлений с помощью избранной модели INFL ведет к тому, что многие чрезвычайно интересные факты и закономерности остаются необъясненными, а акцент делается на иных, малозначащих или давно исследованных явлениях. Так, на с. 31 автор указывает, что ба-

зовым аспектным противопоставлением в большинстве бенуэ-конголезских языков является оппозиция перфектива – имперфектива. Эта точка зрения широко известна хотя бы потому, что уже давно была сформулирована в литературе: действительно, оппозицию такого рода легко увидеть и сформулировать на материале многих языков Западной Африки, и принципиально нового в современную лингвистику она не вносит. Между тем такое интересное явление огромного количества западноафриканских языков, как «фактатив» (в терминологии У. Уэлмерса [Welmers 1973: 343]), упоминается лишь несколько раз, но не акцентируется вовсе. Однако именно фактатив, ошибочно называемый иногда также «аористом» [Storch 1999: 195], может быть назван базовой (немаркированной) глагольной конструкцией не только для языков бенуэ-конго, но и для многих других языков Западной Африки, включая и языки манде. Его анализ сам по себе мог бы претендовать на большое и серьезное исследование.

Несколько вольной кажется терминологическая трактовка некоторых значений. Так, разницу между значениями перфекта и перфектива, которые много раз фигурируют на страницах книги, автор не объясняет (с. 32, 88), повинувшись собственной внутренней логике или предпочитая давать конструкции в соответствии с их наименованиями в источниках. Последнее – довольно опасная вольность в работах такого рода: для сопоставления языковых фактов единообразие терминов выступает непременным условием, так как разные школы по-разному именуют одни и те же явления. Автор, к сожалению, очень редко (например, на с. 41–42) задается целью свести это многообразие наименований к единому «знаменателю», в результате чего читателю приходится самому отыскивать типологические параллели ТАМ-значений между описываемыми языками.

Пониманию типологии систем ТАМ в языках семьи очень помогло бы сведение проанализированных в книге глагольных систем к общей таблице значений, которая наверняка позволила бы сделать массу интересных выводов. Подобной сводной картины, к сожалению, автор также не дает.

В рамках описательной части монографии нельзя не отметить ряд любопытных явлений, подмеченных автором. Так, при описании глагольной системы языка йоруба приводится краткий анализ так называемого «высокотонного слога» – супрасегментного показателя, характеризующего конструкции с финитным глаголом (с. 82). Этот показатель, по-видимому, является рефлексом личного показателя 3 л. ед. ч., отделявшего именную группу от сказуемого: характерно, что в конструкциях с

личными местоимениями он не используется. Типологические параллели такого показателя в языках Западной Африки чрезвычайно широки: в разных школах его называют «повторным», «рекапитулятивным», «репризным», «резумптивным» или «копирующим» [Gerhardt 1989: 374], но основная функция остается при этом неизменной – служить для дополнительного маркирования 3 л. в клаузе, где подлежащее выражено именной группой. Типология его использования в языках региона пока описана крайне недостаточно, и материал йоруба может быть несомненно полезен для такого описания.

В языковом материале книги есть и другие примеры явлений, небезынтересных с точки зрения типолога. При слабости собственно обобщающей, дискуссионной части монография могла бы служить справочным изданием для специалистов по морфосинтаксису глагола в западноафриканских языках, так как в сжатой – можно сказать, табличной, – форме представляет инвентарь основных глагольных конструкций четырех языков с большим количеством примеров.

При этом к некоторым трактовкам грамматических значений, предлагаемых автором, следует относиться с осторожностью. Так, на с. 59 под именем «инхоатива» приведены примеры конструкций игбо с явным результативным значением. Так называемое «определенное будущее время» в йоруба (с. 91), согласно приводимым примерам, должно быть квалифицировано скорее как проспектив с дополнительным значением намерения, к тому же никакого «неопределенного будущего» автор в своем описании не приводит.

К числу других, преимущественно технических, недочетов нужно отнести чрезмерно вольное обращение с глоссами. Общепринятые в мировой типологической практике Лейпцигские правила глоссирования (см. <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>) систематически нарушаются: например, количество дефисов в глоссированном переводе не равно их количеству в самом примере, так что читателю приходится гадать, какие именно показатели в тексте примера выражают указанные значения. Некоторые аббревиатуры, встречающиеся в глоссах (например, INDEF, с. 73), в списке сокращений отсутствуют, а корневая форма глагола, не несущая никаких морфологических показателей (как в примере 143, с. 75), иногда глоссируется как содержащая таковые.

Ряд недочетов касается и редакционно-издательской подготовки книги. Верхние колонтитулы нечетных страниц, к примеру, довольно редко соответствуют названиям разделов, и потому колонтитул «йоруба» украшает страницы с описанием языка игбо, а колонтитул

«игбо» – страницы, посвященные языку хоне. Подобные погрешности заставляют смотреть и на языковой материал с большой осторожностью – рекомендуется не использовать его без соответствующей перепроверки.

В целом же можно с уверенностью сказать, что поставленная автором задача представить введение в типологическое исследование ТАМ-значений глагола в языках бенуэ-конго осталась нерешенной. Предпринят лишь первый, весьма неуверенный шаг в этом направлении, что, впрочем, делает данную задачу еще более интересной для исследователя-африканиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В.А. Виноградов, И.Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М., 2003.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М., 2011.
- Ameka, Kropp Dakubu 2008 (eds.) – F. Ameka, M.E. Kropp Dakubu (eds.). Aspect and modality in Kwa languages. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Creissels 2005 – D. Creissels. A typology of subject and object markers in African languages // E.K.E. Voeltz (ed.). Studies in African languages typology. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Gerhardt 1989 – L. Gerhardt. Kainji and Platoid // J. Bendor-Samuel (ed.). The Niger-Congo languages. Lanham; New York; London, 1989.
- Güldemann 2008 – T. Güldemann. The Macro-Sudan belt: towards identifying a linguistic area in northern Sub-Saharan Africa // B. Heine, D. Nurse (eds.). A linguistic geography of Africa. Cambridge, 2008.
- Ikoru 1996 – S. Ikoru. The Kana language. Leiden, 1996.
- Kropp Dakubu 2008 – M.E. Kropp Dakubu. Ga verb features // F. Ameka, M.E. Kropp Dakubu (eds.). Aspect and modality in Kwa languages. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Marchese 1986 – L. Marchese. Tense, aspect and the development of auxiliaries in Kru languages. Arlington, 1986.
- Nurse 2007 – D. Nurse. Tense and aspect in Bantu. Oxford, 2007.
- Storch 1999 – A. Storch. Das Hone und seine Stellung im Zentral-Jukunoid. Köln, 1999.
- Welmers 1973 – W. Welmers. African language structures. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.

К.В. Бабаев

Сведения об авторе:

Кирилл Владимирович Бабаев
Институт языкознания РАН
kbabaev@gmail.com

Данная книга является шестым томом серии «Люблинские исследования в области кельтских языков», издающейся с 2002 г. Католическим университетом Люблина. Ранее в серии вышли следующие тома: А. Дойл «Нулевые и фонетически выраженные местоимения в ирландском языке» (2002 г.), А. Дойл, Э. Гусман «Обратный словарь современного ирландского языка» (2004 г.), М. Блох-Тройнар «Полифункциональность в морфологии: глагольные имена в современном ирландском языке» (2006 г.), К. Яскула «Архаические фонетические переходы и древнеирландская фонология» (2008 г.). В отличие от предыдущих томов, настоящий является не монографией, а сборником статей различных авторов, изданным под редакцией Марии Блох-Тройнар, профессора Кафедры кельтской филологии Католического университета Люблина. Как пишет М. Блох-Тройнар во вступительной статье, идея такой книги появилась на семинаре «Современное исследование кельтских языков: теория и практика», проходившем в рамках 39-й Познаньской лингвистической конференции в 2008 г.

Кафедра кельтской филологии Католического университета Люблина, основанная в 1991 г. фонологом Эдмундом Гусманом (см., например, [Gussmann 1983; 1986]), является в настоящий момент активным кельтологическим центром: на ней ведется преподавание ирландского и валлийского языков, издаются учебные и справочные материалы на польском языке; среди сотрудников кафедры – Анна Блох-Розмей, автор книги о фонологических процессах в диалекте Конемары [Bloch-Rozmej 1998]; Анна Бондарук, изучающая явление контроля в ирландском, английском и польском языках [Bondaruk 2004]; Кшиштоф Яскула, занимающийся фонологией древнеирландского языка [Jaskuła 1997; 1998]; издатель настоящего сборника синтаксист Мария Блох-Тройнар и другие. Большинство научных исследований кафедры выполняются в рамках минималистской теории и фонологии управления. Еще одно кельтологическое отделение было открыто в 2004 г. в Институте английского языка Университета им. Адама Мицкевича (Познань); в настоящее время на нем читаются курсы по сравнительной грамматике кельтских языков, кельтской лексикографии и другим кельтологическим дисциплинам; возглавляет отделение Сабина Хайнц – специалист по валлийскому языку и литературе, один из авторов данного сборника. Более

подробную информацию о кельтологических исследованиях в Польше и библиографию см. в [Stalmaszczyk 2006].

Статьи сборника касаются самых разных областей кельтологии, как сугубо лингвистических, так и литературоведческих. Большинство авторов – польские исследователи, однако ряд статей принадлежит ученым из других стран; так, в их числе давно сотрудничающий с Католическим университетом Люблина ирландский лингвист Айдан Дойл, автор польскоязычного учебника по ирландскому языку [Doyle, Gussmann 1991].

Из пятнадцати статей сборника три посвящены фонологическим проблемам и выполнены в рамках фонологии управления (government phonology). В первой К. Беднарска (Католический университет Люблина) предпринимает попытку объяснить распределение долгих и кратких гласных в леонском диалекте бретонского языка, предлагая считать согласные, перед которыми гласный ведет себя так же, как в закрытом слоге, т. е. выступает в виде краткого аллофона, «виртуальными геминатами». Долгие гласные автор делит на два класса: ветвящиеся ядра и ветвящиеся рифмы; первый выступает в контексте перед обычными краткими согласными, второй – перед «упрощенными геминатами».

А. Блох-Розмей (Католический университет Люблина) обращается к вопросу статуса шва в английском и ирландском языках. Автор полагает, что для адекватного описания фонологической структуры данных языков необходимо добавление к двум существующим в фонологии управления классам первичных элементов (вершины и операторы) третьего, который она называет «зависимые» и который включает элементы, «ведущие себя особым образом и подпадающие под более строгие фонотактические ограничения» [Bloch-Rozmej 2009: 60]; введение третьего класса элементов оказывается необходимо автору для описания поведения шва в английском и для объяснения существования двух различных шва в конемарском диалекте ирландского.

Еще одна фонологическая статья носит название «Ирландское ядерное оружие теряет силу: конечные кластеры»; в ней К. Яскула (Католический университет Люблина) интерпретирует с точки зрения изменения лицензирующих возможностей конечной нулевой гласной фонетические переходы в кластерах ауслота, происходившие на протяжении всей истории ирландского языка.

Одна статья сборника касается проблем морфонологии: «Сегментные чередования в ирландском языке» М. Чудак (Католический университет Люблина). Автор рассматривает один из путей возникновения диалектных вариантов слова: если в контексте мутации – грамматически обусловленного чередования – два согласных совпадают, возможно переразложение, а именно, в контексте без мутации вместо этимологического согласного появляется другой согласный, дающий в контексте мутации ту же форму, что и этимологический. Так, отрицательная частица *cha* вызывает эклипсис (назальную мутацию) начального /t/ (/t/ > /d/), но никак не влияет на начальный /d/. Поэтому отрицательная форма глагола «идти» в прошедшем времени – *cha dteachaigh sé* [χa d'ahə ʃə] ‘он не пошел’ (где /t/ > /d/ в контексте эклипсиса) – может быть реинтерпретирована как *cha deachaigh sé* [χa d'ahə ʃə] (с немутуирующим /d/), что даст в контексте без мутации форму *deachaigh* вместо исходной *teachaigh*.

Две работы авторов из Университета им. Адама Мицкевича (Познань) посвящены словообразованию, а именно – диминутивным суффиксам современного валлийского языка. В первой С. Хайнц описывает правила выбора диминутивного суффикса, который определяется набором грамматических, семантических и стилистических факторов. Во второй К. Рояк рассказывает о результатах своей полевой работы на полуострове Ллин в Северном Уэльсе, целью которой было выяснить, как употребление синтетических vs. аналитических диминутивов варьирует в зависимости от возраста носителя и его окружения. Она сообщает, что синтетические диминутивы почти полностью вышли из употребления и даже пассивно ими владеет лишь старшее поколение.

Большая часть статей сборника посвящена синтаксису. К. Бисмарк (Католический университет Люблина) касается в своей работе темы несогласования глагола по числу с подлежащим – именной группой в валлийском языке. На данное явление в кельтских языках уже не раз обращали внимание генеративисты (см., например, [McCloskey, Hale 1984; McCloskey 1986]), автор же рассматривает его в типологическом и ареальном ключе, проводя параллель с аналогичным явлением в английских диалектах. В первой части статьи К. Бисмарк знакомит нас с типами возможных «отклонений» от «нормального» согласования в английском языке. Во второй части автор переходит к рассмотрению общего для валлийского с английским факта зависимости «согласовательной способности» глагола от типа подлежащего (Type of Subject Constraint): глагол различает формы единственного и множественного чис-

ла при согласовании с местоимением, но при подлежащем – полной именной группе всегда использует форму единственного числа. Интересно, что языки демонстрируют сходство и в некоторых деталях, например в отсутствии согласовательного показателя у глагола в относительном придаточном при релятивизации подлежащего. Автор также рассматривает согласование при подлежащем – сочиненных местоимениях (в рассматриваемых английских диалектах выбирается дефолтная глагольная форма – *I and you sings*, в валлийском происходит согласование с ближайшим к глаголу, т. е. первым, конъюнктом) и, наоборот, согласование с местоимением сочиненных глаголов (в валлийском согласуются с подлежащим оба конъюнкта, в английском – только первый: *They run and plays in the garden*). К. Бисмарк полагает, что данное явление можно рассматривать как ареальное, однако убедительность такого заключения снижается из-за того, что автор не сообщает об области распространения диалектных черт, о которых идет речь.

М. Блох-Тройнар (Католический университет Люблина) пишет об аспектуальных свойствах конструкций с легким глаголом (light verb constructions), которые в ирландском языке всегда обозначают предельную ситуацию. Вначале автор анализирует формальное устройство таких конструкций. Комплементом легкого глагола в них всегда служит отглагольное образование: отглагольное существительное или, если такового для данного глагола не существует, глагольное имя (особая лексическая категория, выступающая как в именных контекстах, так и в контекстах сентенциального компонента и сирконстанта). Затем М. Блох-Тройнар разбирает аспектуальное поведение в данных конструкциях глаголов различных акциональных классов.

Еще одна статья, посвященная ирландскому синтаксису, принадлежит А. Бондарук (Католический университет Люблина); в ней автор рассматривает явление аномального контроля в ирландском языке. Термин «аномальный контроль», предложенный в 1988 г. Дж. Мак-Клоски, описывает ситуацию, когда подлежащее матричного предиката контролирует подлежащую предложную группу вложенной клаузы:

- (1) Níor mhaith liom
 COP-NEG хороший со.мной
 [ocras a bheith orm].
 голод PRT быть-VN на.мне
 Я бы не хотел быть голодным [McCloskey, Sells 1988: 144].

Автор предлагает новый анализ данного явления, основывающийся на работе Р. Кейна

[Кауне 2002] о кореферентности и концепте фаз в минимализме [Chomsky 1998].

А. Дойл (Университетский колледж Корка) в своей статье рассказывает о двух аналитических конструкциях со значением перфекта и результатива. Первая – конструкция с частицей *ar*, происходящей от предлога *iar* ‘после’:

(2)	Atá	Brian ...	ar	na
	есть	Бриан	PRT	его
	bhualadh	le	Thadhg.	
	бить-VN	c	Тайг	

Бриан побит Тайгом (букв. *Бриан после его побития Тайгом*) [Doyle 2009: 143].

Вторая – конструкция с пассивным причастием, формально схожая с перфектом многих европейских языков (английского, французского и др.):

(3)	Tá	an	obair
	есть	DEF	работа
	déanta.		
	сделать-PP		

Работа сделана [Doyle 2009: 144].

Автор, анализируя ранне- и поздненовоирландские памятники, показывает, что, вопреки распространенному мнению, будто бы первая конструкция исторически предшествует второй, два перфекта появляются примерно в одно и то же время и вплоть до середины XVII в. употребляются с одинаковой частотой. Начиная со второй половины XVII в. первая конструкция встречается все реже и постепенно выходит из употребления, тогда как вторая набирает силу. А. Дойл полагает, что это связано с общей тенденцией к замещению личных глагольных форм безличными, наблюдаемой в языке того периода: в конструкции с *ar* обязательно согласование с подлежащим (в качестве согласовательного показателя выступает possessивное местоимение – см. (2)), которого нет в перфекте с пассивным причастием (3).

Одна из статей сборника касается проблем социолингвистики. Это работа «Феномен “новоговорящих”: перспективы бретонского и шотландского» М. Хорнсби, в которой автор анализирует специфическую языковую ситуацию, сложившуюся в современных Бретани и Шотландии: на фоне вымирания автохтонных языков появляются люди, свободно владеющие этими языками, но для которых они, однако, не являются родными, причем их число сравнимо с числом носителей языка. Проблема, на которой заостряет внимание автор, – сложные отношения между носителями и «новоговорящими»: первые не понимают мотивации вторых, так как те, не будучи интегрированы в их культуру, остаются для них чужаками, интересующимися языком из прихоти; «новогово-

рящие» же из-за недружелюбного отношения к ним носителей не могут усвоить язык в полной мере, поскольку лишены возможности проникновения в языковую среду.

Э. Бриз (Университет Наварры) пытается найти решение двух текстологических проблем. Первая из них – происхождение имени Тейнона Турва Лианта, героя одной из ветвей «Мабиногион». Во второй статье автор отвечает на вопрос, почему в прологе к «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера (XIV в.) монах сравнивается с охотником: автор находит рассматриваемому отрывку интересную параллель в европейском фольклоре.

М. Фомин (Университет Ольстера) анализирует с точки зрения стиля, формы, источниковой базы и семантики три средневековых ирландских текста в жанре поучительной литературы: два вернакулярных сочинения («Audacht Moraind» и «Tecosca Cormaic») и фрагмент гиберно-латинского трактата «De duodecim abusiuis saeculi».

Особый интерес представляет новое исследование Д. Джонсона (Университет им. Адама Мицкевича), посвященное фонетическим, синтаксическим и лексическим инновациям в современном ирландском языке конца XX – начала XXI в. В эти два десятилетия заметно укрепляется социолингвистическое положение языка: появляется ирландскоязычный телевизионный канал, расширяется радиовещание на ирландском, он становится языком официальной документации внутри Республики Ирландия и рабочим языком Европейской комиссии. Все это происходит на фоне постоянного сокращения числа носителей и увеличения числа выучивших язык в школе или иным образом. «Новоговорящие» все меньше контактируют с носителями – их язык все больше отдаляется от ирландского языка гэлтахтов. Как показывает проведенный автором анализ выборки из шестидесяти слов, принадлежащих к современной международной культурной лексике, ирландский (по крайней мере, его «официальный» идиом) очень устойчив к лексическим заимствованиям, но немногочисленные современные заимствования, в отличие от более ранних, почти не адаптируются фонетически и больше похожи на «цитаты» из другого языка, что естественно в ситуации, когда все владеющие ирландским языком, включая носителей, являются также носителями английского. В области фонетики автор перечисляет десять новых черт, несомненно связанных с двуязычием носителей (замена признака палатализованности на согласном введением между ним и последующим гласным звука [j], потеря различия между палатализованным и всляризованным [l], переход [x] в [k] и др.).

Далее приводится список морфосинтаксических изменений: исчезает хаби́туалис, вместо синтетического пассива используется аналитический, пропадает ранее обязательная топикализация распространенного подлежащего и т. п. Д. Джонсон обращает внимание читателя на две вещи: во-первых, нельзя сказать, что все вышеперечисленные инновации были вызваны контактом с английским языком, – многие из них типологически естественны; во-вторых, языковая ситуация современной Ирландии не уникальна, а напротив, типична для современной Европы и должна изучаться в контексте других подобных языковых союзов: арабско-французского, турецко-немецкого, баскско-испанского.

СОКРАЩЕНИЯ

COP – копула
 DEF – определенный артикль
 NEG – отрицательная частица
 PP – пассивное причастие прошедшего времени
 PRT – частица
 VN – глагольное имя

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bloch-Rozmej 1998 – *A. Bloch-Rozmej*. Element interactions in phonology: A study in Connemara Irish. Lublin, 1998.
 Bloch-Rozmej 2009 – *A. Bloch-Rozmej*. Intra-segmental dependency relations in English and Irish // M. Bloch-Trojnar (ed.). Perspectives on Celtic languages (Lublin studies in Celtic languages. V. 6). Lublin, 2009.
 Bondaruk 2004 – *A. Bondaruk*. PRO and control in English, Irish and Polish – A minimalist analysis. Lublin, 2004.
 Chomsky 1998 – *N. Chomsky*. Minimalist inquiries: The framework // MIT occasional papers in linguistics. V. 15. 1998.
 Doyle 2009 – *A. Doyle*. Morphosyntactic change and perfect passive // M. Bloch-Trojnar (ed.). Perspectives on Celtic languages (Lublin studies in Celtic languages. V. 6). Lublin, 2009.

Doyle, Gussmann 1991 – *A. Doyle, E. Gussmann*. An Ghacilge. Podręcznik do nauki języka irlandzkiego. Lublin, 1991.
 Gussmann 1983 – *E. Gussmann*. The (un)natural phonology of Modern Irish initial mutations // Kwartalnik neofilologiczny. 1983. V. 30.
 Gussmann 1986 – *E. Gussmann*. Autosegments, linked matrices, and the Irish lenition // D. Kastovsky, A. Szwedek (eds.). Linguistics across historical and geographical boundaries. V. 2. Berlin, 1986.
 Jaskuła 1997 – *K. Jaskuła*. Be a stop or give way: Selected Old Irish compound verbs // Lingua posnaniensis. 1997. V. 39.
 Jaskuła 1998 – *K. Jaskuła*. The prosodic hierarchy at work: lenition of voiceless spirants in Old Irish // E. Cyran (ed.). Structure and interpretation – Studies in phonology (PASE studies and monographs 4). Lublin, 1998.
 Kayne 2002 – *R. Kayne*. Pronouns and their antecedents // S. Epstein, D. Seely (eds.). Derivation and explanation in the minimalist program. Malden, 2002.
 McCloskey 1986 – *J. McCloskey*. Inflection and conjunction in Modern Irish // Natural language & linguistic theory. 1986. V. 4. № 2.
 McCloskey, Hale 1984 – *J. McCloskey, K. Hale*. On the syntax of person-number inflection in Modern Irish // Natural language & linguistic theory. 1984. V. 1. № 4.
 McCloskey, Sells 1988 – *J. McCloskey, P. Sells*. Control and A-chains in Modern Irish // Natural language & linguistic theory. 1988. V. 6. № 2.
 Stalmaszczyk 2006 – *P. Stalmaszczyk*. Celtic studies in Poland: Recent themes and developments // S. MacMathúna, M. Fomin. (eds.). Parallels between Celtic and Slavic. Proceedings of the First international colloquium of Societas Celto-Slavica held at the University of Ulster, Coleraine, 19–21 June 2005. Coleraine, 2006.

М.В. Шкапа

Сведения об авторе:
 Мария Валерьевна Шкапа
 mashashkapa@gmail.com

Французский кавказовед Жиль Отье хорошо известен специалистам по кавказским языкам как талантливый лингвист с хорошим практическим знанием большого числа языков, в частности, – что важно для рецензируемой работы, – азербайджанского. Рецензируемая книга представляет собой подробную грамматику крызского языка – одного из языков восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой семьи, носители которого проживают в основном в горной местности на северо-востоке Азербайджана (часть носителей переселилась в равнинные районы республики). В горном Азербайджане крызы проживают в четырех селениях (Алик, Гапыт, Джек и Кырыз¹), говор одного из которых (Алика) и описывает Жиль Отье. Впрочем, в книге содержится довольно много информации и о других диалектах, прежде всего о диалекте с. Кырыз.

Преыдушие исследования крызского языка не столь многочисленны. Наиболее значимое из них – фундаментальная работа Ш.М. Саадиева (докторская диссертация, защищенная в 1972 г.) – было задумано как описание диалекта с. Кырыз. Однако, как отмечает Ж. Отье, Саадиев, по-видимому, не работал с крызами, проживающими в горных районах, – в частности, тексты, приведенные в его работе, отражают смешанный язык жителей равнин. В отличие от большинства своих предшественников, Жиль Отье провел много времени среди носителей крызского языка, так что его книга в основном базируется на полевых данных. Кроме того, на настоящий момент это практически единственное описание крызского синтаксиса.

Таким образом, грамматика Ж. Отье – это первая работа по крызскому языку, имеющая четко отграниченный объект исследования (аликский диалект), основанная на полевых материалах и содержащая синтаксическую часть. Очевидно, этих трех качеств уже достаточно, чтобы заинтересовать многих кавказоведов.

Книга Жили Отье имеет довольно нестандартную для грамматики структуру. Она не делится на три-четыре больших раздела (фонетика – морфология – синтаксис), как многие грамматики, а состоит из 20 сравнительно коротких глав:

1. Введение (Introduction).
2. Фонология (Phonologie).
3. Именная морфология (Morphologie des noms).
4. Референция: местоимения и именные классы (La référence: pronoms et genres).

¹ Названия селений приводятся по атласу [Коряков 2006] (карта № 13).

5. Прилагательные (Adjectifs).
6. Наречия и послелоги (Adverbes et postpositions).
7. Вопросительные слова, числительные и квантификаторы (Interrogatifs, numéraux et quantifieurs).
8. Связки (Copules).
9. Глагольные основы и нефинитные формы (Bases verbales et formes dépendantes).
10. Финитные формы глагола (Formes verbales indépendantes).
11. Грамматические залого (Voix morphologiques).
12. Именная группа (Le syntagme nominal).
13. Предикаты и аргументы (Prédicats et arguments).
14. Дополнения и косвенные валентности (Compléments et valences obliques).
15. Изменения валентности и глагольные классы (Changements de valence et classes verbales).
16. Времена, наклонения, модальности (Temps, modes, modalités).
17. Сентенциальные актаны (Complémentation verbale).
18. Герундивы и конвербы (Gérondifs et converbes).
19. Относительные придаточные (Relatives).
20. Способы связывания текста (Procédés de cohésion textuelle).

В качестве приложений в книге обнаруживаются глоссированный текст на аликском диалекте, список простых глаголов, где приводятся четыре основные морфологические формы для каждого из них, и указатель терминов.

Поскольку книга довольно велика по объему, мы рассмотрим содержание только части перечисленных выше разделов – тех, которые показались нам наиболее интересными или, наоборот, спорными.

Довольно объемное введение содержит много полезных сведений: здесь дается генетическая характеристика языка (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи), описывается расположение крызских селений, диалектное членение, история изучения крызского языка, оценивается число говорящих. Жиль Отье считает, что сейчас число носителей языка вряд ли превышает две тысячи человек, хотя более ранние источники, например [Саадиев 2001], дают гораздо более оптимистические цифры (8000 говорящих). Это объясняется тем, что, переселяясь на равнину, носители крызского языка постепенно переходят на азербайджанский. Во введении представлен список крызских морфем и используемых для их глоссирования

сокращений, а также две карты, показывающие местонахождение крызских аулов на востоке кавказского региона и – более подробно – районы распространения крызского языка.

Вторая глава книги посвящена фонологии. Для фонетического представления крызской речи в книге Отье используется адаптированная версия современного азербайджанского алфавита на основе латинской графики, что, на наш взгляд, вполне разумно, особенно если иметь в виду, что собранные автором материалы могут быть предназначены для использования самими носителями языка, которые, как правило, владеют азербайджанским письмом.

Несколько необычна четвертая глава, причем заглавие («Референция: местоимения и именные классы»), на наш взгляд, не вполне точно отражает содержание; здесь рассматриваются четыре основные темы: личные местоимения; система именных классов; рефлексивы и интенсификаторы; указательные местоимения.

В системе личных местоимений крызского языка противопоставлены инклюзив и эксклюзив, причем автор обозначает местоимения множественного числа цифрами 4 (первое лицо множественного числа – и инклюзив, и эксклюзив) и 5 (второе лицо множественного числа). В диалекте с. Алик инклюзивное местоимение совпадает с местоимением второго лица множественного числа, что указывает на более высокое положение второго лица в личной иерархии. В целом такая ситуация не редкость в нахско-дагестанской семье (см., например [Сумбатова 2010]), но интересно, как она проявляется в крызском – языке без личного согласования).

Позиция субъектных местоимений в крызском характерна для стадии развития языка, предшествующей образованию личного согласования: как показывает Отье, эти местоимения клитизируются к предикату справа (пример (1)), причем личное местоимение необязательно является крайне правым элементом в последовательности клитик, так как за ним может стоять маркер неопределенности *-sa* (как в примере (2)):

- (1) (zin) barkan.ci-zina
 1 лошадь-INSTR
 ya-ɣɛ'ar-e -zin
 PV-проходить-PRS 1
*Я переправляюсь на лошади*² (с. 44).
- (2) zin ğiu-ngh-i piɣam
 1(E) PV.F-IPF.шить-PART рубашка.F
 hata a-skva-ci-zin-sa
 где PV-класть-interr.PERF-1-INDEF³

² Во всех примерах использованы глоссы автора, перевод на русский наш.

³ В книге показатель *-sa* глоссируется как *ever*. В связи со сложностью перевода *ever* на русский язык вне контекста, мы предлагаем глоссу INDEF.

za-v va-ɣq'var-de-b
 1-AD PV-находить-NEGPRS-F

Я не понимаю (не нахожу), куда бы я могла положить рубашку, которую я шила (с. 44).

Употребление личных местоимений в крызском предложении довольно необычно: при наличии двух актанта, выраженных местоимениями, эти два местоимения образуют одну фонетическую словоформу (с отпадением конечного *-i* от первого из них); при этом в предложении, помимо такой «слитной» формы, оба местоимения или одно из них могут присутствовать и самостоятельно, то есть происходит факультативное дублирование одного или обоих местоимений:

- (3) jin ji-jin ŝitaʔar
 4^c 4^c(E)-5(LBS) как
 aldatmiŝ yi-yi -jin
 обман делать.IPF-interr 4^c
Как могли бы мы обмануть вас? (с. 45)

К сожалению, в грамматике нет правил или хотя бы неформальных обобщений относительно того, в каких случаях такое дублирование допустимо или предпочтительно. Предложения, подобные (3), на первый взгляд нарушают известный синтаксический запрет на двойное выражение одного и того же актанта в предложении, однако вполне возможно, что синтаксические функции двух «вхождений» одного местоимения не совпадают, – автор эту проблему не рассматривает.

В следующем разделе той же главы содержатся интересные наблюдения над классами имен с точки зрения морфологии основных падежных форм. У автора получилось два больших формально-морфологических класса имен, которые в свою очередь распадаются на несколько более мелких групп, выделение которых, по мнению Ж. Отье, следует ступеням личной иерархии (по-видимому, более точным будет утверждение, что эти группы образуются в результате взаимодействия иерархии личности с оппозицией объектов, входящих vs. не входящих в личную сферу человека). Первый большой класс составляют следующие группы: личные местоимения и интенсификаторы; существительные 'сын' и 'собака'; существительное 'человек / мужчина' и термины родства; собственные имена, формы множественного числа с суффиксом *-ar*, существительное 'овцы'; одушевленные существительные. Все эти существительные не имеют морфологических форм, выражающих локализацию 'внутри', но зато имеют формы адресатива и инвокатива. Другой большой класс составляют неодушевленные существительные, по особенностям морфологии рас-

падающиеся на следующие группы: названия мест; обозначения масс и формы множественного числа на *-bi*; предметы, части тела; прочие неодушевленные существительные. Элементы второго класса имеют формы локализации 'внутри' и не имеют форм адресатива и инвокатива.

Такая классификация, основанная на формальных особенностях образования падежных форм, независима от системы именных классов, которые также описываются в этом разделе. Крызский имеет типичные для нахско-дагестанской семьи четыре класса имен в единственном числе (мужской, женский и два неличных) и два во множественном, но объяснение классификации, предложенное автором, на наш взгляд, представляет собой пример слишком упрощенного подхода к проблеме [существительные первого класса обозначают тех, кто имеет право начинать разговор (*le genre I peut prendre la parole*, с. 48); во втором классе – те, кто может отвечать представителям первого класса; в третьем классе – те, кто может получать и понимать команды, но не может отвечать, например, домашние животные; в четвертом – неодушевленные объекты, исключенные из сферы коммуникации]. От многих других нахско-дагестанских языков крызский отличается морфологической сложностью оформления классного согласования – классные показатели имеют много морфологических вариантов.

В этой же главе содержится информация о рефлексивных и взаимных местоимениях, а также об интенсификаторах. Интересно, что рефлексив в крызском имеет функцию, судя по всему, аналогичную русскому «себе» в предложениях типа *А он себе идет*:

- (4) ula-ci   uxvats'-ga   zina-z
 есть-SEQ   петь-manner   I SELF-D
 ku-kvar-yu-ni-   zin
 RED-идти-PRS.F-PST   I
А я себе гуляю, ем и пою на ходу (с. 57).

В главе 6 рассказывается о наречиях и послелогах. Объединение описания этих двух классов слов в один раздел (а самих этих слов – в один грамматический класс) мотивировано фактами языка. Как и в других языках нахско-дагестанской семьи, локативные наречия и послелоги зачастую отличаются только отсутствием / наличием зависимого имени:

- (5) k'ul-ci   yiq'.c-a
 дом-G   задняя.часть-IN
 xud   ya'-u
 скала.F   сорех-F
Позади дома есть скала (с. 81).

- (6) yiq'.c-a'an   m-iku!
 назад   PRON-смотреть
Не смотри назад! (с. 81)

Общее морфологическое свойство слов этого класса – изменение по локативным падежам (ср. примеры (5) и (6)). С другой стороны, локативные послелоги, подобно существительным, управляют именной группой в генитиве.

В шестой главе подробно описываются локативные и прочие наречия и послелоги, в том числе утратившие внутреннюю форму и заимствованные, а также прилагательные, образованные от наречий (ср.: *hila'* 'теперь' > *hila'-a* 'теперешний').

Глава 7 содержит сведения о вопросительных местоимениях, числительных, неопределенных местоимениях и, наконец, о квантификаторах и отрицательных местоимениях. Надо признать, что как мотивы описания этих единиц в одной главе, так и мотивы отнесения тех или иных единиц к классу квантификаторов остались нам не вполне ясны. Квантификаторами считаются следующие элементы: частица (энклитика) *an* 'никакой' (присоединяется только к группам, модифицируемым числительным 'один'), прилагательное *har-sa-r* 'каждый', прилагательное или местоимение *girt* 'все', наречие *xayla* 'очень' и производное от числительного 'один' местоимение *hiçsa-r* 'никакой'. Очевидно, эти элементы собраны вместе по семантическому принципу, и в таком случае логично их объединение в одну главу с числительными (все это слова, обозначающие количество, хотя я не стала бы относить сюда же наречие степени 'очень'). С некоторой натяжкой можно объяснить присутствие в той же главе неопределенных местоимений, которые функционально и морфологически близки к отрицательным. Но остается непонятным, почему в эту же главу попали вопросительные слова.

Еще одна проблема, рассматриваемая в Главе 7, – употребление слова 'один' в функции неопределенного артикля. Функция выражения неопределенности типична для данного числительного (ср. хотя бы русское слово *один*), но для квалификации его как артикля необходимы грамматические аргументы, которые в работе не приводятся.

Интересен раздел 8, описывающий формы и функции связочных элементов. В крызском имеется обычная (идентифицирующая) связка (*copule essentielle*), которая изменяется по классам (но не по лицам) и может присоединять клитику прошедшего времени. Эта же связка имеет особую форму в вопросительных предложениях, но сама по себе недостаточна для маркирования вопросительности – необ-

ходимо, чтобы, помимо «вопросительной» связки, в предложении была либо вопросительная группа, либо вопросительная частица (в общевопросительных предложениях). Причем, что необычно, в группе постглагольных клитик связка и даже вопросительная частица предшествуют клитике прошедшего времени:

- (7) *yif miç'a-ya-ni*
ночь темный-COP.N-PST
Ночь была темная.
↓
yif miç'a-yi-m-ni
ночь темный-interr.COP-Q-PST
Была ли ночь темная? (с. 113)

В крызском имеется также экзистенциальная связка – морфологически родственная идентифицирующей, но фонетически самостоятельная. Она используется в конструкциях, утверждающих существование чего-либо, в том числе посессивных.

- (8) *diunya.c-iğ insan-bi*
мир-SUPER человек-PL
şib-ud cura ya^ç-ab
три-Ч вид CopEx-NPL
На свете есть три сорта людей (с. 113).

Утверждения и вопросы о наличии чего-либо в каком-либо месте оформляются при помощи пространственных связок (*copules spatiales*), в том числе вопросительных (данные об употреблении связок обнаруживаются также в разделе 13, где речь идет, в частности, об именных предложениях). Эти связки не просто выражают значение существования, но и обозначают локализацию предмета, существование которого утверждается. Крызские пространственные связки противопоставляют пять локализаций (внутри емкости; в сплошной среде; на / перед; под; тут).

- (9) *agu-c kut.ul-a sasila*
пчела-G корзина-IN немного
tike yit ^çasa
часть мед быть.внутри
В улье есть немного меда (с. 118).

Различие идентифицирующих и экзистенциальных связок нейтрализуется в причастных и деепричастных формах – общих для «идентифицирующих» и экзистенциальных предложений. Всегда фонетически самостоятельны отрицательные связки.

Очень важное место в книге занимают главы 9 и 10, посвященные образованию глагольных форм. Глагол в крызском, как и в других нахско-дагестанских языках, имеет большую и

сложную парадигму, описание которой в книге Отье отличается последовательностью и тщательностью.

В разделе 11 описываются грамматические залого крызского языка. Само существование грамматически выраженных залогов не вполне обычно для нахско-дагестанских языков. Как правило, в них представлены в лучшем случае актантные деривации понижающего типа (в языках аваро-андо-цезской подгруппы) или немаркированные в глаголе антипассивные (даргинский) или биабсолютивные (аварский) конструкции. Жиль Отье выделяет в крызском морфологические формы медиопассива (суффикс *-ar*), точнее – медиопассивные причастия, образуемые от переходных глаголов. От этих форм в свою очередь образуются аналитические формы при помощи вспомогательного глагола 'быть, становиться'. В том же ряду Отье рассматривает каузативные конструкции, которые образуются аналитически, при помощи глагола 'делать'.

Интересно, что у аффективных глаголов формально та же каузативная конструкция имеет конативное значение (значение попытки):

- (10) *zin za dust-imi*
1(E) 1.G друг-PL(ABS)
i-b-qar-a yi-geb
PV-NPL-видеть-А делать-PRS.NPL
Я навещаю своих друзей (с. 172; здесь представлена каузативная форма глагола 'видеть', досл. 'стараться / прилагать усилия к тому, чтобы увидеть').

Таким образом, многие крызские глаголы образуют тройные цепочки: переходный глагол > образуемый от него морфологический медиопассив > аналитический каузатив, например: *ugvauc* 'жечь' > *ugvaga xhiyic* 'гореть' > *ugvaga agic* 'зажигать'. Функции медиопассивных форм рассматриваются в главе 15. Одна из основных функций – обозначение спонтанного действия, протекающего без участия агенса-контролера (в более общепринятых терминах, это декаузативное значение). Причина спонтанно протекающего события (например, действие стихии) может быть указана в такой клаузе, однако соответствующая именная группа стоит в форме субэлатива и в число ядерных аргументов глагола не входит.

- (11) *уux yi-qar-a xhi-yic*
молоко PV-твердеть.MP-A быть-AOR.N
Молоко свернулось (с. 228).

- (12) *kulak.ci-kar giki*
ветер-SUB.N1 дверь
^çu-far-a xhi-yic
PV-закрыться-А быть-AOR.N
Дверь закрылась из-за ветра (Дверь закрыло ветром) (с. 229).

Медиопассив может иметь также собственно пассивное значение, причем агенс в такой конструкции выражен быть не может. Пассивные формы перфектива дают результативное значение. Еще одна важная дискурсивная функция пассива – маркирование топикальности пациенса или другого аргумента, отличного от агенса, ср. примеры (13–15):

(13) *umay-ir* *ʔayal* *qʔusi.c-a*
 мать-Е ребенок люлька-IN
ʔa-ltʔ-ile
 PV-привязывать-PRS
Мать привязывает ребенка к люльке
 (с. 232).

(14) *ʔayal* *qʔusi.c-a*
 ребенок люлька-IN
ʔa-ltʔ-al-e
 PV-привязывать.MP-PRS
Ребенок привязан к люльке (с. 232).

(15) *qʔusi.c-a* *ʔayal*
 люлька-IN ребенок
ʔa-ltʔ-al-e
 PV-привязывать.MP-PRS
К люльке привязан ребенок (с. 232).

Особые свойства в медиопассивной конструкции обнаруживают переходные глаголы ‘есть’ и ‘пить’. В этой форме они имеют два фактически противоположных варианта значения – пассивное и антипассивное.

В главе 13 («Предикаты и аргументы») рассматриваются синтаксические классы крызских предикатов (переходные, непереходные, лабильные, связочные и т.д.). С классами глаголов связаны основные конструкции предложений: помимо непереходной и эргативной, в крызском засвидетельствована конструкция, которую Жиль Отье вслед за Жильбером Лазаром [Lazard 1995] называет «антиимперсональной». Это конструкция, в которой присутствует эргативный актанта, но нет абсолютива, а глагол принимает форму неодушевленного класса. Интересно, что в крызском представлено две разновидности аффективной конструкции: бенефактивный актанта может выражаться либо дативом, либо адлокативом, причем последний появляется, если предикат обозначает получение бенефактивом каких-то «временных» благ, ср. перевод примеров на с. 193–194: ‘Отец отдал мне свою дочь’ (группа ‘мне’ в дативе) и ‘Сади дал девушке горькое лекарство’ (‘девушка’ в адлокативе).

Синтаксические механизмы классного согласования в крызском сравнительно просты и типичны: контролером согласования всегда является абсолютивная именная группа; во множественном числе довольно обыкновено семантическое согласование:

(16) *lu* *ʔayla* *ɔam.ul-a*
 этот семья печаль-IN
ʔa-lqʔ-val-eb
 PV-падать-PRS.NPI.

Этой семьей овладела печаль (досл. ‘Эта семья (ед. ч.) впала (мн. ч.) в печаль’; с. 187).

Важная для нахско-дагестанских языков проблема оформления фокуса рассмотрена в работе и для крызского. В отличие от ряда других языков (см. [Казенин 1997]), в крызском, видимо, нет морфосинтаксического механизма фокусирования, связанного с перемещением предикативных клитик к фокусной группе. Основным средством фокализации здесь является порядок слов, причем типичной для фокуса является предглагольная позиция:

(17) *ceuhur-ci* *ghala-d*
 груша-G хороший-notN
meʂa.c-a *sar.id-ir* *ulatsʔ-ru*
 лес-IN медведь-Е есть-EVT.F

Лучшие груши съедает медведь в лесу (пословица; с. 195).

Здесь же, перед глаголом, – обычное место вопросительной группы, которая семантически является фокусом частновопросительных предложений. Сирконстанты, как правило, и так занимают в предложении позицию перед глаголом, поэтому их фокализация маркируется только интонацией.

В главе 13 также отмечается, что некоторые аргументы в косвенных падежах могут контролировать рефлексив (что можно расценивать как признак подлежащего), однако подробно подлежащие свойства аргументов в книге не исследованы.

Наконец, в последней главе рассматриваются некоторые явления, обеспечивающие связь предложений в тексте. В частности, это способы маркирования топика. В большинстве случаев топик и фокус могут быть идентифицированы благодаря порядку слов (начальная позиция для топика, предглагольная позиция для фокуса). Однако есть и гораздо более редкие – по крайней мере, для восточнокавказских языков – структуры. Например, топик, маркированный клитикой *ap*, может выноситься в специальную топикальную позицию, предшествующую клаузе, как в примере (18). Если топиком, как это часто бывает, оказывается агенс переходного глагола, то в этой позиции он маркируется абсолютивом (то есть тем самым находится вне переходной клаузы).

(18) *lu* *qʔusa-d* *an,* *ug-ux*
 этот старый-ABSnotN AN SELF.M-APUD
sa-r *dust* *da-r-i* *xhici,*
 один-M друг NEG-M-PART BECAUSE

уапан хауа! уi-гуу-ни
 ужасный мысль.г делать-PRS.F-PST
*И эта старуха, не имея ни одного друга,
 ужасно страдала от скуки* (досл. 'делала
 ужасные мысли', с. 378).

В главе 20 также подробно рассматриваются правила употребления рефлексивных местоимений, которые, как в прочих нахско-дагестанских языках, могут быть локальными и дистантными.

Книга Жия Отье – безусловно, ценное произведение – прежде всего будет полезна кавказоведам, специализирующимся на языках восточнокавказской семьи. В то же время она может быть интересна и лингвистам других специальностей, в том числе типологам.

Главная особенность работы Отье в том, что это не только грамматическое описание, но и богатая коллекция языковых данных. В книге огромное число примеров на все описываемые явления – последний пример в грамматической части имеет номер 2276; кроме того, в конце дан прекрасный текст на крызском языке. Все примеры тщательно оглоссированы, причем глоссы сделаны на английском языке (литературный перевод – на французский). Очень облегчает восприятие материала то, что среди примеров есть как элементарные предложения, служащие для максимально наглядной иллюстрации того или иного явления, так и достаточно сложные конструкции, взятые из крызских текстов. Таким образом, грамматика Отье ценна уже как источник качественных языковых данных. Кроме того, богатый иллюстративный материал делает верифицируемыми все положения работы, что также можно отнести к числу ее достоинств.

В книге подробно описаны все основные фрагменты грамматики крызского языка: фонология, формобразование имени, глагола и других частей речи, функции падежных форм; функции многочисленных финитных и нефинитных форм глагола; структура простого предложения (оформление актантов и сирконстантов, основные конструкции, особенности именных предложений, согласование), структура сложного предложения и виды зависимых клауз и т. д. Особенно высоко следует оценить морфологические разделы работы – все тонкости крызской морфологии описаны в них исключительно подробно, красиво и тщательно. Некоторым разделам не хватает четкости, однако это объясняется богатством и сложностью эмпирического материала, обобщение которого либо не входило в задачи автора, либо потребовало бы работы большого коллектива специалистов и гораздо большего времени.

Выход книги Жия Отье – важное событие для всех, кто интересуется языками Дагестана, а сама книга – ценный источник знаний о них.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1 – первое лицо единственного числа; 4^e – первое лицо множественного числа (эксклюзив); 5 – второе лицо множественного числа; А – агенс переходного глагола; ABS – абсолютив; AD – адлокатив; AN – клитика *-an*; AOR – аорист; APUD – апудлокатив; BECAUSE – показатель деепричастия причины; COP – связка; COPX – экзистенциальная связка; D – датив; E – эргатив; EVT – вероятное будущее; F – женский класс (ед. ч.); G – генитив; H – личный класс; IN – локатив (положение в незамкнутом пространстве); INDEF – маркер неопределенности; INSTR – инструменталис; INTG – вопросительная форма; IPF – имперфектив; M – мужской класс (ед. ч.); Manner – деепричастие образа действия; MP – медиопассив; N – нейтральный (личный, неодушевленный) класс; NEG – отрицание; NON – не нейтральный класс; PART – причастие; PERF – перфектив; PL – множественное число; PRON – прохибитив; PRS – презентатив; PST – суффикс прошедшего времени; PV – преверб; Q – показатель общего вопроса; RED – редупликация; SELF – интенсификатор или рефлексив; SEQ – деепричастие последовательности; SUBEL – субэлатив; SUPER – суперлокатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казенин 1997 – *К.И. Казенин*. Синтаксические ограничения и пути их объяснения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
 Коряков 2006 – *Ю.Б. Коряков*. Атлас кавказских языков. М., 2006.
 Саадиев 1972 – *Ш.М. Саадиев*. Опыт исследования крызского языка. Дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1972.
 Саадиев 2001 – *Ш.М. Саадиев*. Крызский язык // М.Е. Алексеев (отв. ред.). Языки мира. Кавказские языки М., 2001.
 Сумбатова 2010 – *Н.Р. Сумбатова*. Лицо и личные иерархии в нахско-дагестанских языках // Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В.П. Недялкова. М., 2010.
 Lazard 1995 – *G. Lazard*. Le géorgien: actance duale ('active') ou ergative? Typologies des verbes anti-impersonnels // Sprachtypologie und Universalienforschung. 48. 1995.

Н.Р. Сумбатова

Сведения об авторе:
 Нина Романовна Сумбатова
 Институт лингвистики РГГУ
 nina.sumbatova@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

**Круглый стол «Цветница. Duminica floriilor. Вауокуріакі. Diela e lulevet...
Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале»**

30 марта 2010 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол «Цветница. Duminica floriilor. Вауокуріакі. Diela e lulevet... Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале», на котором прозвучало 15 докладов, подготовленных сотрудниками Института и приглашенными гостями. Организаторами встречи стали Центр лингвокультурных исследований Balcanica и Центр балто-славянских исследований Института славяноведения. Это научное событие тематически продолжило круглый стол «Мартеница Mărțișor. Март'с. Verore...», состоявшийся там же, в Институте славяноведения РАН, в 2008 г. и знаменовавший собой официальное открытие ЦЛИ Balcanica¹. Балканистические конференции, проводимые в Институте славяноведения РАН, традиционно представляют собой пространство для общения исследователей разного профиля: лингвистов, искусствоведов, литературоведов и историков, и этот круглый стол не стал исключением. В настоящей хронике мы попытаемся подвести итоги этого научного собрания sub specie языка и лингвистики.

Как отметила в своем вступительном слове И.А. С е д а к о в а, руководитель ЦЛИ Balcanica, основной код Вербного воскресенья в народно-христианской традиции – растительный, что нашло свое отражение как на лингвистическом уровне (прежде всего в терминологии этого дня в разных языках и традициях – *Вербное,*

Пальмовое, Цветочное воскресенье), так и на уровне обрядов. Вегетативная тематика праздника позволила участникам круглого стола выйти за рамки интерпретации лишь ритуального комплекса и показать, как растительный код функционирует в языке, фольклоре и культуре разных народов.

Большинство докладов было посвящено Вербному воскресенью. Хотелось бы начать с выступления Т.В. Цивьян (ЦЛИ Balcanica, Институт славяноведения РАН) «Вербная тема в русской литературе XX в.: мерцающая мифология». На материале праздника было показано, как в русской литературе отражаются следы архетипической модели мира. Т.В. Цивьян находит их в лингвистическом коде праздника: прежде всего в номинациях вербы и ее пушистых почек (*пчелки, котята, цыплята, утята, зайчики, мышки, хомячки, барашки, ягнятки*, т. е. маленькие зверушки или детеныши), а также в лексико-семантических полях, которые актуализируются в связанных с праздником текстах и раскрывают «мерцающие мифологические мотивы» (*детство, смерть, возрождение*).

Эти мотивы стали своеобразным рефреном большинства докладов. Так, в выступлении О.В. Трефиловой (Институт славяноведения РАН) «Оппозиция молодой–старый resp. новый–ветхий в древнейших славянских переводах “Слов” на Вербное воскресенье» они рассматривались на материале старославянских памятников, восходящих к одноименному тексту Иоанна Златоуста. Несколько докладов было посвящено этнолингвистическому описанию праздника в разных балкано-балто-славянских традициях. Р. Балкуте (Центр народной культуры Литвы) и М.В. Завьялова (Институт славяноведения РАН) рассказывали о традициях Вербного воскресенья в Литве.

¹ См. публикацию: И.А. С е д а к о в а (отв. ред.), М.М. Макарецев, Т.В. Цивьян (ред.). Мартеница. Mărțișor. Март'с. Verore... Материалы круглого стола 25 марта 2008 года. М., 2010.

В современной Литве обрядность этого дня сочетает как архаические элементы (постукивание вербой с приговором: «Верба бьет, не я бью»), так и более поздние влияния, в частности, польские (создание декоративных букетов из сухих цветов: так называемая «польская верба», которая в наши дни стала неизменным атрибутом праздника). В.В. Усачева (Институт славяноведения РАН) рассказала о Вербном воскресенья у поляков, показав, что основные темы (и элементы лингвистического кода) этого праздника повторяются и в русской, и в польской традиции (здесь проявляется мотив детства, который кодируется целыми цепочками диминутивов, ср. названия пушистых почек вербы *bazie* 'барашки', *kotki* 'котки' и под.). М.М. Валенцова (Институт славяноведения РАН) в докладе о Вербном воскресенья в чешской и словацкой народной традиции также отметила, что количество общих мотивов и сюжетов у поляков, чехов, словаков и русских исключительно велико: например, повторяется мотив детства на лингвистическом уровне (названия цветов и почек, переводимые как 'барашки', 'котята' и под.), мотив смерти (в гаданиях на обрядовом уровне) и др.

А.А. Плотникова (Институт славяноведения РАН) в докладе «Вербная (Лазарева) суббота: особенности девических обходов у балканских славян» описала балканский славянский обряд обхода селения с благопожеланиями, совершаемый девушками на Лазареву субботу (*лазарки*, *лазаруване*, *лазарице* и под.). Структура обряда контаминирует с другими обрядами обхода (например, с окказиональным ритуалом вызывания дождя *пеперуда*), а сам он в некоторых местах превращается в инициацию и участие в нем становится обязательным для девушек, вступающих в брачный возраст. На этнолингвистических картах было показано распространение разных видов девических обходов Южной Славии. Анализ растительного кода в обряде (проявляющегося в том числе и на лингвистическом уровне) позволяет выявить архаическую основу обряда (танец / движение) и связать его с целью обряда: увеличением урожая. Термин христианского происхождения с основой **lazar-*, скорее всего, заменил первоначальный термин с основой **bujen-* с символикой буйно, пышно произрастающей растительности, на рост которой воздействует танец участников обряда.

К.А. Климова (Институт славяноведения РАН) в докладе «*Ta bávia vikhtéria* (пальма, лавр и другие растения) в греческой народной традиции» рассматривала растения, которые имели ритуальное значение на праздновании Лазаревой субботы и Вербного воскресенья в

греческом мире. Если в русской традиции используется один и тот же род растений – ивовые (*salix*), которые не всегда легко различить (и в народной традиции за всеми ними закрепилось название «верба»), то в Греции и на островах в разных регионах используются разные, не похожие друг на друга растения, приобретающие на время своего использования в обряде единое название: *ta bávia vikhtéria*: *foínikas* 'пальма'; *dáfni* 'лавр'; *itéa, itiá* 'ива'; *úrtoç, murtiá* 'мирт'; *elía* 'оливковые ветви'. Эти растения изофункциональны: им приписываются магические свойства изгонять темные силы и оберегать дом и семью в течение всего следующего года, что проявляется на обрядовом уровне. Доклад Н.Г. Голант (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) «*Duminica floriilor* и мифологические представления румын, связанные с растениями» был посвящен лексике Вербного воскресенья (рум. *Duminica floriilor* букв. 'Воскресенье цветущих'), главным образом, фитонимике, а также другим обрядам и представлениям, связанным с растениями в румынской традиционной культуре. У румын в обычаях Вербного воскресенья четко прослеживается связь вербы с плодородием и наделение ее апотропеическими свойствами. Фразеология фиксирует связь вербы с женским началом. Символика растения представляется амбивалентной: верба может связываться с культом Богородицы, что становится мотивацией ряда запретов (рвать, рубить вербу, причинять ей какой-либо вред) и «объясняет» некоторые ее свойства (например, быстрый рост – этиологические легенды о благословении растения представителями Верхнего Мира). Однако на первый план может выходить мотив смерти: тогда верба связывается с миром мертвых и считается деревом дьявола.

На балканском материале был основан и доклад М.М. Макареца (ЦЛИ *Balkanica*, Институт славяноведения РАН) «Растительный код в "Балладе о мертвом брате"». В докладе использован болгарский, македонский и албанский материал. Растения в балладе в высшей степени амбивалентны: чтобы успокоить сестру, которая начинает подозревать истину, почувствовав исходящий от брата запах смерти, тот пытается объяснить его как запах растений, но их подбор оказывается не случайным (базилик, бурьян, крапива, полынь и т. д.) и они все равно прямо или косвенно указывают на смерть. На основании более полутора сотен вариантов «Баллады...» М.М. Макарец составляет ее «растительный словарь», классифицированный на основе традиционных культурных представлений, в который вошло более 30 лексических единиц. Из функций растений актуализируют тему смерти «матери-

ал» (например, сосна, из которой делают гроб), «одористический атрибут смерти» (пшеница, которую пересыпали через пальцы брата перед погребением), «субститут иного мира» (необходимость уйти для работы в винограднике в замаскированном виде указывает на то, что брат должен вернуться в могилу). В «Балладе...» растения-апотропеи, традиционные символы жизни, превращаются в признаки смерти и представитель иного мира умело пользуется этой амбивалентностью.

Доклад Н.В. Злыдневой (Институт славяноведения РАН), наоборот, посвящен жизни: «Процветшая плоть в балканской изобразительной традиции: к проблеме контаминации кодов». В нем ставится проблема применения терминов лингвистики текста к изобразительному искусству. Семантика растительного кода в изобразительной традиции балканских народов носит универсальный характер. Чтобы обнаружить ее уникальность, автор доклада предлагает исследовать изображение как высказывание, обладающее своим синтаксисом. От архаики и до творчества югославских художников-сюрреалистов и примитивистов (30–60е гг. XX в.) растительный код связывается с телесностью, что выражается в мотиве «процветшей плоти». Эта связь может проявляться как в виде простых «синтагм»: человек + растение, так и образовывать более сложные цепочки: (земля–роженица–цветок), а также сверхфразовые единства. О.А. Киришнина (МПИ) в докладе «К вопросу об иве в древнегреческом ритуале и мифе» проанализировала наименования ивы (вербы, ракиты, ветлы и др.), встречающиеся в античных текстах, и связь этого растения с древнегреческими культами. Аллюзии на почитание этого дерева содержатся, с одной стороны, в мифологии, с другой стороны, прослеживаются в топонимике сакральных мест и эпитетах богов и героев. Ива / верба или ее разновидности в античной традиции воспринимается в ряде случаев как дерево, обладающее женской символикой и используемое в обрядах, посвященных женским божествам (Деметре, Персефоне). Однако можно проследить и мужской аспект символики растения: праздники, посвященные культу Адониса, а также представления о Дионисе и Аполлоне (в лице Асклепия) как об ивовых / вербеновых / древесных богах, убитых и вновь возродившихся. Современная ботаническая классификация не всегда совпадает с тра-

диционными представлениями: так, и в древнегреческой, и в русской народной традиции ива и вербена (*salix* и *vitex*) не различаются.

На круглом столе «Цветница. *Duminica floiilor. Вауокурѣакѣ. Diela e lulevet...* Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале» прозвучали также доклады, непосредственно не связанные с лингвистической тематикой. Ярким и запоминающимся было выступление Л.И. Акимовой (ГМИИ им. А.С. Пушкина), которая рассматривала противопоставление мужского и женского в растительном коде на материале погребального убранства царицы Ура Шубад. Е.В. Пчелов (РГГУ) выступил с докладом «“Чудо-дерево” Московского царства: верба в церемонии шествия на ослати в XVI–XVII вв.». В.Л. Кляус (Институт мировой культуры МГУ) рассказал о функциях вербы как маркера русского дома в Трёхречье (Северный Китай). С.А. Сиднева (МГУ им. М.В. Ломоносова) описала так называемые *statue vegetali* (растительные фигурки матери и дочери, используемые в калабрийском обряде Вербного воскресенья).

Как видно, даже всего один праздник и одно растение позволяют раскрыть множество тем, напрямую связанных с базовыми концептами балкано-балто-славянских культур. То, что эти темы представлены вместе, дает возможность ярче выделить общее и индивидуальное, лежащее в основе каждой культуры. Материалы круглого стола готовятся к публикации. Центр лингвокультурных исследований *Balkanica* планирует и в дальнейшем проводить такие научные встречи и выпускать тематические сборники материалов.

М.М. Макарецев, С.А. Сиднева, А.Е. Тунин

Сведения об авторах:

Максим Максимович Макарецев
Институт славяноведения РАН
makarcev@bk.ru

Светлана Александровна Сиднева
МГУ им. М.В. Ломоносова
lucia80@mail.ru

Антон Евгеньевич Тунин
Институт славяноведения РАН
blagovestje@gmail.com

**Международный симпозиум «Диалектное состояние праславянского языка
в свете этимологических исследований»**

В Любляне (Словения) 16-18 сентября 2010 г. прошел международный научный симпозиум. Организатор симпозиума – Этимологическая комиссия при Международном комитете славистов под председательством Аленки Шивиц-Дулар, известного слависта, профессора философского факультета Университета в Любляне. Симпозиум был посвящен столетию со дня рождения крупнейшего слависта-этимолога академика Словенской академии наук и искусств Франца Безлая, и тематика симпозиума определялась как актуальностью праславянской проблематики, так и научным вкладом словенского ученого в ее разработку.

Выступившие с приветствиями при открытии симпозиума президент Словенской академии наук и искусств Йоже Тронтель, ректор Университета в Любляне Радован С. Пейовник, декан философского факультета Валентин Буцик, руководитель Отделения славистики философского факультета Николай Еж, директор Института словенского языка Марко Сной отметили важность развития гуманитарных наук как необходимой составляющей культурных ценностей человечества, значительную роль славистики в комплексе гуманитарных наук и в сохранении и углублении осознания исторического единства славянских народов, значение этимологии как лингвистического фундамента реконструкции древнейших судеб славянства. Особое внимание было обращено на огромные заслуги акад. Ф. Безлая перед славистикой и словенистикой в разработке проблем исторической лексикологии, этимологии, ономастики и лингвогеографии. Идеи Ф. Безлая получили воплощение в многочисленных исследованиях по словенскому языку. Итогом его многолетней плодотворной научной деятельности стал фундаментальный труд «Этимологический словарь словенского языка». 17 сентября собравшиеся на симпозиум слависты приняли участие в торжественном открытии мемориальной доски Ф. Безлая на доме, в котором жил ученый.

В симпозиуме участвовали слависты из России, Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Словении, Болгарии, Сербии, было заслушано 28 докладов.

Теоретическим и методическим аспектам проблемы диалектного состояния праславянского языка посвятили свои доклады А. Шивиц-Дулар (Словения) «Теоретические и методические перспективы этимологических исследований в области праславянской диалектизации», Л.В. Куркина (Россия) «К проблеме интерпретации лексических изо-

глосс», М. Фурлан (Словения) «Архаизмы в диалектизации», А. Лома (Сербия) «Архаизм vs. инновация, сложение vs. производность», Ж.Ж. Варбот (Россия) «Значение определения производящих основ лексем славянских языков для суждения о диалектном состоянии праславянского языка». Наиболее острой была дискуссия по проблемам квалификации лексических фактов как архаизмов / инноваций, возможности дифференциации этих понятий для диахронии и синхронии, а также соотношения толкований явлений архаизмов / инноваций с понятиями центр / периферия в лингвогеографии.

Существенным развитием теоретической проблематики стали доклады, авторы которых выделили новые лексические схождения между отдельными славянскими языками, а также праславянские диалектизмы: Г. Цыхун (Белоруссия) «Эксклюзивные межславянские изолексы и праславянская ареальная структура», Х. Дейкова (Болгария) «Диалектная дифференциация в рамках праславянской орнитологической системы», Н. Антропов (Белоруссия) «Праславянские диалектизмы в “Этимологическом словаре белорусского языка”», М. Рачева (Болгария) «К праславянской диалектизации в этимологическом изучении цветообозначений». Близи к этой группе доклады, посвященные лингвогенезу словенского языка: М. Шекли (Словения) «Альпийско-славянское и паннонско-славянское наследие в словенском языке» (на основе анализа Фрейзингенских отрывков предлагается диахроническое истолкование древнейших словенских диалектных явлений и в связи с этим пересмотр понятий «альпийско-славянское» и «паннонско-славянское») и В. Станишич (Сербия) «Албано-словенские языковые связи – опыт стратификации». «Внешние» связи праславянского языка – в семье индоевропейских языков – освещены в докладе С. Клеменчиц (Словения) «Праславянский язык в свете диалектологии языковых семей».

Весьма актуальная для современной этимологии методика этимологического анализа лексики по лексико-семантическим полям была представлена в следующих докладах: И. Янышкова (Чехия) «К лексико-семантическому полю ‘пахнуть’ в славянских языках (мотивационные источники)» (отмечена этимологическая близость с полем восприятия запаха), Х. Карликова (Чехия) «Обозначение понятия ‘большой’ в древнейших фазах славянских языков» (анализируется в основном старочешская лексика, с разработкой новых этимологических решений), Я. Ванякова (Польша) «Славянские названия растений в

свете этимологических исследований (на избранных примерах)».

Особая трудность и соответственно актуальность для этимологии проблем семантического анализа неоднократно отмечалась во многих из перечисленных выше докладов (в частности, о лексико-семантических полях) и при их обсуждении; специально этой проблематике посвящены следующие доклады: С.М. Толстая (Россия) «К семантической реконструкции слав. *vesel- и *rad-» и М. Якубович (Польша) «Исследование семантического развития праславянских родственных лексем после распада праславянского языка» (в последнем представлена весьма перспективная методика опоры на поздние семантические различия при суждении о диалектном состоянии праславянского языка).

Очень существенная для этимологии проблематика нерегулярных фонетических явлений получила отражение в докладе Б. Островского (Польша) «Ротацизм. Опыт определения причин явления» (выделение весьма разнородных и в генетическом, и в хронологическом отношении источников не всегда убедительно).

Посвященный специфической словообразовательной модели доклад И. Рейзека (Чехия) «Чешские глаголы с интенсивной редупликацией» представил очень интересный лексический материал, который автор (вне сравнения с другими языками) считает надежным обоснованием гипотезы об особой характерности этой модели для чешского языка.

Ономастический материал рассматривался в следующих докладах: Л. Димитрова-Тодорова (Болгария) «Топонимические труды Ф. Безлая и их значение для этимологического истолкования болгарской топонимии славянского происхождения» (дано ценное обобщение анализа болгарско-словенских гидронимических соответствий в книге Ф. Безлая «Словенские гидронимы»), С. Торкар (Словения) «Корень *l'ub- в словенской топонимии (в славянском контексте)» (реконструкция путей преобразования корня в топонимах обоснована историческими документами и родственными славянскими образованиями), В. Шульгач (Украина) «Об одном случае делабиализации в славянских языках (лексическая система L'ud- > Lid)» (реконструкция процессов в обширном материале недостаточно аргументирована). Опыт обнаружения топонимических производящих основ в апеллятивной лексике представлен в докладе Е. Березович (Россия) «К семантико-этимологической интерпретации оттопонимических образований (на материале гнезда 'Русь, русский' в русских и славянских диалектах)».

Большой интерес участников симпозиума и дискуссии вызвали новые этимологические

толкования отдельных славянских лексем, которые были предложены следующими авторами: Я. Влаич-Попович (Сербия) «Праслав. *p(r)etro 'чердак', 'балка', 'сушильня' или 'кладовая?'» (обоснована производность от *preṭati), М. Белстич (Сербия) «О лексической семье праслав. *brъstь/*brъstь «почка, росток» (на базе обширного материала автор критически пересматривает существующие толкования), Т. Тодоров (Болгария) «Праславянское *stopiti, его производное *jъzstopiti и происхождение болгарских глаголов стъпнѣвам се, изстъпнѣвам се» (исходя из семантики болгарских глаголов 'пятиться, отступать; недоумевать, возмущаться' автор предполагает заимствование из греч. οτά πίσω 'назад'), В. Блажек (Чехия) «Hippologica Slavica» (очень смелый опыт обнаружения рефлекса и.-е. *ek'uo- 'конь' в славянском названии растения *sverěpъ вызвал серьезную критику в отношении фонетической и семантической реконструкции). Новые этимологические решения были представлены также в ряде упомянутых выше докладов: А. Ломы (слав. *gribъ < *ghrei-bhull- 'растущий в лесу'), И. Янышковой (чеш. láti 'издавать запах' < *l'bjati), Х. Карликовой (чеш. úřitný к праслав. *r'ut(iti) и некоторые другие).

Все участники симпозиума отметили рациональное планирование и организацию заседаний, дружескую рабочую обстановку на симпозиуме.

В ходе работы симпозиума состоялось заседание Этимологической комиссии, на котором было принято решение о формате участия комиссии в предстоящем XV съезде славистов: с учетом современного состояния этимологических исследований и прошедшей дискуссии по различным докладам участников симпозиума, предпочтение отдано формату тематического блока «Семантические проблемы этимологии».

Участники симпозиума очень благодарны организаторам симпозиума, Университету Любляны, Институту словенского языка и Словенской Академии наук и искусств за предоставленную им возможность проведения симпозиума в их замечательном городе, за его организацию и душевный прием.

Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина

Сведения об авторах:

Жанна Жановна Варбот
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
zhannavarbot@yandex.ru

Любовь Викторовна Куркина
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
lyukurkina@rambler.ru

**Международная конференция
«Перевод и межкультурная коммуникация в свете истории
лингвистических идей»**

1 октября 2010 г. на кафедре славистики Лозаннского университета (Швейцария) состоялась международная конференция «Перевод и межкультурная коммуникация в свете истории лингвистических идей» («Traductions et passages culturels à travers le prisme de l'histoire des idées linguistiques»). На конференции выступили с докладами (на французском языке) и приняли участие в дискуссиях исследователи из Швейцарии, Франции и России. Открывая конференцию, ее организатор Е. Вельмезова отметила факт возрастающего внимания современных лингвистов к проблемам перевода и переводоведения, подтверждением чему могут служить сразу несколько посвященных переводу международных конференций и семинаров, организованных за последние годы в разных странах. Спецификой же лозаннской конференции можно считать именно интерес ее участников к переводу в свете истории и становления лингвистических идей – проблематике, которая не была еще изучена в достаточной степени.

Интересен был сам состав участников конференции: большинство приглашенных докладчиков не только были специалистами в области истории идей, но и имели опыт перевода работ по лингвистике. Порядок, в котором доклады были представлены на конференции, соответствовал хронологии соответствующих идей в истории языкознания.

Так, первые два доклада были посвящены значению теории и практики перевода для составления словарей в России в XVIII в. Р. Комте (Франция) рассказал о словаре П.С. Палласа (1787–1789), составленном по распоряжению Екатерины II и включающем понятия (в том числе, и христианские), переведенные на многие языки мира. С. Аршамбо (Франция) выступила с докладом о создании первого толкового словаря русского языка – «Словаря Академии Российской» (1789–1794), создатели которого парадоксальным образом стремились как к обогащению его русского языка, так и к «очищению» от иностранных слов. С точки зрения истории лексикологии и лексикографии интерес представляла и сама работа над этим словарем: если первое издание словаря было организовано по этимологическому принципу, при подготовке второго издания создатели словаря ориентировались уже на алфавитный порядок. Доклад Ж. Брейара (Франция) был посвящен ранним переводам

французских литературных произведений на русский язык: сначала интерес переводчиков сосредотачивался на переводе отдельных лексем, однако впоследствии гораздо больше внимания стала привлекать к себе структура фразы, синтаксис. В результате этого – как, впрочем, и благодаря тому, что со временем переводчики становились все более образованными в области лингвистики, – стиль переводимых произведений постепенно становился гораздо менее тяжелым, а сами переводы – более удачными. В качестве яркого примера этой тенденции докладчик привел подготовку Н.М. Карамзиным русского издания «Новых Мармонтелевых повестей» Ж.-Ф. Мармонтеля (1794–1798).

О лингвистике XIX в. речь шла в докладе Е. Вельмезовой (Швейцария/Россия), также соединившей в своем исследовании историю языкознания с историей литературы. Говоря о новелле П. Мериме «Локис» (1869) и об основных лингвистических прототипах персонажа этой новеллы профессора-языковеда Виттенбаха, докладчица специально остановилась на том, как воспринимал этих известных лингвистов – А. Шлейхера и М. Мюллера – один из русских переводчиков Мериме, М.А. Кузмин.

В. Фещенко (Россия) выступил с сообщением о переводе как попытке осмысления бессмыслицы: его доклад был посвящен двум «видам» глоссолалии – религиозной (в целом свойственной «западному двенадцатому веку») и поэтической (в частности, глоссолалии русского поэтического творчества). Поэтическая глоссолалия часто воспринималась как поиск утраченного когда-то единого языка: считалось, что этот язык, непонятный сегодня для людей, несет в себе, тем не менее, поэтическую энергию смысла.

К вопросам лингвистики так называемого «круга Бахтина» (само название которого, впрочем, было поставлено под сомнение в одном из докладов) обратились Б. Вотье (Франция) и П. Серьо (Швейцария) – историки идэй и переводчики на французский язык работ П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова, соответственно. В этих выступлениях был представлен сравнительный анализ переводов на несколько языков книг «Формальный метод в литературоведении» (1928) Медведева (доклад Б. Вотье) и «Марксизм и философия языка» (1929) Волошинова (доклад П. Серьо). Показывая, что каждый перевод неизбежно отражает лингвистические идеи той эпохи, когда он появляется, оба докладчика остановились и на проблеме авторства переводимых ими текстов.

Общим вопросам методологии переводоведения и их значению в истории идей были посвящены доклады Ж. Фридрих (Швейцария) и Д. Самэна (Франция). Для иллюстрации своих идей оба исследователя опирались на собственный опыт переводчиков лингвистических работ (в частности, «Теории языка» К. Бюлера (1934) на французский язык).

Завершила конференцию общая дискуссия, в которой были подведены итоги заседания и намечены планы дальнейшего международ-

ного сотрудничества по изучению теории и практики перевода в истории лингвистических идей. Доклады участников конференции будут опубликованы в периодическом издании Лозаннского университета «Cahiers de l'ILSL».

Э. Райт

Сведения об авторе:

Эмили Райт

Лозаннский университет

emily.v.wright@gmail.com

Международная конференция «История и типология языковых систем»

7–10 октября 2010 г. в Институте германской филологии Зеленогурского университета (Польша) в рамках исследовательского проекта, финансируемого Евросоюзом, прошла Международная конференция на тему «История и типология языковых систем». В центре внимания конференции находились исследования развития языковых систем в рамках различных теорий языковых изменений и проблемы контрастивного и типологического анализа языков. Материалом для исследований, представленных на конференции, послужили языки различных групп и семей: немецкий, английский, нидерландский, исландский, польский, русский, французский, японский, кетский, селькупский, эвенкийский и др. В конференции приняли участие ведущие лингвисты из Японии, России, Польши, Германии, Австрии, Великобритании, США, а также ряд молодых ученых, работающих в области исторического, типологического и контрастивного языкознания.

В рамках конференции были организованы две секции: 1) «Исторические стадии развития языка и языковые изменения», 2) «Современные языки с типологической и контрастивной точки зрения. Динамика в синхронии». В первой секции было представлено 20 докладов, во второй – 14. Кроме секционных, состоялись три пленарных заседания, представленные пятью пленарными докладами.

Первый пленарный доклад был прочитан Б. Комри (США/Германия), работающим в настоящее время руководителем сектора лингвистической типологии в Институте эволюционной антропологии Института им. Макса Планка в Лейпциге, на тему «Лингвистика и типология с позиции различных языков». В центре внимания докладчика находилась проблема выявления индекса «типичности»

языков. Была представлена методология, разработанная автором и применяемая при составлении типологического атласа языков мира. Главной трудностью при столь глобальной задаче является, несомненно, адекватность критериев, лежащих в основе исследования. Вопросам установления иерархии типологически релевантных категориальных признаков докладчик посвятил значительную часть своего выступления. Во второй части доклада была представлена схема, на основании которой на примере свыше 30 языков мира, принадлежащих к разным языковым типам, был продемонстрирован результат применения данной методики.

Доклад В. Абрахама (Венский университет) и Э. Лайсс (Мюнхенский университет им. Людвига Максимилиана) «Объяснение дистрибуции фокальной и тоникальной позиции глагола в немецком и скандинавских языках» был посвящен проблеме интерпретации маркированной позиции финитной формы глагола в предложении. Основной гипотезой был тезис о категориальной эквивалентности трех внешне различных языковых явлений: видовой семантики глагола, категории определенности, выражаемой артиклем, и топологии предложения, причем онтологическая связь данных феноменов выявляется только на уровне глубинной структуры предложения. Утрата грамматической категории вида в германских языках ведет к формированию целого ряда единиц и конструкций, в известной мере компенсирующих видовую функцию. К числу таких феноменов принадлежит, наряду с категорией артикля, маркированная для германских языков инициальная позиция финитной формы глагола, кодифицирующая определенность и – опосредованно – предельность глагольного действия, понимаемого как реализация «внешней» перспективы высказывания в отличие от

онтологически неопредельной и неопределенной «внутренней» перспективы.

В докладе В.А. Плунгяна (МГУ им. М.В. Ломоносова) «К типологии аспектуальных систем: определение некоторых ключевых понятий» сопоставлялись разные подходы к категории глагольного вида. Традиционному рассмотрению вида как категории, основанной на бинарной оппозиции перфективности / имперфективности, характерной, в частности, для славянских языков, была противопоставлена более широкая, типологически обусловленная модель, позволяющая выявить общие черты и специфику функционирования видов глагола в языках разных типов. В частности, были предложены процедуры, позволяющие установить степень грамматичности тех или иных акциональных или аспектуальных составляющих глагольной семантики (предельность, хабитуальность, длительность, итеративность и т. п.). Вид определяется, таким образом, не столько как парадигматизированная дихотомия определенного категориального типа, сколько как набор более или менее стабильных категориальных признаков, или «кластеров», конфигурация которых обуславливает специфику проявления вида в разных языках.

Доклад Ю. Викторовича (Варшавский университет) «Возникновение и распространение семантических изменений» был посвящен взаимодействию структурных, «внутриязыковых» и социально-культурных факторов, влияющих на изменение значения языковых единиц разных уровней языковой системы. На примере семантической эволюции существительных и наречий (в последнем случае с учетом процессов грамматикализации, в частности, перехода наречий в разряд частиц и союзов) докладчик продемонстрировал сложные, подчас противоречивые процессы, итогом которых становятся изменения в семантике, затрагивающие не только отдельные языковые единицы, но и нередко вносящие существенные изменения в функционирование целых подсистем языка. Автор высказался за сбалансированный подход к оценке влияния интра- и экстралингвистических факторов языковых изменений, исключая односторонность и преувеличение воздействия лишь одной группы факторов, обуславливающих семантическую эволюцию.

Ю. Дарски (Познаньский университет им. Адама Мицкевича) в докладе «Общие принципы естественных языков как основа новой модели лингвистического анализа» представил разработанную им модель анализа частей речи, членов предложения и грамматических форм, в основе которой лежат универсальные принципы структуры и функционирования языка.

Указав в первой части своего выступления на ряд противоречий в современных работах по грамматике, докладчик предложил единообразную классификацию ключевых грамматических категорий, основанную на ряде строго формализованных процедур, позволяющих, в частности, установить границы высказывания, слова и словоформ различного типа, а также выявить морфемный состав словоформы и ее категориальную принадлежность. В отличие от традиционных подходов, автор новой лингвистической модели отталкивается от текста, преимущественно в его устной форме, который последовательно сегментируется на составляющие, вплоть до «референциальной основы» словоформы и ее «синтаксических экспонентов» (синсемантических морфем).

Доклады в секциях были посвящены вопросам морфологии, синтаксиса и семантики различных языков в синхронии и диахронии, причем своеобразие конференции состояло в попытке большинства докладчиков выявить взаимосвязи между языковыми категориями и феноменами, принадлежащими к разным уровням языка.

Среди наиболее распространенных тем докладов исторической секции – эволюция модальности как морфологического и лексико-грамматического феномена (категория наклонения, модальные глаголы), которая рассматривалась в докладах К.Г. Красухина (Москва), М. Шёнхерр (Вюрцбург / Зелёна-Гура) и Л. Енджеёвского (Берлин / Зелёна-Гура); синхронический и диахронический аспекты темпоральности и аспектуальности глагола (С. Курода, Цукуба; Я. Пискож, Мюнхен; П. Бартелик, Слупск); эволюция маркеров отрицания (Х.-В. Эромс, Пассау); предложения с глаголами процесса и изменения состояния (А. Прокопчук, Слупск); становление категории определенности (М. Котин, Зелёна-Гура; К. Пискож, Мюнхен); эволюция топологии предложения (Я. Фулжинава, Токио; С. Шаллер, Мюнхен). Вопросы истории и диахронической типологии синтаксических конструкций рассматривались в докладах И. Рёслер (Росток / Зелёна-Гура) и Я. Маше (Берлин). Проблемам развития лексики, в том числе с точки зрения взаимосвязи внутриязыковых и экстралингвистических факторов в разных типах текста, были посвящены доклады Е. Яковенко (Москва) и О. Таксичи (Осака). Р. Люр (Йена) рассматривала информационную структуру в древних памятниках письменности на индоевропейских языках. Доклад Е. Сквайрс (Москва) был посвящен взаимодействию верхне- и нижненемецких диалектов в средневековом городе на примере Хальберштадта. М. Бишаник (Зелёна-Гура)

представил результаты исследования соотношения фонетической и графической систем в позднесредневековой Силезии.

В типолого-контрастивной секции рассматривались как проблемы лексического состава и своеобразия семантики языков разного типа, так и вопросы грамматики в типологическом и контрастивном плане. Вопросам развития и типологических изменений в падежных системах немецкого, русского и украинского языков были посвящены доклады С. Менгель (Халле) и Х. Фатера (Кёльн). Р. Липчук (Щецин) представил исследование англицизмов в словарях иностранных слов немецкого языка; мотивы метафорических изменений в процессе развития языка рассматривались в сообщении Е. Которовой (Зелёна-Гура); результаты корпусно ориентированных исследований грамматики языка были показаны в докладах Я. Таборека (Познань) и О. Казакевич (Москва); двойные объекты в падежной синтагме рассматривались в выступлении А. Огавы (Осака); грамматикализация немецкого глагола *geben* в пассивных конструкциях в немецких диалектах была в центре внимания работы Х. Вегенер (Потсдам). Различного рода контрастивные исследования были представлены в докладах К. Шатте (Познань) (модальные наречия и модальные предложения в польском и немецком языках), О. Молчановой (Щецин) (пространственные предлоги в английском и послелоги в алтайских языках), М. Даррелла (Манчестер) (расщепленные предложения, порядок слов и информационная структура в сопоставительном аспекте). Доклад В. Гладрова (Берлин) был посвящен общим вопросам системного и функционального сравнения в контрастивной

лингвистике. Два исследования были выполнены на материале кетского языка – это сообщение Е. Крюковой (Томск), в котором рассматривалось изменение кодирования локальных и темпоральных отношений, и сообщение Е. Клопотовой (Бергиш-Гладбах), в котором анализу подвергались названия внутренних органов и выявлялись связанные с ними возможности семантического развития.

Дискуссия на конференции затрагивала широкий круг вопросов: моделирование процессов языковых изменений; причины, механизмы и проблема «обратимости» грамматикализации; органологические и инструменталистские подходы к языку; соотношение эмпирических исследований и теоретических обобщений; проблема составления и аннотации текстового корпуса; проблема «движущей силы» языковых изменений, соотношение различных типов значений в системе языка, роль корпуса в грамматических исследованиях.

Материалы конференции будут опубликованы в сборнике статей под редакцией М.Л. Котина и Е.Г. Которовой в издательстве «Винтерферлаг» в Гейдельберге в 2011 г.

М.Л. Котин, Е.Г. Которова

Сведения об авторах:

Михаил Львович Котин
Институт германистики Зеленогурского
университета
michailkotin1@gmail.com

Елизавета Георгиевна Которова
Институт германистики Зеленогурского
университета
e.kotorova@gmail.com

Международная конференция «Slavicorp»

22–23 ноября 2010 года в Варшаве прошла конференция «Slavicorp», собравшая специалистов, занимающихся реализацией корпусных проектов, в той или иной степени включающих славянский языковой материал. Это одна из первых конференций по славянским корпусам, довольно ясно обозначившая современные тенденции в корпусной славистике. Естественно, что большинство участников представляло славянские страны, но заметную роль играли также и корпусные лингвисты из Норвегии и Швейцарии. За два дня работы можно было познакомиться с пленарным докладом и принять участие в работе двух параллельных секций. Заключительное

заседание было совмещено с рабочим совещанием корпусной комиссии при Международном комитете славистов.

Пленарное выступление Ф. Чермака (Чехия) вписывало масштабный чешский корпус InterCorp в общую панораму современного состояния корпусной лингвистики. Во-первых, не случайно именно материал о параллельном корпусе стал темой главного доклада конференции, речь об этом типе корпусных инструментов в Варшаве заходила неоднократно. В той или иной степени почти все положения доклада вызвали живое сочувствие или полемический отклик. В частности, уже ближе к концу выступления докладчик обозначил

свою позицию по довольно болезненному вопросу авторских прав, с которым в явном или неявном виде неизбежно сталкивается любой создатель современного корпуса. Ф. Чермак постарался сгладить эту проблему, представив ее наименее острые стороны.

Дальнейшая работа конференции в первый день являла собой своего рода парад больших и малых славянских монолингвальных корпусов, которые чередовались с находящимися на том или ином этапе реализации проектами параллельных корпусов. Последние, как можно судить по активности в этой области (по крайней мере, в среде славянских корпусных лингвистов), особенно востребованы и в ближайшее время будут приоритетным направлением корпусостроения. В.А. Плунгян (Россия) представил «Национальный корпус русского языка», который уже довольно хорошо известен и является своего рода авторитетом (но все же пока еще не образцом) в корпусной сфере. Русский корпус упоминался в дискуссиях к докладам конференции как пример необычной для корпусной практики простоты и дружелюбности интерфейса. Почти одновременно были представлены два больших и тоже по-своему авторитетных хорватских корпуса: в докладах М. Тадич (Хорватия) «Хорватский национальный корпус» и Д. Брозович, Д. Чавар (Хорватия) «Ризница – хорватский языковой корпус». Объем корпусов, тщательность разметки, внимание к жанровой сбалансированности текстов в обоих корпусах свидетельствуют о высоком уровне корпусной лингвистики в Хорватии, что, увы, не всегда можно сказать о других славянских странах. А. Грённ, Ш. Ро Хауге, Е. Хачатурян, Л. Шарич (Норвегия) представили путь развития уже существующего параллельного русско-норвежского корпуса RuN, в который добавляются другие европейские (главным образом, славянские) языки: «От RuN к Run-Euro: мультилингвальный параллельный корпус университета Осло». Кроме собственно презентации корпуса, в докладе внимание было уделено идее создания единого банка стандартизированных текстов, которые при необходимости создатели корпусов могли бы включать в свои проекты, затрачивая при этом минимум усилий по обработке. Вопросы стандартизации тоже стали одним из ключевых мотивов конференции и еще не раз будут обсуждаться в приложении к системам разметки, интерфейса и т. д.

На фоне таких масштабных докладов несколько выделялось выступление И. Косема (Словения), в котором поднимался вопрос о дружелюбном к пользователю интерфейсе корпусных инструментов. Опыт словенских

разработчиков подсказал стандарты в этой области, до которых, как обозначила дискуссия после доклада, современным корпусам (может быть, за исключением Национального корпуса русского языка) еще очень далеко. Стандарты эти задаются «большими» поисковыми системами Интернета, в частности, лидером интернет-поиска Google. Простота, очевидность результата и, напротив, неочевидные для незаинтересованного взгляда технические детали работы системы – это те параметры, которыми пока что может похвастаться далеко не каждый корпус.

Своим значительным техническим и лингвистическим уровнем впечатляет Болгарский национальный корпус. Его представили в своем докладе Д. Благоева, С. Колковска, Ц. Григориева и Н. Костова (Болгария), специально указав, что сейчас корпус является важной основой для лексикографической деятельности.

Гораздо более скромно на этом фоне выглядят достижения сербских ученых. Д. Витас и М. Утвич (Сербия) описали сравнительно небольшой (25 миллионов слов), морфологически не размеченный и, что тоже важно, недоступный для свободного использования Корпус современного сербского языка, которым, однако, пользуется около 250 славистов по всему миру.

Заключительное секционное заседание первого дня работы конференции в значительной степени вновь было посвящено параллельным корпусам. Д.В. Сичинава (Россия) рассказал о параллельных корпусах в составе Национального корпуса русского языка – как об уже доступных, так и о планируемых, при этом очевидно, что планы эти в первую очередь связаны именно со славянскими параллельными корпусами. М. Лазинский (Польша), М. Куратчек (Польша), Б.В. Орехов (Россия/Норвегия) и Е.А. Слободян (Россия) представили демонстрационную версию русско-польского параллельного корпуса, который стал результатом сотрудничества больших польского и русского корпусных проектов. Когда работа будет завершена, корпус будет доступен одновременно на сайте НКРЯ и на сервере Варшавского университета. Л. Грабовски (Польша) выступил с докладом об использовании корпуса при составлении «Польско-русского словаря устойчивых выражений», попутно высказав рабочие соображения об удобстве интерфейса корпуса.

Второй день работы конференции прошел под знаком более частных аспектов построения корпусов, а также основанных на корпусном материале собственно лингвистических исследований. Так, Ш. Ро Хауге (Норвегия)

представил доклад об использовании параллельного корпуса в изучении дискурсивных элементов, а М. Копеч (Польша) рассказал о снятии омонимии (дезамбигуации) в Национальном корпусе польского языка. Хозяева конференции поделились опытом в еще нескольких выступлениях, с разных сторон представив Национальный корпус польского языка, в частности, К. Гловиньска прочитала доклад о синтаксической разметке в польском корпусе.

Однако и во второй день состоялось несколько презентаций славянских корпусных проектов. Н. Дарчук (Украина) рассказала о Корпусе украинского языка, а Р. фон Вальденфельс (Швейцария) представил довольно масштабный по охвату материала параллельный корпус славянских (и некоторых других) языков ParaSol, включающий тексты на 20 языках общим объемом в 16 миллионов слов. При этом структура корпуса довольно сложна и не каждый текст на одном языке имеет пару на каждом другом, заявленном в корпусе. Однако количество таких парных соответствий уже тоже довольно внушительно: 167.

В заключении конференции Н. Коцыбой (Польша) был сделан обзор польско-украинского параллельного корпуса, работа над которым все еще далека от завершения, и инструмент пока не доступен для использования в Интернете.

На заседании корпусной комиссии при Международном комитете славистов обсуждались организационные вопросы о составе и порядке работы этой структуры. Было принято предварительное решение о приглашении в члены самых авторитетных специалистов в данной области и о том, что до выборов, которые пройдут на Международном съезде славистов в Минске, исполняющим обязанности председателя будет Марек Лазинский (Польша).

Б.В. Орехов

Сведения об авторе:

Борис Валерьевич Орехов
Университет Осло /
Башкирский гос. пед. университет
им. М. Акмуллы
boris.orekhov@ilos.uio.no

CONTENTS

Elena V. Paducheva (Moscow). Egocentric valencies and deconstruction of the speaker; Marina V. Pimenova (Vladimir). Syncretism in lexical semantics manifesting the linguistic asymmetry between form and meaning; Ekaterina A. Pshekhotskaya (Moscow). Grammar of applicative in Russian; Sandra Birzer (Regensburg). On development of the preposition *otstupja ot*; Alexander I. Falileyev (St. Petersburg/Aberystwyth). Issues in Ligurian linguistics. *Ligurica sub specie Celto-Liguricae et Indo-Germanicae*; Beatrisa B. Khodorkovskaya (Moscow). Deponent verbs in Latin (exemplified by Tacitus); **Bibliography. Reviews:** Svetlana G. Shulezhkova (Magnitogorsk). *V.M. Mokienko, G.A. Lilich, O.I. Trofimkina*. An explanatory dictionary of biblical words and phrases; Valery D. Solovyev (Kazan). *S. Wichmann, E. Holman*. Temporal stability of linguistic typological features; Maxim M. Makartsev (Moscow). *M. Dedaić, M. Mišković-Luković* (eds.). South Slavic discourse particles; Kirill V. Babae v (Moscow). *R.-J. Anyanwu*. Tense, aspect, and mood in Benue-Congo languages; Maria V. Shkapa (Moscow). *M. Bloch-Trojnar* (ed.). Perspectives on Celtic languages; Nina R. Sumbatova (Moscow). *G. Authier*. *Grammaire kryz* (Langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik); **Chronicle:** Maxim M. Makartsev, Svetlana A. Sidneva, Anton E. Tyunin (Moscow). Workshop «Tsvetnitsa. Duminica floriilor. Βαγιοκυριακή. Diela e lulevet... Vegetable code of the Palm Sunday in the Balcano-Balto-Slavic areal»; Zhanna Zh. Varbot, Lyubov V. Kurkina (Moscow). International workshop «Dialectal division of Proto-Slavic in the light of etymological studies»; Emily Wright (Lauzanne). International conference «Translation and intercultural communication in the light of the history of linguistics»; Mikhail L. Kotin, Elizaveta G. Kotorova (Zielona Góra). International conference «History and typology of language systems»; Boris V. Orekhov (Ufa/Oslo). International conference «Slavicorp».

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ,
ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»**

БЕ	–	Български език
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВИ	–	Вопросы истории
ВСЯ	–	Вопросы славянского языкознания
ВФ	–	Вопросы философии
ВЯ	–	Вопросы языкознания
ЕИКЯ	–	Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО	–	Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ	–	Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ	–	Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС	–	Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
ИЯШ	–	Иностранные языки в школе
РЯНШ	–	Русский язык в нац. школе
РЯШ	–	Русский язык в школе
СБНУ	–	Сборник за народни умотворения
Сб. ОРЯС	–	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СТ	–	Советская тюркология
ТОДРЛ	–	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома)
ФН	–	Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW	–	Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh	–	Archiv für slavische Philologie
AGL	–	Archivio glottologico Italiano
AKGW	–	Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL	–	Acta linguistica
AmA	–	American anthropologist
ANF	–	Arkiv för nordisk filologi
AO	–	Archiv orientální
APAW	–	Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC	–	Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ	–	Biulétyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP	–	Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS	–	Bullétin of the School of Oriental studies
BzNf	–	Beiträge zur Namcnforschung
CAJ	–	Central Asiatic journal
CFS	–	Cahiers F. de Saussure
CJ	–	The classical journal
FPhon	–	Folia phoniatica
FuF	–	Finnisch-ugrische Forschungen
GL	–	General linguistics

HR	– Hispanic review
IF	– Indogermanische Forschungen
IJ	– Indo-Iranian journal
IJAL	– International journal of American linguistics
JA	– Journal asiatique
JASA	– Journal of the Acoustical society of America
JEGPh	– Journal of English and Germanic philology
JL	– Journal of linguistics
JP	– Język polski
JRAS	– Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu	– Journal de la Société finno-ougrienne
JФ	– Јужнословенски филолог
KZ	– Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LaPh	– Linguistics and Philosophy
Lg	– Language
LIn	– Linguistic Inquiry
LM	– Les langues modernes
MM	– Maal og minne
MSFOu	– Mémoires de la Société finno-ougrienne
MSLP	– Mémoire de la Société de linguistique de Paris
MSOS	– Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
NSS	– Nysvenska studier
NTS	– Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
PBB	– Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
PMLA	– Publications of the Modern Language Association of America
RES	– The Review of English studies
RÉG	– Revue des études grecques
RÉSI	– Revue des études slaves
RF	– Romanische Forschungen
RKJL	– Rozprawy Komisji językowej Łódźk. t-wa naukowego
RKJW	– Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
RLing	– Russian linguistics
RLR	– Revue de linguistique romane
RO	– Rocznik orientalistyczny
RS	– Rocznik slawistyczny
SaS	– Slovo a slovesnost
SDAW	– Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
SL	– Studia linguistica
SMS	– Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu históriu
SPAW	– Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
StO	– Studia orientalia
SWAW	– Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
TA	– Traduction automatique
TCLC	– Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
TCLP	– Travaux du Cercle linguistique de Prague
TIL	– Travaux de l'Institut de linguistique

TPhS	– Transactions of the Philological society
UAJb	– Ungarische Jahrbücher
VR	– Vox Romanica
WW	– Wirkendes Wort
ZAS	– Zentralasiatische Studien
ZCPh	– Zeitschrift für celtische Philologie
ZDA	– Zeitschrift für deutsches Altertum
ZDMG	– Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
ZDPh	– Zeitschrift für deutsche Philologie
ZMaF	– Zeitschrift für Mundartforschung
ZNS	– Zeitschrift für neuere Sprachen
ZPhon	– Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZRPH	– Zeitschrift für romanische Philologie
ZSL	– Zeitschrift für Slavistik
ZSLPh	– Zeitschrift für slavische Philologie

Сдано в набор 17.02.2011	Подписано к печати 19.04.2011	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ.л. 13,0	Усл.кр.-отт. 9,2 тыс.
	Тираж 694 экз.	Уч.-изд.л. 15,5
	Зак. 1324	Бум.л. 5,0

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6